Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

На правах рукописи

Тейкин Михаил Спартакович

Региональная этнонимия Северо-Востока России: на примере русских названий коренных малочисленных народов

Специальность 10.02.01 — русский язык

Диссертация
на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель
докт. филол. наук, доц.
Васильев Валерий Леонидович

Великий Новгород — 2021

Оглавление

Введение.....3

Глава 1. Этнолингвистические особенности Северо-Востока России.....15

1.1. Этноязыковая ситуация на Северо-Востоке. Изучение и описание языков и народов края.....15

1.2. Этноним как определитель народа. Этническая идентичность малочисленных народов Северо-Востока.....19

Выводы по главе 1.....26

Глава 2. Регионолект в соотнесении с ономастическим пространством края.....27

2.1. Понятие регионолекта, его различие с диалектом и основные черты.....27

2.2. Ономастическое наполнение регионолекта.....43

2.3. Регионализмы: проблема принадлежности к литературному языку.....55

2.4. Этноним как лингвистическое понятие. Особый статус этнонима в ономастике.....63

Выводы по главе 2.....70

Глава 3. Этнонимы малочисленных народов Северо-Востока России.....72

3.1. Айны.....74

3.2. Алеуты.....81

3.3. Ительмены.....87

3.4. Камчадалы.....90

3.5. Кереки.....108

3.6. Коряки.....112

3.7. Чуванцы.....124

3.8. Чукчи.....131

3.9. Эвенки.....152

3.10. Эвены.....162

3.11. Эскимосы.....176

3.12. Юкагиры.....190

Выводы по главе 3.....198

Заключение.....200

Список сокращений.....204

Список литературы.....206

Монографии, статьи, диссертации и прочее.....206

Лексикографические работы.....229

Приложение. Стандартизация этнических названий. Проблема лексикографического описания этнонимов.....235

Введение

Ономастика — это наука о собственных именах [Русская ономастика 1994: 7]. Название происходит от греческого ὀνομαστική ‘искусство давать имена’. Значительный интерес для ономастики представляют региональные имена, не известные широко за пределами места распространения и потому мало изученные. В их число входят топонимы, гидронимы, оронимы, урбанонимы и др. онимы. Предметом региональной ономастики является изучение онимов отдельных территорий или же совокупность всех онимов одной территории, взятой для исследования.

Региональными в ономастике следует считать слова, имеющие хождение в конкретной местности и малоизвестные в других местностях или в общерусском ономастическом пространстве в целом. Специфику региональной онимии обусловливают не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы: природные, социальные, экономические, политические и др. Региональная ономастика определяется историей заселения и развития края, этнической однородностью или неоднородностью, удалённостью от центра, темпами экономического развития и т. п. Северо-Восток России, являясь самой отдалённой от центра страны территорией с суровым климатом, всегда отличался малой заселённостью. До периода промышленного освоения (1930-е годы) здесь проживало преимущественно малочисленное автохтонное население и русские старожилы, в регионе издревле было представлено значительное число этносов. Как следствие этого, на Северо-Востоке использовались различные этнонимы для каждого народа и для отдельных субэтнических, племенных и просто географических групп (микроэтнонимы), что обусловливало богатство регионального этнонимикона. С начала промышленного освоения края резко выросло в количественном отношении число русских, ставшее преобладающим, что наложило свой отпечаток на ономастику края: появились новые топонимы, политические изменения в стране способствовали преобразованиям в этнонимии, повлекли

за собой изменения в аллоэтнонимах. При этом число этносов на Северо-Востоке не изменилось: здесь проживали те же народы, но изменилось процентное (качественное) их соотношение.

Ономастика каждого региона есть единая и целостная система, в которой онимы всех уровней взаимосвязаны между собой. Исторические и устаревшие названия переплетаются с современными, онимы разных классов служат источником именования топографических объектов: например, от этнонимов и гидронимов образуются топонимы, от топонимов — катойконимы и эргонимы и т. д.

При этом на сегодня следует отметить недостаточную изученность региональной ономастики. Это объясняется как обширностью территории страны, следствием чего является множественность объектов для изучения, так и сравнительно недавним с точки зрения истории началом глубоких отечественных региональных ономастических исследований.

Этнонимика (от греч. ἔθνος ‘племя, народ’ и ὄνυμα ‘имя, название’) — раздел ономастики, изучающий происхождение, распространение, функционирование и структуру этнонимов [Нерознак 1998: 598]. Этнонимика исследует историю этнонимов, их употребление, распространение и современное состояние.

Для России особую актуальность представляет изучение этнонимов ввиду того, что в нашей стране проживает более ста народов; по Г. Ф. Ковалёву, этнонимия [1] России с учётом исторических и словообразовательных вариантов может составить не менее трёх тысяч единиц [Ковалёв 2014: 133]. Такое ономастическое изобилие представляет широкий простор для исследователей. Далеко не все регионы России в настоящее время

[1] *Этнони́мия*: 1) упорядоченная совокупность слов в языке, обозначающих этнонимы; 2) то же, что *этнони́мика*, но только в аспекте изучения названий этнических сообществ, без истории этнонимов, их функционирования и закономерностей построения (см.: [НБТС: 1526; Жеребило 2010: 472]). В первом значении также синоним термина *этнони́кикон*.

глубоко изучаются ономатологами, отдалённые местности до сих пор остаются в тени широкого научного освещения.

Большую сложность в изучении этнонимов и их значения в прошлые эпохи создаёт русская лексикографическая традиция. А. И. Грищенко отмечает, что впервые этнонимы появились в словарях лишь к концу XIX века — причём неакадемического характера; представленность этнонимической лексики в современных лексикографических работах, по справедливому замечанию учёного, представляет в целом безрадостную картину [Грищенко 2013: 147].

Кроме того, остаётся практически без внимания широкомасштабная акция советской власти, предпринятая в довоенное время, а именно: последовательная замена этнонимов, использовавшихся в Российской Империи, на этнонимы, наиболее близко стоящие по звучанию к самоназваниям народов (автоэтнонимам). Проводившаяся в 1920–30-е годы политика коренизации виделась большевикам как способ приобщить некогда «отсталые» народы к социалистическому строительству, поднять их уровень культуры, возвысить самосознание. Смена привычных названий народов была лишь малой частью проводившихся тогда экспериментов. Внутреннее их содержание — имеющее скорее политический, чем лингвистический, характер — затрагивало политику и идеологию не в такой большой степени, как, скажем, выбор графики письма, перекраивание границ или создание очередной союзной либо автономной республики. «Переименованию» народов уделялось мало внимания со стороны учёных, смена этнонимов на Северо-Востоке не являлась предметом специализированного научного исследования. В настоящее время на слуху большевицкие топонимические эксперименты, влияющие на нашу жизнь и являющиеся предметом широких споров. В основе семантики официальных этнонимов не лежат спорные имена и явления, что снижает остроту идеологических обсуждений или сводит её к нулю.

Этнонимия Северо-Востока и изменения в ней, предпринимавшиеся после революции в отношении почти каждого малочисленного народа, до сих пор не получили должного анализа относительно целесообразности таких действий с точки зрения филологии, истории и этнографии. Не все попытки властей оказались успешными, и некоторые народы, несмотря на кратковременное «переименование», до сих пор известны в науке и обыденной жизни под теми же именами, что и до революции (например: чукчи, коряки, эскимосы). Однако в целом императивные меры имели успех: если новое имя народа вводилось в практику и последовательно употреблялось в сфере политики и науки, оно приживалось в русском языке и закреплялось, старое же вытеснялось из памяти; причём касается это не только Северо-Востока. Сегодня не все знают, кто такие вотяки, черемисы, самоеды, гольды и другие народы России, а между тем это были общеупотребительные этнонимы тех, кого стали называть удмуртами, марийцами, ненцами, нанайцами.

Следует подчеркнуть: нельзя безусловно отрицательно относиться ко всем «переименованиям» народов: в некоторых случаях это было целесообразно и с научной, и с практической точек зрения. Представляется необходимым изучить бытовавшие этнонимы народов Северо-Востока, сферу их употребления, а также изменения в них и их замену на новые.

Этнонимия всей страны и отдельных местностей является объектом лингвистического и этнографического исследования. Наименования малочисленных северных народов не являются широко известными вне пределов проживания самих представителей данных этносов. Этнонимы Северо-Востока можно отнести к региональной лексике, за исключением такого широкоизвестного, как *чукча* (не в последнюю очередь, к сожалению, ввиду многочисленных анекдотов).

Актуальность настоящего исследования обусловливается несколькими факторами: отдалённость Северо-Востока от центра, его малозаселённость и малочисленность проживающих здесь народов, сравнительно позднее

промышленное освоение явились причиною малой изученности ономастики региона в целом и этнической ономастики в частности.

Этнонимика является частью ономастики, но при этом этнонимы в отличие от других онимов имеют характерную особенность: они находятся на стыке имён собственных и нарицательных; в настоящее время у исследователей нет единой точки зрения на деление этнонимов по данному лексико-грамматическому разряду, о чём речь пойдёт ниже.

Этнонимы, как и другую ономастическую лексику, следует разделять на общеизвестные и региональные; последние чаще всего обозначают невеликое число носителей, но могут при этом иметь хождение на значительном пространстве, хотя и малозаселённом.

Этнонимия Северо-Востока России в ретроспективном аспекте представляет до сих пор не изученную широко тему. В отличие от лингвистического пространства региона, являвшегося объектом исследования ряда учёных (из самых известных имён прошлой эпохи следует назвать В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона), изучение этнонимов носило, как правило, описательный характер, без разбора их преобразований и изменений. Объясняется это тем, что основным предметом исследований чаще всего являются языки малочисленных народов Севера, этнографические особенности, фольклор; этнонимы служат большею частью лишь способом обозначения в научных трудах этносов и субэтнических групп, с разбором их этимологии, но без подробного упоминания их видоизменений в русском языке в разные эпохи.

Между тем для науки ономастики представляет интерес изучение названий народов в прошлом и настоящем, поскольку это помогает не только проследить эволюцию имени, но и найти лингвистические связи между неродственными соседними этносами, обнаружить места предыдущего обитания народов, выявить культурное взаимодействие и языковые заимствования.

Региональная этническая ономастика вмещает в себе множество имён — от литературных до нелитературных, включая оскорбительные (т. н. этнофолизмы). Последние в настоящей работе не рассматриваются.

Степень разработанности темы. За последние пятьдесят лет российская региональная ономастика достигла значительных результатов. Изучены многие проблемные вопросы, выявлена типичная для того или иного региона ономастическая и апеллятивная лексика, типовые ономастические морфемы и форманты, в ряде областей проведены комплексные исследования региональной онимии и описаны местные ономастические системы [Гордова 2018: 8]. Данные слова в полной мере нельзя отнести к Северо-Востоку, тем более по отношению к этнонимике региона. По справедливому замечанию Ю. А. Резвухиной, высказанному в 2014 году, особенности наименований коренных народов Крайнего Северо-Востока России (как аллоэтнонимов, так и автоэтнонимов) изучены недостаточно [Резвухина 2014а: 115]. Ещё в самом конце XX столетия Е. М. Гоголева отметила, что названия редких немногочисленных или исчезающих групп представлены только в специальных этнографических описаниях и в региональной литературе [Гоголева 1999: 16]. С тех пор мало что изменилось. Из фундаментальных трудов современности, где исследуются в том числе этнонимы народов, представленных на Северо-Востоке, в первую очередь следует назвать монографию А. А. Бурыкина [Бурыкин 2006], на базе которой им же была защищена диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук [Бурыкин 2011]. Однако труд петербургского учёного охватывает две отрасли ономастики: этнонимику и топонимику — и в значительной степени носит исторический, нежели лингвистический, характер. Он не является исчерпывающим исследованием этнонимов Северо-Востока России во всех аспектах, при всей своей важности и фундаментальности. Отдельного внимания заслуживает исследование А. А. Сириной, посвящённое эвенам и эвенкам, с подробным описанием и анализом различных этнонимов этих народов [Сирина 2012]. Следует отметить монографию Л. Н. Хаховской,

посвящённую камчадалам Магаданской области, где освещается их история, а также описываются наименования данного народа в отдельном регионе Северо-Востока [Хаховская 2003].

Как правило, работы, где в числе прочего есть разделы об этнонимии Северо-Востока, посвящены языкам, этнографии или истории, а названия этносов и субэтносов даются в качестве дополнения. Исследователи приводят этимологию имён народов — точную или предположительную, но не приводится анализ функционирования экзоэтнонимов и эндоэтнонимов (аллоэтнонимов и автоэтнонимов) в синхроническом и диахроническом аспектах. Настоящая работа, по мысли автора, призвана частично заполнить имеющийся пробел.

Научная новизна работы состоит в том, что: 1) этнонимы малочисленных народов Северо-Востока исследуются с точки зрения региональной лингвистики, изучается их включённость в региолект; 2) впервые в аспекте региональной этнонимики исследуются изменения в этнонимии (этнонимиконе) малочисленных народов Северо-Востока в послереволюционный довоенный период; 3) в научный оборот вводится понятие *ономастический регионализм*.

Целью настоящего исследования является описание этнонимов малочисленных народов Северо-Востока в синхроническом и диахроническом аспектах.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

— определение перечня народов, чьи этнонимы подлежат описанию и исследованию в настоящей работе;

— выявление круга описываемых этнонимов, включая автоэтнонимы и микроэтнонимы;

— анализ имеющихся научных работ по региональной лингвистике и региональной ономастике;

— уточнение толкования этнонимов в лексикографических работах;

— этимологическая характеристика этнонимов малочисленных народов Северо-Востока;

— обоснование классификационных принципов выделения ономастических регионализмов, их соотношение с литературным языком;

— выявление и описание экстралингвистических факторов, оказавших влияние на выбор или смену этнонима каждого малочисленного народа Северо-Востока;

— выявление и сопоставительный анализ различных вариантов этнонимов и микроэтнонимов в грамматическом и орфографическом аспектах в исторической ретроспективе;

— указание официально используемого в русском литературном языке единого этнонима для каждого описанного народа в единственном и во множественном числе, включая женский дериват (производное), и отэтнонимического прилагательного, с возможными орфоэпическими вариациями, не являющимися отклонениями от литературной нормы.

Методологической основой настоящего исследования послужили труды лексикографов, ономатологов и исследователей, занимавшихся или занимающихся вопросами региональной лингвистики.

За основу взяты труды лексикографов: Я. К. Грота, М. Фасмера, Л. В. Щербы, Д. Н. Ушакова, А. Е. Аникина и др.

Использованы теоретические достижения русских ономатологов, в частности: В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона, В. А. Никонова, А. И. Попова, О. Н. Трубачёва, А. А. Белецкого, А. В. Суперанской, В. Д. Бондалетова, В. И. Супруна, Е. Л. Березович, Г. А. Меновщикова, И. С. Вдовина, А. К. Матвеева, Г. Ф. Ковалёва, В. А. Туголукова, А. А. Бурыкина, Т. А. Сироткиной, А. А. Сириной, А. И. Грищенка.

Изучены и взяты за основу труды исследователей в области региональной лингвистики: А. С. Герда, В. И. Трубинского, Е. А. Оглезневой, Т. И. Ерофеевой, Р. Р. Гельгардта, Л. А. Грузберг, А. П. Майорова,

Е. М. Гоголевой, А. А. Соколянского, Н. Н. Соколянской, И. С. Зварыкиной, Ю. А. Резвухиной и др.

Методы и приёмы исследования определяются указанными выше задачами. Для лингвистического анализа этнонимов в качестве основного избран описательно-сопоставительный метод. Используются также методы обобщения и систематизации теоретических сведений, методы языкового анализа (лексико-семантического, словообразовательного, этимологического), сравнительно-сопоставительный анализ этнонимов.

Объектом диссертационного исследования являются этнонимы малочисленных народов Северо-Востока России.

Предметом изучения стала этимология и семантика этнонимических единиц, их место в русском языке прошлого и современности.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в настоящем исследовании поднимаются и получают теоретическое осмысление проблемы, связанные с изучением региональной этнической ономастики Северо-Востока России в синхронном, диахронном, ономасиологическом, структурно-семантическом, методологическом, прикладном аспектах.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в практике преподавания в высшем учебном заведении таких лингвистических дисциплин, как «Региональная лингвистика», «Этнонимика», «Социолингвистика», «Антропологическая лингвистика» и «Лингвокультурология». Ряд сведений может быть использован при подготовке словаря этнонимов России.

Достоверность полученных результатов обеспечивается репрезентативностью исследованного материала, всесторонним анализом значительного количества специальной литературы по проблематике диссертации и соответствием полученных выводов существующей теоретической научной базе.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования были представлены на следующих конференциях: Научных чтениях Северо-

Восточного государственного университета (Магадан, 2018), региональной научной конференции «Идеи, гипотезы, поиск…» (Магадан, 2018), XVI международных Березинских чтениях (Москва, 2019), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе» (Якутск, 2019), региональной научно-практической конференции молодых учёных, аспирантов и соискателей «Гуманитарные исследования молодых учёных: локальные и мировые тренды» (Якутск, 2020).

Предварительные результаты работы опубликованы в статьях:

1. *Тейкин М. С.* Экскурс в лингвистическую историю этнонима *чукча* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 247–254.

2. *Тейкин М. С.* Общие и региональные этнонимы эвенов: историко-филологические наблюдения // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 102–107.

3. *Тейкин М. С.* Этнонимы как особый пласт регионализмов: на материале наименований народов Северо-Востока России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 549–557.

4. *Тейкин М. С.* Этноним *камчадал* в лингвистическом пространстве Северо-Востока России // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 104–112.

5. *Тейкин М. С.* Этнонимы как составная часть регионального ономастикона: на примере Северо-Востока России и этнонимов *чукча* и *чукчанка* // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. Вып. 2 (28). С. 77–89.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Региональная ономастика охватывает весь спектр онимов территории, включая этнонимы, формируя единое ономастическое пространство края и служа базой единой ономастической карты страны.

2. Региональные онимы, составляя значительный спектр ономастического пространства территории, малоизвестны за её пределами.

3. Региолект включает в себя не только номены, но и онимы, функционирующие в данной местности.

4. Этноним, являясь частью ономастики, имеет особый статус, находясь на её периферии — между именами собственными и нарицательными.

5. Этнонимы малочисленных народов Северо-Востока России появились в русском языке в давнее время: отдельные из них начиная с XVII века, затем их число увеличивалось.

6. Этнонимия малочисленных народов Северо-Востока является заимствованной лексикой.

7. Отдалённость Северо-Востока от наиболее заселённых территорий обусловливает малую ознакомленность остальных жителей России с ономастикой региона и тем самым является причиной маркировки этнонимов малочисленных народов региональными онимами.

8. Региональные онимы, являющиеся частью региолекта, нельзя выносить за пределы литературного языка постольку, поскольку они суть единственные официальные наименования.

9. Этнонимия малочисленных народов Северо-Востока России есть разветвлённая система, связанная лингвистически и исторически с сопредельными территориями, включая Северную Америку.

Структура и содержание работы. Настоящее исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии и приложения.

Во **введении** обосновывается выбор темы, её актуальность и научная новизна, степень изученности, определяются цель и задачи работы, методы исследования, предмет и объект изучения, сообщаются сведения о практической значимости и апробации исследования, описывается структура работы.

В **первой главе** «Этнолингвистические особенности Северо-Востока России» разграничивается географическое пространство описываемого края,

даётся генеалогическая классификация языков малочисленных народов, приводится официальный перечень малочисленных народов; разбирается общий вопрос о соотношении этнонима и этнической идентичности.

Вторая глава «Регионалект в соотнесении с ономастическим пространством края» описывает появление новой отрасли лингвистики на границе диалектологии и литературного языка, проводится анализ существующей терминологии, освещается вопрос статуса регионализмов; изучается ономастическая составляющая регионалекта, этнонимы исследуются в качестве особых ономастических единиц; ставится вопрос отнесения этнонимов малочисленных народов Северо-Востока к регионализмам, обосновывается необходимость детального лексикографического описания каждого этнонима в совокупности со всеми названиями, относящимися к данной этнической группе.

Третья глава «Этнонимы малочисленных народов Северо-Востока России» посвящена исследованию и описанию этнонимов каждого малочисленного народа Северо-Востока, включая микроэтнонимы, устаревшие этнонимы, их место в русском языке в прошлом и в современности.

Заключение содержит общие выводы диссертационного исследования.

После заключения приведён **список сокращений**.

Библиография содержит 304 наименования, включая 59 лексикографических работ.

В приложении излагаются дополнительные сведения, не вошедшие в основной текст работы, косвенно касающиеся проблемы, поставленной в настоящем исследовании.

Глава 1. Этнолингвистические особенности Северо-Востока России

1.1. Этноязыковая ситуация на Северо-Востоке. Изучение и описание языков и народов края

Настоящее исследование посвящено ономастическому пространству Северо-Востока, в этой связи важно очертить пределы региона. Традиционно к нему относят следующие административные единицы: Чукотку, Камчатку, Магаданскую область и северо-восточные районы Якутии. В рамках настоящей работы исследования в области региональной этнонимики проводятся в обозначенных границах.

На Северо-Востоке представлено пять языковых семей, на языках которых говорят малочисленные народы, проживающие в крае. Ниже даётся генеалогическая классификация, указаны существующие и существовавшие на Северо-Востоке языки (без упоминания языков, распространённых в других регионах):

I. Алтайская макросемья:

1) тунгусо-маньчжурская семья, сибирская группа, языки:

— эвенкийский,

— эвенский.

II. Палеоазиатская макросемья:

2) чукотско-камчатская семья:

чукотская группа, язык:

— чукотский;

корякская группа, языки:

— корякский,

— алюторский,

— керекский (†)[2];

[2] Предположительно вымерший язык обозначается: (†), вымершие языки обозначаются: †.

3) эскимосско-алеутская семья, языки:

— алеутский,

— юитские языки азиатских эскимосов: науканский, чаплинский;

4) юкагирская семья, языки:

— северноюкагирский (тундренный, вадульский),

— южноюкагирский (колымский, одульский),

— омокский †,

— чуванский †;

5) ительменская семья, языки:

— ительменский (западноительменский),

— восточноительменский †,

— южноительменский †.

Классификация составлена по А. А. Реформатскому и М. Ю. Пупыниной, ительменские языки вынесены в отдельную семью согласно взглядам А. П. Володина [Реформатский 1996: 226, 231–232; Пупынина 2019: 354–355; Володин 1997: 60].

Все языки народов Северо-Востока являются агглютинативными.

Айнский язык является изолированным [Реформатский 1996: 226]. В России айны проживают в незначительном количестве в том числе на Северо-Востоке — на Камчатском полуострове, айнский язык (включая ныне вымершие сахалинско-айнский и курильско-айнский диалекты) ими утрачен.

На тунгусо-маньчжурских языках говорят эвенки и эвены. Носителями палеоазиатских языков являются чукчи и коряки. Эскимосско-алеутская семья на Северо-Востоке представлена азиатскими эскимосами (юитами) и алеутами, проживающими в России преимущественно на острове Беринга. Камчадалы собственного языка не имели.

Всего на Северо-Востоке представлено двенадцать малочисленных народов, не считая их субэтнических групп: *алеуты, ительмены, камчадалы, коряки, чуванцы, чукчи, эвенки, эвены, эскимосы* (азиатские), *юкагиры*, в незначительном количестве сохранились также *айны* и *кереки*.

Как указывает Н. Н. Соколянская, «[к]о времени появления русских (вторая половина XVII в.) на Крайнем Северо-Востоке Сибири проживали эскимосы, чукчи, коряки, юкагиры, ительмены, кереки и якуты» [Соколянская 1998: 20]. Камчадалы сформировались как народ после заселения русскими нового края — в XVIII веке. Эвены к приходу русских «занимали горную часть Верхоянского хребта, а также район Охотского побережья — приблизительно от р. Улья на юго-западе до р. Тауй — на северо-востоке. К юго-западу от Ульи соседями эвенов были аяно-майские тунгусы (эвенки), а к северо-востоку — оседлые коряки. В верховьях Яны и Индигирки эвены соприкасались с юкагирами, на правобережье Нижнего и Среднего Алдана — с якутами и эвенками» [Этническая история 1982: 155].

Таким образом, ко второй половине XVII столетия на Северо-Востоке были представлены живущие здесь до сего дня малочисленные народы. Изменился ареал проживания некоторых этносов: так, юкагиры, в прошлом расселённые от реки Лены до реки Анадыря, ныне занимают незначительную территорию в бассейне реки Колымы. Сильному изменению подверглись чуванцы, но сохранились как этническая единица.

Этнонимы малочисленных народов Северо-Востока, вошедшие в русский язык и обозначающие целые этносы, представляют собой заимствования из местных языков, видоизменённые в соответствии с фонетическими и грамматическими правилами русского языка. Таким образом, данная этнонимическая региональная лексика образовалась путём прямого заимствования, а не в результате нового семантического наполнения лексических единиц, существовавших в русском языке до знакомства с этими народами, и не путём создания новых онимов на чисто русской лексической основе. При этом этнонимы народов Северо-Востока не являются субстратными: по А. К. Матвееву, для субстрата решающим фактором при различении субстрата и заимствования является наличие или отсутствие этнической ассимиляции, поскольку субстратные элементы могут возникать только при поглощении одного народа другим [Матвеев 2001: 101–102]. В

данном случае необходимо говорить о заимствованных ономастических единицах, обозначающих племена и народы.

Описанием и исследованием народов Северо-Востока в XVIII и XIX веках занимались С. П. Крашенинников, Г. А. Сарычев, Я. И. Линденау, Г. Ф. Миллер, Г. В. Стеллер, И. Г. Георги, И. Ф. Крузенштерн, Ф. П. Врангель, Н. Л. Гондатти, К. В. Дитмар и др. В XX веке изучением и описанием народов края, их истории, культуры и языков занимались, в частности, В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, В. М. Зензинов; И. С. Вдовин, Б. О. Долгих, И. С. Гурвич, В. В. Леонтьев, Г. А. Меновщиков, К. А. Новикова, И. И. Огрызко, Е. П. Орлова, У. Г. Попова, П. Я. Скорик, В. А. Туголуков, В. И. Цинциус. Среди современных исследователей народов Северо-Востока следует отметить А. А. Бурыкина, Н. Б. Вахтина, А. П. Володина, Л. Н. Жукову, И. В. Куликову, И. А. Муравьёву, М. Ю. Пупынину, А. А. Сирину, А. И. Ткалича, В. Г. Турова, Л. Н. Хаховскую.

На начальном этапе изучения Северо-Востока исследователи, как правило, описывали встреченные во время путешествия народы, их внешность, быт и форму хозяйствования. В XIX веке началось глубокое изучение языков народов, что дало возможность лучше описать значение этнонимов, чётче разграничить субэтнические и географические группы по наименованиям.

В то же время большинство исследований посвящено языкам малочисленных народов, этнонимы даются, как правило, перечнем — при указании места проживания той или иной группы. В данной ситуации порой представляется затруднительным извлечь точные лингвистические данные об этнонимах. Этим объясняется необходимость детального описания лексем как этнонимических единиц.

1.2. Этноним как определитель народа. Этническая идентичность малочисленных народов Северо-Востока

Ни один народ не существует без названия; как нет безымянных людей (но есть безымянные горы, реки и др. географические объекты), так не может быть и безымянных народов. А. И. Грищенко верно отмечает: «Если у народа нет собственного имени, понимаемого как собственное имя, то это не народ, а некая другая совокупность людей» [Грищенко 2012: 90]. Имя народа — этноним — играет ключевую роль в определении места народа среди других этнических общностей. Каждый народ имеет самоназвание — автоэтноним (эндоэтноним), необязательно совпадающее с названиями, даваемыми народу его соседями, — аллоэтнонимами (экзоэтнонимами). Название народа тесно связано с его идентичностью. В. И. Супрун замечает по данному поводу: «На этнонимах строится представление о самостоятельности и самобытности этносов и субэтносов» [Супрун 2017: 104]. Отсюда исходит важность выбора того или иного этнонима, могут возникать спорные ситуации по поводу корректных именований народов в чужих языках: не всегда аллоэтноним семантически связан с автоэтнонимом. Следует заметить, что это совершенно не обязательно для чёткой этнической дифференциации: непременным требованием, предъявляемым к аллоэтнониму — официальному наименованию народа в чужом языке, может быть только его «литературность», т. е. отсутствие негативной коннотации, поскольку любой язык кроме основного содержит множество названий соседних народов — от полуофициальных до бранных.

Л. Н. Хаховская справедливо отмечает, что советская теория этноса придерживалась примордиалистских установок. Подразумевалась аутентичность происхождения самоназвания, рассматривавшегося как индикатор зрелости этнического самосознания [Хаховская 2009: 68]. Историк В. М. Крюков в статье, написанной в советское время, подчёркивает: «Внешним признаком осознания людьми своей принадлежности к тому или иному этносу является этническое самоназвание. Речь идёт именно о

самоназвании, а не о наименовании этноса вообще — этнониме» [Крюков 1984: 8]. С данным тезисом нельзя не согласиться; — действительно, для чёткого разграничения себя от остальных главную роль играет не язык (он может быть один для нескольких народов), а обозначение себя определённым именем. Всякий народ имеет самоназвание. Однако необходимо помнить, что самоназвание далеко не всегда этимологически связано с языком народа, — бывают ситуации, когда автоэтноним (эндоэтноним) имеет иноязычное происхождение. Чаще всего это наблюдается у «молодых» народов, например Северной и Южной Америки, появившихся в результате иммиграции в Новый Свет. Так, этноним *мексиканцы* (исп. *mexicanos*, ед. ч. *mexicano*) имеет неиспанскую этимологию: слово заимствовано из индейского языка науатль, в котором слово *Mēxihcah* [meːˈʃiʔkaʔ] (ед. ч. *Mēxihcatl* [meːˈʃiʔkat͡ɬ]) — самоназвание одного из народов империи ацтеков, а также жителей альтепетля Теночтитла́н, этимология которого неясна [Karttunen 1992: 145]. Затем к науатльскому корню добавился испанский суффикс *-no* и получилось новое слово, ставшее названием для латиноамериканского народа, — *mexicanos*. Это — самоназвание, при этом индейское происхождение этнонима нисколько не умаляет самосознание испаноязычных людей, считающих себя мексиканцами, не все из коих имеют индейских предков.

Л. Н. Хаховская верно подчёркивает в начале статьи, посвящённой одному из малочисленных народов Севера: «Между тем изучение источников и механизмов обретения этнических имён выявляет дискурсивную природу процесса идентификации по этому признаку [аутентичности самоназвания] и ставит под сомнение правомерность проведения сколько-нибудь жёстких границ между эндо- и экзоэтнонимами» [Хаховская 2009: 68].

А. А. Сирина справедливо замечает: «В советское время было принято больше внимания обращать на признаки отличия, а не сходства, чем подчёркивалось, что это языки двух **разных** народов. По мнению некоторых носителей языка, филологов, разница между диалектами и говорами порой искусственно обострялась» [Сирина 2012: 130].

Самый древний тип этнонимии, на который указывает В. А. Никонов, — самоназвание, означавшее своих в противоположность чужим [Никонов 1970: 15]. Не совпадая в своей лексической форме, что естественно в силу языкового различия, такие самоназвания по своей семантике относятся к одному и тому же классу — «люди», «настоящие люди» [Крюков 1984: 7]. Как правило, данные самоназвания появляются в начальную эпоху развития этноса, когда противопоставление себя другим, чёткая маркировка своих и чужих по языковым, культурным, этнографическим признакам играет решающую роль, — без этого этническая группа не станет полноценным народом. Разумеется, разграничение себя от остальных имеет значение и в последующие эпохи, в период культурного развития и материального подъёма, но в начальный период, когда границы ещё чётко не определены, группа лиц, имеющая общие признаки и стремящаяся к объединению в единое целое (это может не обязательно продумываться сознательно, но непременно проявляться в поведении), волей-неволей отъединяет себя от других, иноплеменников.

Для малочисленных народов Севера, живущих в суровом климате, обусловливающем борьбу за существование, самоназвание обретало характер противопоставления себя другим: в сознании представителя этноса лишь ему подобные, говорящие на том же языке и ведущие схожий образ жизни, суть люди, остальные же в лучшем случае чужаки, а порою и не люди вовсе. Этим объясняется, что самоназвания многих малочисленных народов имеют значение ‘настоящий человек’ (чукчей, эскимосов и др.). Примечательно, что чукчи — воинственный народ, в прошлые века ведший активные войны с соседними народами, в том числе и с русскими. Стереотип поведения чукотского этноса нашёл отражение в этнониме. Действительно, по понятиям северных народов настоящим человеком может быть лишь тот, кто может выжить в суровых условиях, защитить себя и даже покорить других.

Обычно слово при преобразовании его в этноним отрывается от прежних этимологических связей, поскольку приобретает новое значение, а именно: маркировку определённой этнической группы. Такое явление наблюдается в

крупных языках, включая русский. Этимологические связи сильнее ощущаются в региональных, т. н. микроэтнонимах: они не служат обозначением целого народа, а лишь отдельной субэтнической группы (или же группы, которую даже нельзя выделить в субэтнос), поэтому здесь так не ощущается «оторванность» от изначального значения — напротив, иногда региональные этнонимы скорее приближаются к кличкам, даваемым по какому-либо характерному для общности признаку; всё это делает этимологию регионального этнонима (микроэтнонима) весомее, чем этнонима общего.

Содержание лексемы, обозначающей народ или племенную группу, может меняться и независимо от первичного объекта обозначения. Для этого не обязательно, чтобы изменялся сам этнический объект, он может остаться и прежним, — достаточно, чтобы изменились этнические представления о называемом у тех, кто употребляет этноним. Например, в Причерноморье в XIX веке молдаван называли цыганами и греками, перенося этноним с одного народа на другой [Ястребов 1893: 16], хотя первые не имеют к двум последним отношения ни по языку, ни по происхождению; здесь скорее имело место отождествление по внешности. Такие переносы этнонимов в прошлом могут также объясняться языковой общностью и схожим типом хозяйствования. В дореволюционной России этнонимом *киргиз* обозначали вовсе не киргизов (их именовали каракиргизами), а казахов, в обиходной речи даже и туркмен [Никонов 1970: 10]. Многие восточные народы, говорящие на тюркских языках, до революции именовались татарами, с маркировкой по месту проживания. Так, азербайджанцев называли закавказскими татарами [Желиховская 1885: 72–93], адербейджанскими татарами [Кавказский календарь 1908: 71 (7 паг.)] или же просто татарами, хотя этнически они ближе к туркам. Своё подтверждение это нашло после карабахского конфликта: многие армяне, в представлении которых Турция — недруг, стали и азербайджанцев именовать турками [Арутюнян 2016: 92]. Этому есть причина: турецкий и азербайджанский языки очень похожи, сами народы имеют много

общего; человеку же свойственно обобщать врагов, нивелировать всякие различия между ними и ставить знак равенства (=) там, где правильнее было бы поставить знак приблизительного равенства (≈). Впрочем, пример с азербайджанцами показателен: в Российской Империи их, разумеется, никак не могли назвать турками: последние жили в Османской Империи — недружественном России государстве, жители же Восточного Закавказья были подданными императора — отсюда вполне уместно именование их татарами, как и казанских татар (булгар) — тоже русских подданных.

Ещё один пример — австрийские немцы. Германская Империя, созданная в 1871 году, охватила почти все этнографические земли немцев, кроме Австрии. В силу определённых геополитических причин невозможно было объединить всех немцев в одно государство. Более того, германские кайзеры боялись распада Австро-Венгрии и делали всё возможное для сохранения этого государства, не прельщаясь присоединить к Райху австрийские немецкие этнические территории, составлявшие меньшую его часть. Австрия существовала как самостоятельное государство, но вплоть до середины XX столетия австрийцы не считались отдельным народом. Этноним *австриец (Österreicher)* включался в более обширный этноним *немец (Deutsche)*, как до настоящего времени включаются в состав немцев баварцы, имеющие не меньше отличий от пруссаков, чем австрийцы. Но после поражения Третьего Райха во Второй Мировой войне и воссоздания австрийского государства, присоединённого к Германии в 1938, австрийцы стали рассматриваться как отдельный народ, с которым немцев связывает общий язык. Таким образом, содержание этнонима *австриец* изменилось, по крайней мере на официальном уровне (некоторые жители Австрии и сегодня идентифицируют себя немцами, считая частью одного большого народа).

Этнонимы, особенно экзоэтнонимы, — вещь изменчивая. Приведённые выше факты свидетельствуют, как после геополитических изменений могут поменяться названия народов, а также и смысл, который в них вкладывается.

Йоахим Отто Хабек применяет понятие *измерения идентичности (dimensions of identity)*, весьма удачное для описания сложного феномена.

Идентичность любого человека представляет собой сложное явление и слагается из составляющих [Habeck 2005: 22]. В её формировании участвует множество факторов — государственный, этнический, региональный, религиозный, профессиональный и другие. Аспекты идентичности не статичны на протяжении жизни: они появляются, исчезают, видоизменяются и усложняются, в разном социальном контексте по-своему проявляются и выстраиваются в иерархию.

Д. А. Опарин делает важное замечание относительно этнической идентичности, с которым нельзя не согласиться. Дело в том, что сама по себе этническая идентичность далеко не всегда является определяющей поведение человека. «В повседневной жизни люди редко задумываются о своей национальной принадлежности и определяют то или иное действие или вырабатывают то или иное мнение согласно иным измерениям идентичности» [Опарин 2015: 50].

Й. О. Хабек указывает: «Этничность — это лишь одна составная часть личной идентичности. Существует много других составляющих, как например, принадлежность к религиозной группе, локальная (городская или сельская) идентификация, пол, профессия, и не в последнюю очередь — идентичность, проистекающая из выбора личного стиля жизни и досуга» [Хабек 2010: 87–88].

По мнению Д. А. Опарина, «[э]тническое измерение идентичности приобретает характеристики профессионального измерения, кланового, политического (принадлежность к категории *коренные народы*), поселкового, религиозного и других» [Опарин 2015: 50].

Действительно, идентичность человека — сложный аспект, было бы неправильно ограничивать его этнической принадлежностью. Человек, осознавая себя принадлежащим к определённой национальности, имеет также какой-то образовательный уровень, в значительной степени влияющий на его образ жизни, культуру и круг общения. Гражданство, являющееся

государственным уровнем идентичности, зачастую играет бóльшую роль, чем национальность, поскольку объединяет представителей разных народов перед лицом иностранцев, хотя бы и относящихся к той же национальности. При этом следует подчеркнуть, что государственная принадлежность не может нивелировать значение этнической принадлежности. Например, эскимосы-юиты, живущие в России и Америке, остаются одним народом, несмотря на существенную разницу в образе жизни и в языке общения.

Для малочисленных народов Севера важное значение в XX веке получило отнесение их к коренным народам, что давало определённые льготы от государства. Характерным примером здесь служат камчадалы: не имея возможности быть включёнными в список коренных малочисленных народов Севера в качестве камчадалов, некоторые стали записываться коряками, эвенами, ительменами.

Народы Севера, находясь в местах исторического обитания, свою этническую принадлежность не ставят на первое место: важнейшее значение имеет род занятий и образ жизни. Напротив, при нахождении в другой среде, в районах Центральной России, возрастает значение именно национальной идентичности, связывающей индивида со своим народом.

Подтверждение словам современных учёных находим у исследователя XIX века: «Но въ общемъ не національность опредѣляетъ различіе въ складѣ жизни инородцевъ сѣвера, а различіе это находимъ въ самыхъ условіяхъ, которыми обставлена жизнь той или другой части населенія, и главный факторъ, вліяющій на тотъ или иной образъ жизни[,] — это олень» [Ресин 1888: 36].

Механизм этнической идентичности народов Северо-Востока стал активно складываться уже в советскую эпоху. Во-первых, проводившаяся политика коренизации поставила вопрос отнесения различных субэтнических и просто географических групп к тому или иному народу. Во-вторых, для создания письменности и формирования единого литературного языка необходимо было очертить круг лиц — носителей диалектов, на базе которых

строилась языковая норма. В-третьих, переход на оседлое проживание изменил образ жизни, а новый тип общества в XX веке усилил важность именно этнической идентификации. В-четвёртых, массовое заселение Северо-Востока русским населением, имеющим резкие расовые, культурные и языковые отличия, укрепил формирование идентичности местных народов, поскольку для этнического самовосприятия важна не столько общность между своими, сколько различие с иными.

Выводы по главе 1

Название каждого народа связано с его этнической идентичностью, оно лежит в основе отличения себя от других, формирует национальное мировоззрение. В то же время идентичность человека связана не только с его национальной принадлежностью; в условиях Северо-Востока неменьшую важность имел тип хозяйствования и образ жизни.

К моменту открытия русскими первопроходцами нового края в нём были представлены народы, проживающие и ныне на Северо-Востоке. Лингвистическое разнообразие, помноженное на широкое пространство, лежало в основе формирования различных племенных и географических групп каждого малочисленного народа, что обусловило появление множества этнонимов, требующих описания и — по возможности — определения их статуса в языке.

Глава 2. Регионолект в соотнесении с ономастическим пространством края

2.1. Понятие регионолекта, его различие с диалектом и основные черты

В каждом языке с большим количеством носителей, проживающих на обширной территории, присутствуют те или иные отличительные черты, в какой-либо мере отстоящие от литературной нормы. В зависимости от степени отдалённости данных черт от литературного языка они определяются как говоры или полноценные диалекты.

Русский язык не имеет сильных диалектных различий. Это объясняется ранним построением централизованного русского государства — с XIV века. Политическая ситуация определила давнее создание единой языковой нормы для обширной территории. Например, объединённые Германия и Италия появились только в XIX столетии, что обусловило наличие множества немецких и итальянских диалектов, причём относительно Италии иногда говорится о существовании языков (например: венетского, ломбардского). В данных государствах диалекты охватывают целые регионы, и носителями таковых выступают почти все жители — и городские, и сельские. Имеется даже кодификация отдельных диалектов, на которых существует самостоятельная литература.

А. И. Соболевский верно замечает относительно территориального варьирования русского языка: «Казалось бы, на огромной территоріи великорусскаго нарѣчія должно было бы быть очень много говоровъ; но, вѣроятно, благодаря отчасти почти исключительно равнинному характеру этой территоріи, допускающему самое широкое общеніе для ея населенія, отчасти значительной консервативности великорусскаго нарѣчія, — мы видимъ лишь ограниченное количество рѣзко опредѣленныхъ діалектологическихъ различій» [Соболевский 1897: 8].

Русский литературный язык в своём современном виде стал складываться со второй половины XVII века. В XVIII столетии многие литераторы и учёные прилагали большие усилия в вырабатывании литературной нормы, что имело значительный успех и выразилось, в частности, в трудах М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, Н. М. Карамзина, В. Н. Татищева, чей язык является образцовым для того времени.

В русском лингвистическом пространстве также присутствует варьирование, но в значительно меньшей степени, нежели в немецком и итальянском; диалекты имели и имеют не такие сильные отличия от общелитературной нормы.

Я. К. Грот точно подметил диалектную ситуацию на территории распространения русского языка: «У насъ на всемъ огромномъ пространствѣ, занимаемомъ великороссіянами, слышится одинъ и тотъ же народный языкъ, и отличія его въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ ограничиваются, вообще говоря, либо оттѣнками выговора, либо частностями въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ» [Грот 1899: 108].

Изучение местных особенностей русского языка как заметное научное явление возникло в XIX веке. Диалекты в науке того времени как самостоятельное явление не выделялись и часто назывались областными наречиями, а описывающие диалектологические лексемы словари — областными. Данная терминология обнаруживается, в частности, у академика Я. К. Грота, крупного специалиста во многих областях лингвистики. При этом разработанность темы в целом была невысокой. А. И. Соболевский ещё в конце XIX столетия замечал: «Мы до сихъ поръ еще не имѣли спеціалистовъ по русской діалектологіи. Ученые занимались ею въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и при томъ наскоро, проѣздомъ, ухватывая лишь случайно встрѣтившіяся черты» [Соболевский 1897: 3].

Я. К. Грот указывал на важность изучения местных языковых особенностей: «Областныя нарѣчія могутъ служить къ обогащенію общеупотребительнаго языка, представляя часто матеріалы для удачнаго

выраженія такихъ понятій, для которыхъ въ немъ недостаетъ соотвѣтствующихъ словъ. <…> Областныя слова, выражая часто черты мѣстной физіономіи края или населенія, представляютъ драгоцѣнныя указанія для изученія нравовъ и обычаевъ народа» [Грот 1899: 112]. Действительно, региональная лексика отражает не только особенности природного ландшафта, но и многое говорит о населяющих местность жителях — их быте, типе хозяйствования и т. п.

Практическим отражением раннего изучения и описания слов, имеющих хождение в определённых областях, стали лексикографические работы, посвящённые диалектным и региональным особенностям русского языка. Наиболее известные из них: «Опыт областного великорусского словаря», изданный в 1852 году [ООВС-1], с последующим «Дополнением» к нему 1858 года [ООВС-2]; Северу посвящён «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом описании» А. И. Подвысоцкого 1885 года [СОАН]. Описание северных говоров русского языка продолжается Г. И. Куликовским в «Словаре областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом описании» 1898 года [СООН]. П. А. Дилаторский создаёт к 1902 году «Словарь областного вологодского наречия», опубликованный лишь сто четыре года спустя, в 2006 [СОВН]. Возрастает интерес к простонародному лексикону, энтузиасты публикуют собранные материалы, примером чему служит «Словарь народных речений», составленный на основе разговорного языка поселян Борисоглебского уезда Тамбовской губернии Христофором Козловым [Пискунова и др. 2002: 197–208]. Первой лексикографической работой, осветившей региональные особенности русского языка Северо-Востока России, стал «Областной словарь колымского русского наречия», составленный В. Г. Богоразом и изданный в 1901 году [Богораз 1901б].

За период XX, а также начала XXI века были опубликованы десятки региональных словарей, в том числе многотомных. Северо-Востоку посвящены «Словарь русских старожильческих говоров на территории

Якутии» [Дружинина], «Словарь русского камчатского наречия» [СРКН], «Диалектный словарь Русского Устья» [Чикачёв 2005]; данные работы описывают в значительной степени диалектные черты речи русских старожилов и русскоязычных представителей малочисленных народов. Лексические региональные особенности наиболее полно на сегодняшний день представлены в «Словаре региональной лексики Крайнего Северо-Востока России», изданном в 2010 году в Магадане на основе машинописного материала Г. В. Зотова; не охваченной описанием осталась только Камчатка, где исследователю не удалось побывать. В предисловии к словарю его редактор А. А. Соколянский отмечает: «В создаваемом сейчас словаре региональной лексики мы стремимся учесть и традиционный пласт диалектной лексики, а также слова, которые, являясь вполне региональными, не входят в число диалектных» [Зотов 2010: 5]. Таким образом, проводится грань между диалектизмами и регионализмами, что вполне обоснованно.

Диалект — это «разговорный вариант данного языка, которым пользуется ограниченное количество людей, связанных общностью территории, в постоянном и живом общении друг с другом» [Русская диалектология 1990: 5]. Сам по себе диалект не является «искажённой» версией литературного языка: он формируется на основе местных особенностей речи, чему способствует территориальная обособленность — отдаление от иных носителей того же языка; такое отдаление может проявляться не только в значительном расстоянии, но и в наличии географических преград. На формирование диалекта может повлиять и политическое размежевание некогда проживавшего в одном государстве народа: подчинение новому центру и политические изменения неизбежно ведут поначалу к лексическим изменениям, за которыми могут последовать различия в фонетике, синтаксисе и проч.

Изучение русских диалектов как научное явление существовало с XIX века. В тот период бóльшая часть носителей русского языка являлась сельскими жителями. Исторические условия способствовали появлению

местных особенностей речи столетия назад; поскольку не всё население низших сословий получало среднее образование, не вырабатывался в достаточной степени навык владения литературным языком. Всё это давало благодатную почву для сохранения диалектов, существовавших веками. По мере роста уровня образования исчезали местные речевые особенности, а перемещение населения, обусловленное промышленным ростом России, способствовало стиранию отличий в речи жителей различных регионов. Города, в которых проживало значительно большее количество владеющих литературным языком, не способствовали сохранению диалектов. Современные исследователи отмечают, что носителем диалектов является преимущественно сельское население [Герд 2005: 19; Зварыкина 2013: 33; Загрязкина 1995: 19]. Таким образом, исследование диалекта направлено большею частью на изучение языка деревни в его произносительной, лексической, грамматической и др. вариациях.

Академик Л. В. Щерба в статье «Современный русский литературный язык» 1939 года отмечал: «[П]ри этом надо иметь в виду, что диалекты могут быть местные, т. е. объединяющие людей географически, и социальные, т. е. объединяющие людей по профессии, классу и т. п.» [Щерба 1957: 117]. Основой литературного языка учёный считал монолог, а сам литературный язык виделся Л. В. Щербе как самостоятельный диалект, но особого типа, «наддиалектный диалект». Разговорная речь, в основе которой лежит диалог, «соткана из всяких изменений нормы» [Там же: 115–116].

Отсюда неизбежно возникают отличия от литературного языка, появление диалектных черт в зависимости от образования, социального статуса говорящего, образа жизни, рода деятельности и прочих внутренних и внешних факторов. Социальный, или профессиональный, диалект не имеет территориальной привязанности и отстоит от классического диалекта. Социальный диалект получил развитие в эпоху промышленного подъёма, переезда из сёл в города и появления множества новых профессий. Он

послужил и служит основой формирования новой городской речи, накладывая на неё значимый отпечаток.

Исследование регионолекта является частью комплексного изучения языка города — от литературной речи до жаргонизмов. Н. В. Хорошева отмечает, что одним из основных аспектов исследований регионолекта является локальная (региональная) вариативность литературного языка, а также взаимодействие литературного языка и его «нелитературного» окружения. Именно регионолект является той интегрирующей средой, которая накладывает отпечаток на функционирование других идиомов в городской речи [Хорошева 2011: 34].

Е. А. Оглезнева так объясняет актуализацию понятий *регионолект* и *региональные варианты языка*: 1) городская речь, в том числе литературная, как в центральных, так и в провинциальных городах испытывает влияние окружающих город диалектов; 2) русский язык в разных регионах России обладает спецификой вследствие языковых контактов с представителями народов соседних государств и коренных народов; 3) русский язык в регионах отличается самобытностью вследствие своеобразной реализации словообразовательных и семантических моделей и тем самым демонстрирует богатый потенциал своей системы [Оглезнева 2013: 29].

Одно из отличий регионолекта от диалекта — его динамичность: он находится в постоянном движении, в то время как диалект устойчив в течение длительного исторического периода.

Новый рост урбанизации, пришедшийся на середину XX века, привёл к изменению соотношения литературного языка и диалектов; в то же время отмечались особенности живой речи горожан, отличающейся в различных населённых пунктах. Уже в 1960-е годы — по мере изучения местных языковых особенностей в разных аспектах — становилось ясно, что для точного описания разнообразия форм существования русского языка одного понятия *диалект* недостаточно. В связи с этим учёными стали предлагаться новые термины (*полудиалект, интердиалект* и др.).

Термин *полудиалект* в отечественной науке одним из первых использовал В. М. Жирмунский в очерке о немецкой диалектологии, имеющей весьма разветвлённую структуру. Исследователь для нового понятия использовал кальку с немецкого термина *die Halbmundart*, также переводимого им на русский как *мещанские говоры*. Причина возникновения полудиалекта видится учёному в следующем: «Процесс поглощения местных народных говоров в период господства и всё большего распространения литературной нормы национального языка особенно отчётливо сказывается на судьбе тех диалектов, которые, подобно швабскому, обнаруживают значительные отклонения от нормы („первичные“ признаки по нашей терминологии), могущие служить препятствием для взаимного понимания за пределами непосредственно бытового общения односельчан и ближайших земляков» [Жирмунский 1956: 546]. По В. М. Жирмунскому, полудиалект — это переходная ступень, в которой нивелированы первичные признаки местного диалекта.

Т. С. Коготкова в статье «Литературный язык и диалекты» (1970) определила *полудиалект* как новую структуру диалекта. Исследовательница следующим образом описывает новый термин: «Имея в основе своей организации какой-либо конкретный территориальный диалект, полудиалект оформляется в качественно иную языковую структуру под воздействием литературного языка» [Коготкова 1970: 111]. При этом Т. С. Коготкова видела полудиалект находящимся по отношению к литературному языку в столь же полярном положении, что и диалект:

полудиалект ← литературный язык → диалект [Там же].

По мнению Н. А. Лукьяновой, полудиалект — это переходная ступень от диалектной речи к литературно-разговорной [Лукьянова 2000: 55]. Автор настоящего исследования находит более точным мнение Н. А. Лукьяновой: по схеме Т. С. Коготковой получается полярное отношение между диалектом и полудиалектом, между тем как В. М. Жирмунский на примере немецкой речи указывал на особенность полудиалекта: «В основном мещанские говоры (в

немецкой терминологии — Halbmundart: „полудиалект“) утратили более резкие и заметные особенности местных крестьянских говоров, присутствие которых могло бы служить существенным препятствием для языкового общения, но в то же время сохранили менее резкие местные диалектологические черты: иными словами, мещанские говоры теряют „первичные“ диалектологические признаки [могущие служить препятствием для общения с не знающими диалект], но сохраняют „вторичные“» [Жирмунский 1936: 90].

Монография «Типы наддиалектных форм языка» повторяет мысль В. М. Жирмунского, полудиалекту даётся следующее определение: возникшая на базе диалекта нивелированная, чаще (по происхождению) городская или же узкорегиональная разговорная наддиалектная форма языка, занимающая в иерархии промежуточных форм первую, низшую ступень (или низший слой) как в ареальном, так и в социально-функциональном отношении [Типы 1981: 83]. Второй формой языка, согласно монографии, является обиходно-разговорный язык, занимающий промежуточное положение между полудиалектом и разговорным языком [Там же: 87]. Однако такая четырёхступенчатая схема (диалекты, полудиалекты, разговорно-обиходные языки, литературный язык) скорее соответствует сложной германской диалектологии, описываемой в качестве примера на страницах вышеуказанной монографии; для русского языка представляется сомнительным необходимость разграничения двух ступеней промежуточных наддиалектных форм.

У Т. И. Ерофеевой и Л. А. Грузберг встречается термин *интердиалект*, который исследовательницы считают образованием на стыке диалектов, просторечия и некоторых форм литературной речи [Ерофеева, Грузберг 1989: 5].

Словарь Т. В. Жеребило даёт два значения термина *полудиалект*: «1. Промежуточное территориально-социальное языковое образование, возникшее в условиях взаимодействия территориальных разновидностей

языка (диалектов, говоров) и разрушения структуры взаимодействующих диалектов, в результате интеграционных процессов в обществе, вызванных урбанизацией. Полудиалект используется людьми, недостаточно владеющими литературным языком. 2. То же, что интердиалект — промежуточное языковое образование, используемое как наддиалектное средство общения» [Жеребило 2010: 269]. «Словарь социолингвистических терминов» обстоятельнее объясняет происхождение полудиалекта. Данная лексема описывается следующим образом: «Промежуточное территориально-социальное языковое образование, возникшее в условиях взаимодействия территориальных разновидностей языка (диалектов, говоров) и разрушения структуры взаимодействующих диалектов. *П.<олудиалекты>* формируются во многих современных языках, что связано с интеграционными процессами в обществе, вызванными урбанизацией — увеличением социальной мобильности, сближением классов и слоёв, объединением в условиях города разнодиалектных и разноязычных групп населения и т. п. Современные полудиалекты используются, как правило, людьми, недостаточно владеющими литературным вариантом языка». Второе значение: «То же, что интердиалект — промежуточное языковое образование, использующееся как наддиалектное средство общения» [Словарь социолингвистических терминов 2006: 168–169].

В силу меньшей лингвистической обособленности, чем в немецком языке, и значительно лучшего взаимопонимания носителями различных русских диалектов представляется не совсем целесообразным применять термин *полудиалект*, калькированный с немецкого языка для описания немецких же лингвистических реалий, исторически не совпадающих с русскими.

Наиболее подходящими, по мнению автора настоящей работы, являются термины *региолект* и *региональный вариант русского языка*; именно они используются в исследованиях по региональной лингвистике Дальнего Востока, частью которого является Северо-Восток, и иных регионов России (например: Кавказа, Поволжья).

Сей факт подтверждается словами Е. А. Оглезневой: «Такие понятия, как „региолект“, „региональный вариант языка“, „регионализм“, „регионально окрашенная лексика“, „региональная норма“, обладают наибольшей очевидностью при их проекции на реальную жизнь русского национального языка на Дальнем Востоке» [Оглезнева 2014: 66].

Поскольку в рамках настоящего исследования ставится цель проанализировать этнонимы малочисленных народов Северо-Востока России, представленные в русском языке, в качестве региональных слов, следует особое внимание обратить на важность терминов *региолект* и *регионализм* в отношении обозначенной области.

Ю. А. Резвухина в своём диссертационном исследовании разделяет региональную лексику на восемь пластов, одним из которых является этнонимическая лексика (этнонимы и аллоэтнонимы), служащая для обозначения малых этносов территории. В качестве примеров регионализмов приведены: *тунгус, ороч, орочон, орочел, эвен* [Резвухина 2014а: 104]. Это подтверждает, что этнонимы малочисленных народов Северо-Востока являются регионально окрашенной лексикой и могут быть объектом исследования региональной лингвистики.

Авторами термина *региолект* считаются А. С. Герд и В. И. Трубинский, в 1990-е годы введшие в научный оборот новое понятие. В. И. Трубинский видит региолекты в качестве «новых диалектов», не повторяющих классического диалектного членения русского языка [Трубинский 1991: 157]. По мнению А. С. Герда, диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты [Герд 2005: 22]. Учёный считает региолект особой формой устной речи, в которой уже утрачены многие архаичные черты диалекта и развились новые особенности, но при этом данная форма полностью не совпадает с городским просторечием. По мнению А. С. Герда, диалекты, носителями которых являлись преимущественно крестьяне, сменяются не стандартным литературным языком, а особыми формами разговорной речи.

Следует подчеркнуть бóльшую гибкость регионолекта по сравнению с диалектом. Е. А. Оглезнева справедливо замечает: «Регионолект — это звено в системе языковых состояний, находящееся в постоянном движении, в отличие от диалекта, который в течение определённого исторического периода (напр., феодального) настолько устойчив, что приравнивается к понятию „язык“» [Оглезнева 2013: 30].

А. П. Майоров отмечает, что регионолект, в отличие от диалекта, имеет более широкий по социальным признакам контингент носителей и континуальный, недискретный характер языковой природы. От просторечия регионолект отличает более высокий социальный статус говорящих, а также территориальная ограниченность [Майоров 2016: 52].

Регионолекты охватывают большее пространство, чем диалекты, и используются всеми жителями территории своего распространения, тогда как носителем диалекта является преимущественно сельское население.

И. С. Зварыкина, исследуя соотношение диалектов и регионолектов, приходит к выводу, что «в современной языковой ситуации происходит „стирание“ границ диалекта, перерождение диалектов в регионолекты» [Зварыкина 2013: 33]. Регионолект шире диалекта, поскольку может возникать на основе нескольких диалектов и включать в себя в том числе иноязычную лексику. С массовой урбанизацией населения, начавшейся в середине XX века, постепенно стало сокращаться количество носителей диалекта. Однако при переезде селянина в город все особенности его речи не утрачивались, а приобретали новую форму. В этом смысле мнение учёных (в частности, А. С. Герда, И. С. Зварыкиной) о «стирании» диалектов и преобразовании их в регионолекты имеет под собой основу. По словам В. А. Масловой, «[м]ы присутствуем сейчас при трансформации былых диалектов в местную региональную речь как одну из характеристик „региона“» [Маслова 2015: 6]. Регионолект появляется не только на почве диалекта, но также в результате контакта с местным иноязычным населением, вследствие чего русская речь

жителей обогащается новыми словами. Такие слова, как правило, известны лишь там, где происходят межэтнические контакты.

Отдельные лексические единицы местной разговорной речи являются регионализмами. Данное толкование приводится у Д. Ш. Харанутовой [Харанутова 2018: 114]. С ним следует согласиться, поскольку именно в таком значении термин *регионализм* используется и другими учёными.

Например, И. С. Зварыкина под регионализмом понимает единицу языка того или иного региона, которая, в отличие от диалектного слова, используется жителями вне зависимости от различных социальных факторов (пол, возраст, образование и т. п.) преимущественно в устной коммуникации, но также функционирует в текстах художественной литературы, региональных СМИ [Зварыкина 2014: 214].

По мнению автора настоящей работы, наиболее удачным и полным следует считать определение понятия *регионализм*, данное Н. Н. Соколянской. Так, она пишет[3]: «Регионализмы — это слова и выражения, обозначающие реалии (природные и социальные) определённой местности и функционирующие более или менее регулярно в литературных текстах (устных и письменных) с номинативно-терминологической или стилистической функцией» [Соколянская 2006: 27–28]. Развивая тему в последующем труде, Н. Н. Соколянская отмечает, что состав регионализмов неоднороден и часто не имеет чётко обозначенных границ [Соколянская 2016: 57].

Диалектные слова маркируются в качестве нелитературных. В отношении регионализмов вопрос стоит сложнее. По мнению Ю. А. Резвухиной, вся совокупность регионально маркированных лексем той или иной географической области или зоны не может быть однозначно отнесена к литературному языку или, наоборот, вынесена за его пределы [Резвухина 2015: 85–86]. Исследовательница справедливо замечает, что вопрос отнесения

[3] В оригинале определение даётся курсивом, определяемое слово — курсивом и полужирным шрифтом. Здесь при цитировании выделения не сохраняются.

регионализмов к литературному языку следует решать в отношении каждой лексемы отдельно, предварительно проведя анализ особенностей её функционирования.

Слово, считающееся регионализмом, может в течение непродолжительного времени перейти в общий лексикон всех носителей языка. Это происходит, в частности, при смене политической конъюнктуры, появлении новых экономических реалий и благодаря работе исследователей. При этом лексема может не только войти в речь большого числа носителей языка, но и претерпеть семантические изменения. Так, слово *Колыма* до периода промышленного освоения Северо-Востока было относительным регионализмом; лексическое значение — название реки. Со второй трети XX века слово постепенно входит в широкое употребление и приобретает новые значения: так, по имени реки стали называть целый край. Сегодня любой житель России, даже никогда не бывавший на Северо-Востоке, знает, что Колыма — отдалённый от центральных областей страны регион, куда этапировали заключённых, благодаря чему слово получило широкую известность[4].

И. С. Зварыкина отмечает: «[П]онятие „регионализм“ шире понятия „диалектизм“, так как к числу регионализмов относятся не только диалектные языковые единицы, но и единицы просторечия, а также могут относиться профессионализмы, жаргонизмы и т. п.» [Зварыкина 2013: 34]. Исследовательница отмечает, что в словарях литературного языка регионализмы могут присутствовать, но помечаются как *областные, местные, просторечные, разговорные* [Там же]. Разумеется, таких помет недостаточно: областными словами являются диалектизмы (отсюда названия областных словарей — Архангельского, Псковского, Новгородского и др.). При этом регионализм действительно может являться просторечным или разговорным словом. Однако такого описания недостаточно. Во-первых, некоторые

[4] Более подробно лексема *Колыма* описана Е. М. Гоголевой [Гоголева 2007].

регионализмы можно с определённостью отнести к литературному языку (это касается, в частности, общих этнонимов). Во-вторых, существуют разговорные слова, широко известные, общераспространённые и легко понимаемые всеми носителями, а потому их нельзя отнести к регионализмам (например: *тачка* ‘автомобиль’, *училка* ‘учительница’, *пивко* ‘пиво’).

По замечанию донецких учёных, «регионолект — это не какая-то разновидность речи, не какой-то отдельный идиом, имеющий своих носителей, а *определённая регионально маркированная организация всего языкового пространства региона*»[5] [Донецкий регионолект 2018: 17].

Наиболее полное определение регионолекта даётся И. В. Ливинской и Г. М. Мандриковой: «*[Р]егионолект* — это подсистема языка, представляющая собой сплав единиц диалекта, социолекта, просторечия и литературного языка, обладающая региональной спецификой, являющаяся особой формой существования языка на разных территориях» [Ливинская, Мандрикова 2016: 135]. Данное определение представляется удачным, поскольку отражает составляющие регионолекта. Последний образуется не только и не столько на основе диалекта — в его формировании участвуют локальные просторечные слова; слова, присущие отдельным социальным группам; слова, заимствованные из языков соседей; слова с регионально окрашенным значением. В этом смысле регионолект шире диалекта: отдельные его лексемы проникают в литературный язык и наоборот — лексемы литературного языка проникают в регионолект, приобретая новые значения.

Составительница словаря Т. В. Жеребило указывает на авторство А. С. Герда в термине *регионолект* и отмечает следующие особенности данной лексической единицы: «От территориального диалекта регионолект отличается тем, что распространён на более обширной территории — в группе некрупных городов, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. От речи больших городов регионолект отличается единообразием, так как его основные

[5] Полужирное выделение из данного источника при цитировании заменяется курсивом.

носители — местная городская интеллигенция, служащие административных учреждений» [Жеребило 2010: 300]. Больший интерес представляет объяснение термина *регионализм*, для которого даётся два значения: «1. Местное слово или выражение, бытующее на определённой территории, употребляемое носителями регионолекта. 2. Лексическая единица, заимствованная из другого языка, но используемая только на определённой территории — в регионолектах, бытующих в зоне контактирования языков» [Там же]. Этнонимы народов Северо-Востока, имеющие хождение в русском языке, подходят под второе значение, но с некоторыми оговорками.

Е. А. Оглезнева выделяет две основные группы регионально окрашенной лексики: 1) заимствованную и 2) собственно русскую лексику [Оглезнева 2013: 32].

Дальневосточный регионолект имеет свою специфику. Дальний Восток — отдалённый от основных мест проживания населения России край. Его южные регионы являются территорией соприкосновения с носителями китайского языка, что обусловливает появление в русской речи китайских слов, формирование русско-китайского пиджина, используемого, как правило, в сфере торговли. В числе заимствований Е. А. Оглезнева приводит такую лексику: *камбэ́й* ‘предложение выпить алкогольный напиток до дна’, *фа́нза* ‘жилище, квартира невысокого качества’, *чифа́н* ‘еда’, *ха́о* ‘хорошо’ [Там же: 33]. Эти слова взяты из китайского — путём прямого контакта с носителями языка. Употребление таких слов в речи обусловлено, как правило, национальностью собеседника: они невольно проникают в русский язык во время деловых и бытовых контактов с китайцами и употребляются сторонами для облегчения взаимопонимания; их нельзя считать принадлежащими литературному языку. Такие лексемы являются региональными, но не являются безэквивалентными: к ним можно подобрать аналоги: *камбэй — пей до дна; фанза — хибара, лачуга.* Заимствования рождают производные слова, например: *чифанька* ‘кафе китайской кухни’ [Оглезнева 2008: 134]. Правда, для отражения специфики отдельные регионализмы контекстуально

безэквивалентны. Употребление слова *камбэй* указывает на общение с китайцами. Лексема *фанза* регионально окрашена и подходит для описания дальневосточных реалий, точно так же, как лексема *сакля* ‘жилище’ — для описания Кавказа. Слово *фанза* распространилось за пределы Дальнего Востока, сохраняя при этом свою региональную окрашенность. Лексема нашла описание в «Словаре русского языка»: «Китайское или корейское жилище (преимущественно в сельской местности), каменное или саманное, на каркасе из деревянных столбов» [МАС-4, 4: 551]. Примечательно, что от слова *фанза* в русском языке образовались производные в русских приамурских говорах: *фанзешка, фанзушка* — жилище, избушка [СРГП 2007: 476].

В северных регионах Дальнего Востока заимствования происходили из языков малочисленных народов — эвенского, эвенкийского, корякского, чукотского, юкагирского и др. В качестве примеров можно привести такие регионализмы: *охта* ‘смородина-дикуша’, *хамчуры* ‘обувь из кожи сохатого’ (из эвенкийского); *гагагля* ‘верхняя одежда камчадалов и коряков из оленьих шкур шерстью внутрь’, *нерка* ‘рыба из рода лососей ярко-красного цвета’ (из эвенского); *пельха* ‘съедобный корень осоки’, *яранга* ‘традиционное жилище чукчей’ (из чукотского) [Шепилева 2016: 90–91].

Собственно русская региональная лексика представлена, в частности, такими лексемами: *пурга* ‘вьюга или метелица с ветром и снегом’, *шугá* ‘мелкий лёд на реке перед замерзанием или вскрытием’, *кошка* ‘песчаный или каменистый морской берег’, *камень* ‘отдельный утёс’ (см.: [Соколянская 1998: 60–61; Соколянская 2016: 59]).

Региональные особенности русского языка являются предметом глубокого научного изучения, не исключение здесь и Дальний Восток. Однако по сей день актуальными остаются следующие слова Е. А. Оглезневой: «Полное описание дальневосточного региолекта русского национального языка (а также и других русских региолектов) с учётом всех формирующих его факторов: диалектного влияния, влияния местных промысловопроизводственных терминологических систем, языков и

диалектов автохтонных народов и народов соседних регионов и, возможно, других — одна из перспективных задач региональной лингвистики» [Оглезнева 2008: 135]. Северо-восточный регионалект русского языка изучен в меньшей степени, чем приамурский и приморский: бóльшая часть лингвистических исследований по Дальнему Востоку посвящена его южным регионам. В этой связи мнение исследовательницы следует признать не просто правильным, но и сугубо верным в отношении Северо-Востока.

Поскольку в настоящее время русские регионалекты полностью не описаны, остаётся до конца не решённой проблема отнесения отдельных регионализмов к литературному языку. Безусловно, главнейшим критерием должно являться отнесение слова к тому или иному типу регионализмов по соответствующей классификации. В связи с этим представляется, что часть регионализмов не следует исключать из литературной речи, о чём пойдёт речь в следующих параграфах настоящей главы.

2.2. Ономастическое наполнение регионалекта

В начале 1970-х А. В. Суперанская определяла ономастику как прикладную науку [Суперанская 1973: 7], а через десять лет В. Д. Бондалетов писал, что ономастика выделилась в самостоятельную науку [Бондалетов 1983: 3, 8].

В 1960-е годы наблюдается всплеск ономастических изысканий, появляются работы в области топонимики, антропонимики и других ономастических разделов, исследования охватывают широкий спектр имён. В этом случае не совсем верно считать ономастику разделом языкознания (такое определение даётся Н. В. Подольской [Подольская 1988: 96]): во-первых, ономастика находится на стыке наук и обладает комплексным предметом исследования с доминирующим лингвистическим компонентом; во-вторых, сама ономастика делится на множество разделов, имеет ядерные и периферийные структуры, находящиеся на границе между собственными и

нарицательными именами; в-третьих, ономастика оказывает влияние и вне пределов собственно лингвистики.

В сознании любого человека существует ономастическая картина мира. Под ней понимается совокупность ономастических знаний человека о мире, вербализованных онимами [Щербак 2008: 98]. Региональный ономастикон отличается наличием диалектных или региолектных категорий и отражается в индивидуальном сознании жителей территории.

В региональной этнонимии существует множество актуальных вопросов, для решения которых, как указывает Т. А. Сироткина, требуется привлечение для анализа местного языкового материала, использование новых научных методов, тщательное описание истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также лексикографическая обработка материала и создание словарей [Сироткина 2011а: 58].

Ономастикон складывается из различного языкового материала, существуя в виде лексических единиц, исторически принадлежащих разным языкам. В нём всегда присутствуют элементы различного временного состояния одного языка и его региональные варианты. Всё это обусловливает неоднородность ономастикона, его многогранность.

Онимия — это «результат длительной целенаправленной культурной и языковой деятельности людей» [Суперанская и др. 2007: 26]. Длительные контакты носителей различных языков обусловливают появление сходных элементов в онимических системах. Общность представлений, сходство образа жизни, единые религиозные воззрения формируют культурно-исторический круг, оказывающий непосредственное влияние на онимикон входящих в него народов. Народы Северо-Востока, в прошлом ведшие преимущественно кочевой образ жизни, несмотря на различия между разными этносами, имели общие черты в языке и культуре. Для северного кочевника важную роль играет олень. Это обусловило множество апеллятивов, относящихся к данному животному, в чукотском, эвенском, эвенкийском и других языках народов Северо-Востока. Так, в эвенском языке существуют

отдельные слова, обозначающие домашнего оленя *(оран)* и оленя дикого (*буюн*, местный падеж *буюндулэ*) [Роббек и др. 1988: 176]. Чукотский язык имеет богатый оленеводческий лексикон, не имеющий аналогов в русском языке, например: *пэнвэл* ‘телёнок-самец в возрасте двух лет’, *элвээк* ‘олень с белой ногой от копыт до колена’, *пэвилӈу* ‘олень с широкими концами рогов’, *люкыл* ‘бросающийся в сторону олень (в упряжке)’, *эквэв* ‘левый упряжной олень’ [Куликова 2016: 158, 161, 162, 165, 167]. Важность данного животного в хозяйстве тундровых кочевников наложила отпечаток и на северо-восточный этнонимикон. Так, кочевые коряки называются *чавчувен*, оленные чукчи — *чаучу* ‘богатый оленями’. Занимающиеся оленеводством эвены, проживающие на побережье Охотского моря, носят микроэтноним *ороч*, происходящий от слова *оран* ‘олень’. (Описание этнонимов даётся в главе третьей.) В данных случаях сходство культур повлияло на этническую ономастику.

Региональные онимы существуют во всех местах проживания и посещения человека и представлены широким кругом названий неживых объектов и живых существ, включая наименования людей по месту проживания, национальности и т. п.

Региональный этнонимикон, по мнению Т. А. Сироткиной, — это основа для воссоздания общерусской этнонимической системы (этапов её формирования, особенностей функционирования) [Сироткина 2005: 84]. В этом состоит его важность и непреходящее значение.

Этнонимы малочисленных народов Северо-Востока заимствованы из языков, имевших распространение в данной местности во время появления здесь русских первопроходцев. Народы, с которыми сталкивались промышленники и служилые люди, назывались теми именами, которые использовали их соседи, реже это были самоназвания всей этнической общности. Почти все данные ономастические единицы фактически имеют хождение на ограниченной территории, при этом более широко употребительные лексемы с аналогичным значением отсутствуют, в связи с чем нельзя исключать из литературного языка слова ограниченного хождения.

Так, региональные онимы — единственные названия следует относить к литературному языку, хотя бы они и имели очень узкое распространение.

Прежде чем говорить об этнонимах, следует разъяснить понятие *региональная ономастика*. Ю. Ю. Гордова понимает под ней: 1) одно из направлений ономастики, которое изучает имена собственные отдельных территорий; 2) совокупность имён собственных одной территории. «Региональное в ономастике — это то особенное, что присуще конкретному региону, в противопоставлении другому региону (регионам) либо общерусскому ономастическому пространству в целом. На специфику региональной онимии влияет не только языковая среда, но и экстралингвистические факторы, прежде всего природные, социально-экономические, политические: история заселения и развития края, этническая однородность или неоднородность, удалённость от центра, темпы развития и т. д. В итоге ономастика региона предстаёт единой и целостной системой, характеризующейся взаимосвязью онимов всех уровней (разных классов, разных временных пластов, системой детерминативов и т. д.)» [Гордова 2018: 29].

А. В. Суперанская делит топонимы на три вида:

1. *Микротопонимы* — индивидуальные названия небольших природных или искусственно созданных объектов, обычно отражающие их характер и свойства; наиболее подвижная часть топонимии.

2. *Собственно топонимы* — индивидуальные названия небольших природных или искусственно созданных объектов, как правило, не отражающих характеристик именуемых объектов, поскольку они неоднократно подвергались преобразованиям и переосмыслениям; известны за пределами местонахождения именуемых объектов.

3. *Макротопонимы* — индивидуальные названия географических систем или специально выделенных политико-административных территорий, часто включающие систематизирующие определения (горный, центральный); по сфере употребления международны [Суперанская 1984: 48].

Этнонимы также следует делить на три части (приводятся в порядке убывания):

1. *Макроэтнонимы* — названия суперэтносов, больших групп народов по языковому или географическому признаку. Имеют международное распространение. Примеры: *славяне, тюрки, западноевропейцы*.

2. *Собственно этнонимы* — названия этносов, народов, крупных субэтнических единиц отдельных народов. Имеют международное или общегосударственное (макрорегиональное) хождение. Примеры: *немцы, китайцы, чукчи; баварцы, галисийцы*. Название целого народа также может называться *общим этнонимом*.

3. *Микроэтнонимы* — названия субэтносов, небольших территориальных групп народов. Имеют ограниченное распространение — в пределах проживания носителей микроэтнонимов, иногда на прилегающих территориях. Примеры: *наматкан, илкан, хундысал.*

Региональная этническая ономастика — совокупность этнонимов одной территории. В этом смысле к региональной этнической ономастике следует отнести все этнонимы, присутствующие в крае (расширительный вариант). В настоящем исследовании используется ограничительный вариант, при котором из региональной этнической ономастики условно выводятся за скобки этнонимы народов, проживающих на всей или почти всей территории страны и оттого имеющие хождение во всех регионах. Таким образом, этнонимы *русские, татары* и т. п. здесь не рассматриваются в качестве региональных, несмотря на присутствие данных этносов на Северо-Востоке: эти слова не относятся к региолекту. На указанной территории проживает также русское старожильческое население, бывшее здесь до периода промышленного освоения края, начавшегося в первой трети XX века. Его начали описывать до революции; например, В. М. Зензинов посвятил старожилам Русского Устья в Якутской области отдельный труд [Зензинов 1914б], продолжились исследования и после. Русские старожилы имеют свои названия (*походчане, русскоустьинцы, индигирцы* и др.), входящие в

региональный этнонимикон, поскольку данные онимы служат номинации не всего многочисленного народа, а его небольшой части.

Настоящее исследование ограничивается описанием этнонимов исключительно малочисленных народов Северо-Востока по двум причинам. — Во-первых, указанные народы не имеют широкой известности вне пределов территории своего проживания. Во-вторых, этнонимы русских старожилов представляют отдельный научный интерес и заслуживают самостоятельного исследования.

Этнонимы активно изучаются современными лингвистами, за последние десять лет появилось множество статей и весомое число монографий на данную тематику. Среди наиболее значительных исследователей следует отметить А. А. Бурыкина, А. И. Грищенка, Г. Ф. Ковалёва, А. А. Сирину, Т. А. Сироткину, Л. Н. Хаховскую и др.

Этнонимикон определённого региона — это зеркало той этнической карты, которая существовала в нём в прошлом и существует в данный момент [Сироткина 2008а: 110].

Этнонимы края влияют на ономастику в целом: от них образуются этнотопонимы, этногидронимы, этноэргонимы и др. ономастические единицы. Так, на Чукотке существуют населённые пункты *Ламутское, Чуванское*, в Магаданской области — *Эвенск*, в Якутии — *Юкагир*, на Камчатке — *Коряки* и *Южные Коряки*; на Чукотке текут реки *Чукчанка* и *Юкагир*; в Анадыре на улице Отке, дом 10, располагается магазин «Чукчаночка». Ю. Ю. Гордова так объясняет данное явление: «[Э]ти названия ещё раз подтверждают существующий в топонимике „феномен края“, суть которого заключается в активизации на границе распространения той или иной культуры связанной с ней этнотопонимии» [Гордова 2018: 384]. Действительно, этнонимы широким образом влияют на ономастические регионализмы: во всех регионах существуют отэтнонимические названия, являющиеся объектом для изучения в многочисленных исследованиях [Бурыкин 2006; Сироткина 2008а; Березович 2009; Гордова 2018 и др.].

Вместе с тем полное лингвистическое исследование всех этнонимов Северо-Востока, включая русское старожильческое население, к настоящему времени не проведено. В связи с этим представляется важным изучение региональной лингвистики территории в этнонимическом аспекте.

По мнению Т. А. Сироткиной, перспективными являются следующие аспекты исследования региональных этнонимиконов: 1) этнолингвистический; 2) когнитивный, с учётом того, что центром языковой картины мира является человек, а этнонимы — наименования групп людей; 3) лексикографический; 4) лингвокраеведческий [Сироткина 2005: 82–83]. В настоящей работе преимущество отдаётся третьему и четвёртому аспектам, поскольку исследуется региональный этнонимический материал с упором на лингвистику и ономастическую историю края.

Этническая ономастика неоднородна — она подразделяется на различные категории. В зависимости от степени распространённости в языке этнические имена делятся на общеизвестные и локальные, при этом система не является стабильной: с течением времени ситуация может измениться, и вчерашние общеизвестные имена отойдут в пассивный запас, предоставив место новым этнонимам. По замечанию А. С. Щербак, «тематический принцип группировки ономастической лексики лежит в основе ономастической категоризации и соотносится с конкретно-предметным уровнем категоризации действительности» [Щербак 2008: 48]. Широкая или узкая представленность этнонимов в лингвистическом пространстве зависит от многих факторов: степени известности носителей этнонима, их численности, места проживания, глубины научной изученности, а также от исторических событий, могущих накладывать субъективный отпечаток на имена и вовлекать их в широкий круг употребления.

Общеизвестными этнонимами являются имена многочисленных народов России: *бурят, калмык, карел, татарин, якут* и др.

Этнонимы, служащие в русском языке официальным обозначением целого народа, не могут относиться к собственно регионализмам, поскольку

не являются специфически местными названиями на территории проживания народов. Такие имена можно считать *относительными регионализмами*. По определению Н. Н. Соколянской, это «слова, известные в литературном языке, но неупотребляемые или почти неупотребляемые большинством носителей русского литературного языка в силу того, что реалии, обозначаемые этими словами, не являются актуальными для них» [Соколянская 2016: 58].

Региональная ономастическая система существенным образом накладывает отпечаток на этническое ви́дение. В сознании человека определённые этнонимы привязываются к территории, и в этом смысле «региональными» становятся многие, если не все, названия народов, в особенности малочисленных. В таком случае следует говорить не об этнонимах — относительных регионализмах, а о степени региональной составляющей отдельных этнонимов: названия народов, проживающих на ограниченном пространстве (значение большой площади такового нивелируется территориальной широтой самой России), являются частью региональной ономастики. В этом смысле ономастические регионализмы представляют собой существенное отличие от регионализмов-апеллятивов, большею частью имеющих отличия от слов литературного языка. В то же время регионализм более сложное понятие, чем диалектизм: последний не относится к литературному языку, классификация первого значительно сложнее: определённый (больший) пласт регионализмов нелитературен или окололитературен, отдельные пласты однозначно следует отнести к литературному языку. Ономастические единицы — единственные наименования являются частью литературного лексикона, при этом могут быть региональными.

Таким образом, можно говорить о наличии ономастических регионализмов и следует дать определение данному термину.

Ономастический регионализм — это слово или словосочетание, использующееся для наименования неодушевлённого объекта, живого существа, сложившейся общности людей, имеющее хождение на

ограниченной территории — как правило, в месте нахождения непосредственного носителя — и недостаточно или мало известное за пределами нахождения или проживания именуемого им лица.

Может возникнуть замечание: для чего использовать термин *ономастический регионализм*, если существуют иные: *относительный регионализм, региональный оним* и т. п.?

Термин *относительный регионализм* включает в себя множество слов, большей частью апеллятивов; это не позволяет чётко отграничить имена нарицательные от имён собственных и имён, находящихся в промежуточном лексическом слое (таких как этнонимы). Поэтому, по мысли автора, следует использовать термин, позволяющий чётче обозначать именно онимы с региональной составляющей, отделяя их от апеллятивов.

Термин *региональный оним* не абсолютный синоним термина *ономастический регионализм*. *Региональный оним* — название, имеющее хождение на определённой территории, таковыми являются и имена, широко известные за пределами непосредственного нахождения объекта, например: *улицы Остоженка, Ильинка, Тверская улица* в Москве; *Невский проспект, Дворцовая площадь* в Санкт-Петербурге; *Светланская улица, бухта Золотой Рог* во Владивостоке; *Софийская сторона* в Великом Новгороде; *города Магадан, Петропавловск-Камчатский* на Северо-Востоке. Всё это часть регионального ономастикона, но не регионализмы в собственном смысле: вышеприведённые топонимы хорошо известны за пределами мест своего нахождения. Таким образом, региональный ономастикон может включать в себя не только и не столько регионализмы, сколько онимы определённой территории в совокупности — как общеизвестные, так и малоизвестные вне места распространения.

Термин *ономастический регионализм* у́же термина *региональный оним*, поскольку обозначает исключительно регионализмы, являющиеся частью регионолекта и малоизвестные за пределами территории непосредственного

хождения. В связи с этим автор выделяет два разных термина и не смешивает их во избежание двусмысленности.

В зависимости от объекта именования можно говорить о топонимических, этнонимических и др. регионализмах. На Северо-Востоке представлены такие ономастические регионализмы, как *Талон, Клёпка, Усть-Омчуг* (топонимы); *Дукча, Магаданка* (гидронимы).

Для отнесения лексемы к регионализмам важное значение имеет административное деление; это же касается и онимов. А. С. Щербак верно замечает: «Можно говорить об ономастическом пространстве региона, например, в границах губернии в соответствии с политико-административным делением Российской империи в XVIII — начале XX века, можно говорить об ономастическом пространстве современной области или района» [Щербак 2008: 86].

Этнонимическая лексика, являющаяся обозначением целых народов Северо-Востока, будучи региональной, относится тем не менее к литературному языку. Спорность такого отнесения может возникнуть ввиду малой представленности северо-восточной этнонимической лексики в русском языковом пространстве, причиной чему служит малочисленность проживающих здесь народов, а следствием — малое знакомство или же полное его отсутствие у жителей других регионов России с местными этнонимами Северо-Востока.

Наименования северных народов не являются широко известными вне пределов проживания самих представителей данных этносов, поэтому этнонимы Северо-Востока следует отнести к региональной лексике.

Единственным исключением здесь является этноним *чукча*, хорошо известный среди всех носителей русского языка и широко распространённый в русском лингвистическом пространстве. Кроме чукчей, на Северо-Востоке представлены и иные народы: алеуты, ительмены, камчадалы, коряки, чуванцы, эвенки, эвены, эскимосы, юкагиры, в незначительном количестве сохранились также кереки; айны, живущие в Японии, проживают в том числе

и в России — в Сахалинской области и на Камчатке, относящейся к Северо-Востоку. Данные одиннадцать этнонимов можно считать ономастическими регионализмами.

Этнонимы разделяются на *общие*, обозначающие весь народ, и *местные*, обозначающие отдельные его группы, различающиеся по многим критериям — от территориальных до бытовых и субэтнических. Такие этнонимы, маркирующие отдельные небольшие группы этноса, Л. Н. Хаховская, говоря о малочисленных народах Северо-Востока и следуя общепринятой в науке терминологии, называет *микроэтнонимами* [Хаховская 2018: 27].

Разбросанность на значительной территории, а также кочевой образ жизни части представителей племён способствовали появлению у народов местных самоназваний — микроэтнонимов; некоторые из них вошли в русский язык, но представлены в основном в научной литературе и малоизвестны даже жителям Северо-Востока.

Необходимость термина *микроэтноним* обусловлена тем, что зачастую трудно бывает определить «нижнюю границу» этноса, как указывает А. А. Белецкий [Белецкий 1972: 165]. К микроэтнонимам относятся субэтносы, родовые общины, роды, сюда же входят неофициальные названия территориальных групп, иногда сближающиеся с прозвищами и оттого стоящие на грани литературного языка и просторечия.

Например, жителей Псковщины издревле называют *скобарями* [СРНГ, 38: 37]. Название произошло от скобяного ремесла, коим занимались жители и уроженцы Псковщины. В современном языке лексема *скоба́рь* (женская форма — *скобари́ха*) имеет несколько значений: 1) житель Пскова или Псковщины; 2) простоватый, глупый, невоспитанный человек; 3) скряга, мелочный человек [Химик, 2: 277]. Первое значение можно на первый взгляд признать литературным, два других — нет. При этом в современном языке лексема воспринимается как нелитературная, оскорбительная; негативная коннотация у слова отсутствует для жителей региона — псковичей, если иметь в виду первое значение, мало известное вне региона. Словарь В. В. Химика даже

первое значение помечает как местное (явный признак регионализма) и ироничное, что говорит о пограничности лексемы — нахождении её между литературной и нелитературной речью; два других значения отмечены как презрительные и располагаются явно в пределах разговорно-обиходного языка сниженного стиля.

В некоторых случаях микроэтнонимы могут смешиваться с катойконимами. Например, отдельные группы коряков называются *паланцы, итканцы* — по названиям посёлков; похожим образом называло себя метисированное население Северо-Востока: *гижигинцы, марковцы*, затем большею частью причисленное соответственно к камчадалам и чуванцам. То же самое наблюдается в названиях русского старожильческого населения: *русскоустьинцы* (от *Русского Устья*), *походчане* (от *Походска*). В таких случаях целесообразно или образовывать с помощью аффиксов новые слова для катойконимов (что не всегда нужно, т. к. микроэтнонимы за пределами края почти неизвестны), или же специально оговаривать, о ком идёт речь: о любом жителе населённого пункта либо о представителе субэтнической группы.

Общие этнонимы в отличие от микроэтнонимов, чей статус в русском языке пока что спорен, однозначно относятся к литературному языку: во-первых, они являются официальными обозначениями народов и используются в нормативных актах, где может применяться только литературная лексика; во-вторых, они встречаются в самой разной литературе — от научных трудов до художественных произведений; в-третьих, такие этнонимы неплохо известны жителям Северо-Востока (микроэтнонимы — далеко не всегда и не всем).

Типичным показателем «региональности» слова служит не совсем правильное его употребление жителями других регионов.

Например, вне пределов Северо-Востока на практике можно встретить смешение этнонимов *эвен* и *эвенк*. Эвены малочисленнее эвенков, но названия обоих народов созвучны; иногда это приводит к ошибочной подмене одного

этнонима другим. Определённую роль здесь играют женские дериваты вышеуказанных этнонимов: *эвен > эвенка, эвенк > эвенкийка*; отсюда происходит ошибочное отождествление существительных *эвенк* и *эвенка* в качестве представителей одного народа. Как правило, такое смешение онимов встречается в речи тех, кто не знает о существовании эвенов. Сложность также представляют отэтнонимические прилагательные: *эвен > эвенский, эвенк > эвенкийский*. Людьми, не живущими в местах обитания эвенов и эвенков, данные прилагательные зачастую воспринимаются как синонимы и употребляются на взаимозаменяемой основе — что, конечно, ошибочно.

Степень заселённости местности зависит от климатических и географических факторов. Нахождение Северо-Востока в зоне сурового климата с длительной зимой и коротким летом обусловливает его историческую малозаселённость. Все коренные народы, проживающие здесь, количественно немногочисленны: до периода промышленного освоения территория была неспособна служить продовольственной базой для сколь-нибудь значительного числа людей, это сдерживало естественный прирост населения, поддерживая экосистему в равновесии.

Малочисленность народов обусловливает низкую частоту встречаемости этнонимов, обозначающих их, в устной и письменной речи, в особенности — вне пределов их обитания. Данный фактор усугубляет региональность имён народов Северо-Востока, известность их в пределах ограниченной территории.

2.3. Регионализмы: проблема принадлежности к литературному языку

Диалектная речь находится вне пределов литературного языка. Значительно сложнее обстоит вопрос с региональными вариантами языка; здесь среди исследователей нет однозначного мнения.

Е. А. Оглезнева приводит традиционное деление форм существования русского языка: литературный язык, территориальные диалекты, просторечие, профессиональные и социальные жаргоны [Оглезнева 2009: 10]. В этой схеме нет места региональному варианту языка, или регионолекту. Чуть ниже

исследовательница указывает: существует мнение, что русский язык репрезентуется бóльшим количеством форм [Там же]. Такое мнение выходит за жёсткие рамки, заданные прошлым периодом развития диалектологии, и отвечает современному этапу изучения языка, объектом которого являются различные региональные формы, не вписывающиеся ни в понятие диалекта, ни в просторечие. Исходя из концепции существования регионолекта, ядро регионолекта находится в пограничье — между литературным языком и территориальными диалектами, периферия его может касаться просторечия, но в любом случае полностью на него не накладывается.

Ещё в 1970 году Л. И. Скворцов писал: «Проблема местных (региональных) вариантов в русском языкознании пока ещё остаётся не до конца решённой. Где пределы членимости, дробления единства, за которыми нельзя уже говорить о единстве, и как объединить „всеобщность“ литературного языка и его норм с объективными разновидностями на разных территориях?» [Скворцов 1970: 65]. Современная исследовательница И. В. Ливинская отмечает: «Вопрос о функционировании литературного языка в географической проекции остаётся открытым, хотя многочисленные экспериментальные исследования в этой области позволяют говорить об объективном существовании региональных вариантов русского литературного языка» [Ливинская 2015: 42]. Таким образом, вопрос до сего дня окончательно не решён.

М. В. Панов допускал местные разновидности литературного произношения, возникающие под влиянием территориальных диалектов. «Литературный язык дробится на локальные разновидности, на свои местные „диалекты“» [Панов 1967: 294]. Безусловно, в зависимости от местности различается орфоэпия, и она может признаваться литературной. Исследователь приводит в качестве примера различие в произнесении фонемы <щ>: в начале XX века петербургской нормой произношения считалось [ш’ч’], московской нормой произношения — [ш̄’], петербургское эканье вместо московского иканья [Там же: 295]. Эканье сохраняется до сих пор, снизилась

частота реализации фонемы <щ> посредством звуков [ш’ч’], но не исчезла полностью[6]. Все эти орфоэпические вариации составляют литературную норму.

Р. Р. Гельгардт, рассматривая специфику местных разновидностей литературного языка, в конце 1950-х годов исходил из закономерности распространения литературного языка, его «экспансии» в диалекты: «Средства литературного языка как более „богатой“ (развитой) и поэтому более „сильной“ формы занимают в городском языке главную роль, а местные диалектизмы, обычно представленные в смягчённом виде, придают ему областную окраску. <…> Вследствие утраты наиболее ярких признаков местными диалектами, попавшими в состав языка города, областные варианты литературной речи горожан менее дробны и дифференцированы, чем местные диалекты на территориях, окружающих центр городской культуры» [Гельгардт 1959: 100].

Л. И. Скворцов характеризует литературный язык тремя существенными признаками: 1) участием в его формировании нескольких языковых систем (территориальных диалектов, региональных вариантов); 2) распространением на значительной территории (это относится к русскому литературному языку, но может не относиться к другому)[7] и 3) полифункциональностью (поливалентностью, по В. В. Виноградову), порождающей сложную коммуникативную и экспрессивную структуру [Скворцов 1970: 69]. Исследователь отмечал взаимовлияние литературного языка и народных говоров: «Освоение диалектных элементов общей речью осуществляется через городское и диалектное просторечие („полудиалект“), интердиалекты, профессионально-терминологическую речь, книжные источники различных типов» [Там же: 72].

---

[6] Чаще всего [ш’ч’] сегодня встречается на стыке морфем: *ра[ш’ч’]ёска*, *ра[ш’ч’]и[ш̄’]ать* (различие в произношении внутри морфемы).

[7] Примечание в скобках сделано автором настоящей работы, а не Л. И. Скворцовым.

Следует принять идею Е. А. Оглезневой о региональной окрашенности языка, проявляющейся в фонетике, грамматике, лексике [Оглезнева 2013: 31–32]. Исследовательница подчёркивает, что язык, несмотря на региональную окрашенность, является литературным, национальным русским языком.

Л. И. Скворцов в 1970 году отмечал двоякую возможность восприятия литературным языком нелитературных элементов, к числу которых относятся региональные лексемы: 1) полную ассимиляцию и 2) пополнение стилистических ресурсов литературного языка [Скворцов 1970: 73]. По Л. И. Скворцову, регионализмы могут становиться частью литературного языка. Такой подход говорит о возможности частичного отнесения регионализмов к литературному языку, что свидетельствует об ином их восприятии, отличном от диалектизмов: последние довольно редко входят в литературную речь.

Современная исследовательница Е. А. Оглезнева указывает, что регионолект не имеет социальной закреплённости, а основная разница с ограниченными в употреблении группами лексики такова: в отличие от диалектных слов регионализмы используются не только сельским, но и городским населением; в отличие от жаргонной лексики их употребление свойственно представителям разных социальных групп. Главная различительная черта с лексикой литературного языка — регионализмы не распространены повсеместно, а представляют лишь один из региональных вариантов национального языка. Две другие группы регионализмов, выделяемые исследовательницей: 1) слова, имеющие в литературном языке статус экзотизмов, лишающиеся такого статуса в региональной речи в силу обыденности для региона обозначаемых ими понятий; 2) заимствования из языков соседних для региона народов, не известные другим региональным вариантам национального языка и его литературной форме [Оглезнева 2007: 69–70]. Второй вид регионализмов стоит уже вне литературного языка. Правда, заимствования могут, оставаясь регионализмами, войти в литературный язык,

о чём речь пойдёт ниже; в особенности это касается имён собственных и терминов, служащих для обозначения объектов живой природы.

На основное отличие регионализма от диалектизма точно указывает Р. Р. Гельгардт: «Для слов, обозначающих реалии этого предметного круга, нет соответствующих полных эквивалентов в словаре общелитературного языка, а поэтому их нельзя ставить рядом с лексическими диалектизмами со значением предметов, явлений, которые в литературном языке выражаются при помощи своих лексических средств (ср., с одной стороны, *гребтовать* и *заботиться, беспокоиться*, а с другой — *глыза* ‘смёрзшийся ком земли или навоза’, *накедь* ‘вода, выступившая поверх льда зимой’ [8])» [Гельгардт 1959: 101].

Сегодня можно скорее говорить о том, что значительная часть регионализмов включается в литературный язык, — почти все эти лексемы находятся на периферии общелитературного лексикона, сдвигаясь ближе к ядру в речи живущих в местах основного хождения регионализмов.

Среди регионализмов представлены термины, обозначающие местную природу и её явления. Для Северо-Востока это — *сопка, навага, корюшка*[9], *сарана* и т. п. Такие слова, безусловно, относятся к литературному языку, хотя известны в большинстве случаев местным жителям и специалистам в соответствующей области. Всё вышеперечисленное — специальные термины; они могут быть охарактеризованы как стилистические ресурсы литературного языка. Их региональность обусловлена местом расположения природных зон, рельефа местности, фауны и флоры. В недавнем прошлом к регионализмам можно было отнести термины *тайга, тундра*, ныне они — достояние общелитературного языка. А. А. Белецкий отмечает: некоторые специальные термины первоначально были локально ограничены, но, получивши со

[8] Обычные кавычки, использованные Р. Р. Гельгардтом для объяснения значений лексем, заменены здесь марровскими кавычками.

[9] Данная рыба водится также на Северо-Западе России и хорошо известна тамошним жителям.

временем широкое распространение, перешли из разряда специальных в элементарные [Белецкий 1972: 85]. Учёный указывает, что некоторые элементарные термины строго ограничены: *кедрач* ‘кедровый лес’ и *ерник* ‘стелющийся кустарник’ используются в описании Сибири, — отмечая при этом процесс интернационализации региональных терминов (*архипелаг, каньон, гейзер, оазис, плато* перешли во многие языки).

Региональная лексика может быть классифицирована по различным принципам: в зависимости от происхождения, сферы употребления и проч. Исследовательницы Н. Н. Соколянская и Ю. А. Резвухина создали каждая свою классификацию, причём одна не отменяет другую, а взаимодополняет [Соколянская 2016: 57–70; Резвухина 2014а: 104–106].

Для региональной ономастики регионализмы целесообразно делить по двум основным признакам: 1) находящиеся вне литературного языка и 2) являющиеся частью общей литературной нормы, но со сниженной частотой употребления.

Такое разграничение определяется тем, что для ономастики первостепенную важность имеет деление лексем на литературные и нелитературные. Представляет трудность разграничение всей совокупности регионализмов по данному признаку: многие из них носят пограничный характер. Для проприальной лексики и слов на ономастической периферии это значительно проще: литературно всё, что официально; однозначно нелитературно всё экспрессивное и сниженное; на периферии литературного языка и просторечия стоят микроонимы; входят в литературный язык ныне официально не употребляющиеся онимы с низкой частотой использования в настоящем.

Микроэтнонимы — часть региональной ономастики. При этом, в отличие от общих этнонимов, служащих обозначением целого народа, чаще всего они не входят в лексику, составляющую общелитературный язык. Общие этнонимы тоже могут относиться к региональной ономастике, но их статус выше: они — неотъемлемая часть литературного языка.

Автор настоящего исследования делит региональные онимы по двум критериям, тесно связанным друг с другом: по степени официальности и по степени распространённости. В зависимости от распространённости онимы делятся на собственно региональные и микроонимы. Отнесённость микроонимов к литературному языку определяется степенью официальности. В случае стилистической противопоставленности онима официальным названиям он располагается вне литературного языка. Исторические онимы стоят несколько обособленно, но при своей официальности в прошлом относятся к литературому языку.

Региональные онимы можно классифицировать следующим образом:

1. Официальные названия — часть литературного языка. Располагаются как в ядре, так и на периферии — в зависимости от частоты употребления и степени известности за пределами региона. В примерах знаком * отмечены онимы, входящие в ядро литературного языка.

Примеры: * *Магадан, Сусуман, Ола* (населённые пункты); * *Колыма, Дукча, Хасын* (реки); * *чукча, эвен, камчадал, коряк* (этнонимы).

2а. Микроонимы — официальные названия, находятся на периферии литературного языка. К ним относятся, например: микротопонимы — названия микрорайонов, улиц, проспектов, площадей и др. топографических объектов населённых пунктов; микрогидронимы — названия небольших рек, ручьёв, озёр и др. водоёмов.

Примеры официальных микротопонимов: *улицы Нагаевская и Ново-Нагаевская* в Магадане (названы по *бухте Нагаева*, на побережье которой стоит город), *Набережная улица* в Сусумане (название объясняется примыканием к реке Талон, собственно набережной не является, т. к. линию реки на всём своём протяжении не окаймляет).

Примеры иных официальных микроонимов: *Марчекан, Весёлый, Холодный* (ручьи).

Примеры официальных микроэтнонимов: *ороч, чавчувен*, *алюторец.*

2б. Полуофициальные микроонимы — располагаются на границе между литературным языком и просторечием, но ближе к литературному языку, в просторечие не входят. Могут становиться официальными онимами.

Примеры полуофициальных микроэтнонимов: *донрэткэн, орочон*.

Примеры полуофициальных микротопонимов: *Автотэк* (северный микрорайон Магадана), *Марчекан* (юго-западный микрорайон Магадана, названный по *ручью Марчекан*, берущему начало с подножия *Марчеканской сопки* — высочайшей вершины полуострова Старицкого, на перешейке которого располагается город).

2в. Неофициальные микроонимы — просторечны, но стоят близко к литературному языку, поскольку зачастую отражают полуофициальные и неофициальные названия без экспрессивной или негативной коннотации.

Примеры приграничных микротопонимов: *Яма* (юго-восточный микрорайон Магадана, расположенный в низине), *Хэп* — от ХПИ (Политехнический институт Северо-Восточного государственного университета города Магадана; сохраняется неофициальное название, существовавшее до присоединения Магаданского филиала Хабаровского государственного технического университета (в прошлом — Хабаровский политехнический институт, ХПИ) к Северо-Восточному государственному университету).

3. Экспрессивные, разговорные и сниженные онимы — вне литературного языка.

Примеры:

— *Инвалидка* (просторечие или сниженный топоним; от официального названия *посёлка Инвалидный* близ Магадана, сформировавшегося вокруг *инвалидного городка*, построенного в 1930-е годы для физически ослабленных и покалеченных на тяжёлых работах заключённых [Евсюкова 2008: 39]; название используется до сих пор, хотя ныне это *микрорайон Солнечный* города Магадана);

— *чухмарьё, чукчишка* (этнонимы-пейоративы).

4. Ныне официально не употребляющиеся онимы — располагаются на периферии литературного языка.

Примеры: *луораветлан, тунгус, ламут* (этнонимы); *Мя́кит* (упразднённый посёлок Магаданской области).

2.4. Этноним как лингвистическое понятие. Особый статус этнонима в ономастике

«Словарь русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской даёт следующее определение *этнониму*: это номен для обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т. п.) [Подольская 1978: 167]. *Номен*, согласно определению того же словаря, — слово или словосочетание, имеющее прямую связь с предметом или с видом, представляющим собой неопределённое множество идентичных единиц, являющихся объектом какой-либо отрасли науки, техники, производства, искусства и т. п. При этом номены отличаются от терминов, от общеупотребительной («бытовой») лексики и от имён собственных. Имена-номены помечаются словарём в качестве нарицательных; отмечается, что они сопутствуют онимам. Приводятся следующие примеры номенов: у антропонимов — номенклатура родства, этнонимы, номенклатура профессий, номенклатура чинов, званий, титулов, катойконимы и т. п.; у топонимов — номенклатура географии, геологии, этнонимы и т. п. [Там же: 90]. Во втором издании словаря Н. В. Подольская прямо пишет: этноним — имя нарицательное обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т. п.). При этом исследовательница отмечает, что термин *этноним* по своей структуре соответствует онимам других классов, однако он не обозначает имена собственные, хотя существует и противоположное мнение [Подольская 1988: 153].

Т. А. Сироткина называет этноним языковой составляющей категории этничности, складывающейся из совокупности черт и особенностей культуры того или иного народа, и отмечает, что ядро значения этнонима — архисема

‘народ’ [Сироткина 2008а: 18–19]. Основная лексическая функция этнонимов — номинация [Там же: 116].

Английский лингвист А. Гардинер дал ёмкое определение имени собственного: «[Это] слово или группа слов, признанные указывающими или имеющими тенденцию указывать на объект или объекты, с которыми они связаны только посредством различительного звука, независимо от какого-либо смысла, который имел первоначально этот звук или который он приобрел в результате связи с названным объектом или объектами» [Gardiner 1957: 43]. По прошествии времени — во втором издании — исследователь предложил уточнённое определение: «Имя собственное — это слово или группа слов, признающиеся имеющими идентификацию своей специфической целью, достигающие или стремящиеся достичь данной цели посредством только своего рода различительного звука, независимо от какого-либо смысла, который имел первоначально этот звук или который он приобрел в результате связи с идентифицируемыми посредством него объектом или объектами» [Ibid.: 73].

В отличие от большинства онимов, относимых наукою к именам собственным, этнонимы имеют неоднозначный статус; следует отметить, что они вписываются в определение А. Гардинера. В. А. Никонов считает этнонимы именами собственными [Никонов 1970: 5–6] и отвергает аргумент противников по поводу написания их со строчной буквы. Действительно, в других языках этнонимы пишутся с прописной буквы (например, в английском; из славянских — в сербском, польском). Более того, в русском до середины XIX и даже вплоть до начала XX века этнонимы часто писались с прописной буквы. Я. К. Грот, считая этнонимы именами собственными, отмечал сложность вопроса их правописания, склоняясь всё же к заглавной букве: «Названія народовъ пишутся многими всегда съ малой буквы, конечно на томъ основаніи, что признаются нарицательными именами, означающими признакъ происхожденія, подобно другимъ родовымъ именамъ, показывающимъ общность принадлежащаго имъ признака, напр., —

магометанинъ, матросъ, ремесленникъ. Если названіе страны, мѣстности, города, деревни считается собств. именемъ, то какъ не признавать такимъ же и имя народа или жителей, по крайней мѣрѣ когда мы разумѣемъ населеніе во всей его совокупности, напр. въ предложеніяхъ: *Французы* воевали съ *Нѣмцами*; *Шведы* и *Норвежцы* населяютъ Скандинавскій полуостровъ. Иное дѣло, когда названіе націи служитъ опредѣленіемъ другого имени или прилагается къ отдѣльнымъ лицамъ, напр.: *англичанинъ* Диккенсъ; Вальтеръ-Скоттъ былъ родомъ[10] *шотландецъ*; я встрѣтилъ двухъ *голландцевъ*. Конечно, могутъ возразить, что такое различіе произведетъ сбивчивость въ правописаніи названій народовъ или населеній. Хотя это опасеніе, по нашему мнѣнію, и напрасно, потому что предлагаемое различіе всякому, даже и ребенку, понятно, однакожъ, если ужъ избирать одно постоянное правописаніе для народныхъ названій, то слѣдуетъ предпочесть большую букву. Писать: „*русскіе, поляки, чехи, сербы* и проч. составляютъ славянское племя“, по нашему мнѣнію, еще страннѣе, чѣмъ напр.: „Вукъ Караджичъ былъ *Сербъ*“ или: „сюда пріѣхали трое *Русскихъ*“»[11] [Грот 1873: 125–126].

Отмечается колебание относительно включения этнонимов в состав онимов, что существенным образом влияет на объём ономастического материала [Суперанская и др. 2007: 8].

Современное Американское общество названий (American Name Society), издающее научный журнал *Names*[12], даёт следующее определение этнониму на своём официальном сайте: имя собственное, использующееся для этно-расовой группы [About Onomastics].

---

[10] Устранена явная опечатка *родамъ*.

[11] В пользу написания этнонимов с заглавной буквы можно назвать одну утилитарную причину: такая орфография существенно упрощает их розыск в тексте, заменяя чтение беглым просмотром в поисках нужного места. Для обычного читателя это, возможно, не представляет особого преимущества, тогда как исследователю, работающему с огромным количеством текстов, существеннейшим образом облегчает жизнь, экономя время. По этой причине ономатологу удобнее работать с современными английскими текстами и с русскими, удерживающими заглавное написание этнонимов.

[12] По-русски «Названия»: такое русское именование дано на обложке самого журнала, хотя *Names* можно перевести и как «Имена».

Однако в науке сегодня не существует однозначно признанной всеми учёными позиции по поводу отнесения этнонимов к собственным или нарицательным именам.

А. В. Суперанская видит в этнонимах имена нарицательные, не соглашаясь с В. А. Никоновым. Исследовательница сближает этнонимы с обозначениями лиц по социальному положению, производственной деятельности, принадлежности к различным объединениям (приводятся примеры: *москвичи, рыболовы, гегельянцы, утописты, дворяне* и т. п.), являющимися коннотирующими и с неопределённым денотатом. По её мнению, все эти термины могут обозначать не только дворян, гегельянцев и др., но могут относиться к недворянам и к не истинным гегельянцам; такое употребление данных слов возможно благодаря их отчётливым коннотациям. «Если добавить, что этнонимы, как правило, коннотируют, то совершенно очевидно, что они не могут быть отнесены к собственным именам» [Суперанская 1973: 206]. Такая позиция представляется всё же чрезмерно резкой. Например, фамилия *Иванов* может обозначать не истинного Иванова, а быть всего лишь псевдонимом или же обобщённым обозначением русского: так, словарём отмечается способность антропонима *Иванов* употребляться в значении ‘всякий русский’ [Русская ономастика 1994: 91]; при такой семантике *Иванов* является уже не столько антропонимом, а скорее этнонимом. При этом *Иванов* в этнонимическом значении не перестаёт быть именем собственным; денотат данного онима неопределённый.

Лексические единицы *рыболовы, дворяне* и проч. правомерно признаются нарицательными именами, поскольку в их основе лежит апеллятив; они не являются предметом изучения ономастики. То же касается термина *гегельянцы*: образованный от антропонима (фамилии философа), он имеет архисему ‘последователь какого-либо учения’, сближаясь с такими терминами, как *утописты, коммунисты, демократы* и т. п., в основе которых лежат нарицательные имена.

Катойконимы, называющие жителей местности, стоят ближе к этнонимам, обозначающим народ (этническую группу, племя и т. п.). Это — имена группы людей, имеющей маркирующий признак (место проживания), в чём-то походящий на имя человека, позволяющий идентифицировать его среди других лиц.

А. А. Белецкий полагал, что лексика любого языка не делится чётко на два класса несобственных (нарицательных) и собственных имён, и видел необходимым установить переходные, промежуточные лексические слои. Исследователь относил к таким слоям «врождённые», неизменные и постоянные наименования человеческих коллективов — катойконимы и этнонимы, обозначая их общим термином *койконимы*. А. А. Белецкий сдержанно воспринимал возможное проведение границы между ономастикой и апеллятивной лексикой: «[М]ы должны прийти к выводу о том, что эти границы не могут считаться определёнными раз и навсегда и совершенно непререкаемыми» [Белецкий 1972: 19].

В случае с этнонимами сложно дать чёткий ответ и определённо отнести их к собственным или же нарицательным именам.

Особое внимание следует обратить на замечание А. И. Грищенка: «Значительные трудности при попытках традиционной словарной семантизации этнонимов и противоречивость существующих толкований ещё не свидетельствуют однозначно о проприальности данного класса слов, хотя и ставят под сомнение их принадлежность к „номенам“, самые распространённые из которых (названия животных, растений и т. п.) могут быть истолкованы достаточно корректно» [Грищенко 2011: 439]. Исследователь верно подмечает: номены, использующиеся для обозначения множества идентичных единиц, существуют объективно. Чёткое выделение и разграничение понятий *этнос, этническая группа, народность, народ, нация* представляет большую сложность, носит противоречивый характер.

Касательно этнонимов правильно будет согласиться с А. С. Щербак, осторожно относящейся к жёсткому противопоставлению собственных и

нарицательных имён, поскольку это не позволяет понять и проследить процессы взаимодействия лексикона и ономастикона. По мнению исследовательницы, «[д]иапазон проблематики имён собственных гораздо шире, он не должен сводиться к ограниченности в процессе регулярного слово- и формообразования имён собственных, поскольку в номинации онимов отмечается большая свобода фонетических и морфологических вариаций и инноваций, что предполагает возможность языка концептуализировать один и тот же объект разным образом» [Щербак 2008: 19].

Весьма интересной является концепция В. И. Супруна. По мнению исследователя, этнонимы «в зависимости от нумеральной формы и контекста имеют ономастическую или нарицательную семантику» [Супрун 2000: 25]. Согласно В. И. Супруну, «название лица по национальности входит в так называемое антропонимическое поле и представляет собой апеллятив, который характеризует отдельного человека так же, как и наименование по профессии, месту жительства, организации <…>. Вероятно, за такими апеллятивами не стоит закреплять термин *этноним*, поскольку речь не идёт о наименовании этноса» [Там же: 26]. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что исследователь считает этноним именем собственным, если в апеллятивном, по его мнению, значении лексемы предлагает воздерживаться от термина *этноним*. При этом названия национальностей в форме множественного числа, используемые в значении ‘представители того или иного народа; люди определённой национальности’, по В. И. Супруну, имеют ономастические функции [Там же: 27]. Автор настоящего исследования полностью согласен с В. И. Супруном относительно того, что во множественном числе при обозначении представителей определённой национальности этнонимы являются именами собственными; об этом же, но другими словами писал Я. К. Грот в XIX веке, предлагая именно в таких случаях писать этнонимы с большой буквы [Грот 1873: 125–126]. Вместе с тем, по мнению автора настоящей работы, при употреблении названия лица по

национальности в единственном числе не следует рассматривать этноним исключительно как имя нарицательное — всё зависит от контекста, стилистики и иных факторов. Так, во фразах *он немец* и *сюда пришёл немец* этноним имеет разные функции; в последней фразе речь может идти об одном человеке или о немцах в совокупности, во втором случае в сниженном значении этноним может заменяться антропонимом — типичным немецким именем: *сюда пришёл Фриц, сюда пришёл Ганс*; данная замена для первой фразы без изменения смысла невозможна. Именно такое положение этнонимов делает их стоящими на стыке имён собственных и нарицательных.

Т. А. Сироткина вслед за остальными исследователями отмечает проблему языкового статуса этнонима: «Этнонимия как разряд лексики имеет двойственный характер. С одной стороны, этнонимы являются нарицательными обозначениями, с другой — традиционно рассматриваются внутри онимической системы в качестве периферийных её единиц. Двойственный характер имеют этнонимы и с точки зрения теории референции. Они, с одной стороны, являются „идентифицирующими“ именами (к которым обычно относят имена собственные), с другой — „характеризующими“ (которыми традиционно являются апеллятивы). Логичнее всего, на наш взгляд, определение этнонимов как промежуточного звена между именами собственными и именами нарицательными» [Сироткина 2011а: 53–54]. В этом выводе следует согласиться с Т. А. Сироткиной и рассматривать этнонимы находящимися на периферии ономастики — как связующее звено между именами собственными и нарицательными.

В заключение следует отметить, что А. В. Суперанская, видя в этнонимах имена нарицательные, всё же подчёркивает, что членение ономастического пространства всегда искусственно и может меняться в зависимости от задач исследователя [Суперанская 1973: 213].

Выводы по главе 2

Регионолект — особая форма языка, существующая на ограниченной территории. Главное отличие от диалекта — распространённость не только среди сельского населения. Возможны орфоэпические отличия между регионолектами, признаваемые за нормативное произношение. Каждый регионолект обладает самостоятельным набором слов (регионализмов), отличающих его от общелитературного языка.

Диалектные слова не относятся к литературному языку. Слова из регионолектов (регионализмы) имеют более сложное происхождение и в зависимости от того, что́ они обозначают, могут входить в общелитературный язык. Регионализмы, обозначающие уникальное явление или описывающие уникальный объект, не представленные в иных местностях, следует относить к литературному языку — к его периферии, поскольку в лексиконе абсолютного большинства носителей языка такие слова отсутствуют. Частью регионолекта являются онимы, служащие названиями местным объектам, одушевлённым лицам и группам живых существ. Это — ономастические регионализмы; часть из них, являющаяся официальными названиями и наименованиями, входит в литературный язык.

Региональная ономастика изучает и описывает онимы, встречающиеся на определённой территории. Бо́льшая часть обозначаемых онимами объектов незначительна по размеру или числу, в силу чего мало известна вне пределов нахождения или распространения такого онима. Этнонимы — часть науки ономастики, занимают промежуточное положение между именами собственными и нарицательными. Региональная этнонимия представляет собою все этнонимы, встречающиеся на очерченной территории. Каждый этнос имеет, как правило, несколько названий: самоназвание (автоэтноним) и аллоэтнонимы, не всегда совпадающие по значению, а также микроэтнонимы — названия небольших племенных, субэтнических, географических групп.

Этнонимия Северо-Востока России изобилует именами малочисленных народов и является неотъемлемой частью региональной ономастики: она

представлена в топонимике края и в эргонимах (названиях деловых объединений людей).

Важным аспектом для науки является наиболее полное и точное толкование этнонимов, со всеми дериватами, во множественном числе и собирательной форме (если последняя имеется); наряду с ныне употребляемыми необходимо также приводить устаревшие этнонимы.

Глава 3. Этнонимы малочисленных народов Северо-Востока России

Огромная территория, охватываемая Северо-Востоком России, издревле являлась местом проживания разных народов, соприкосновения и столкновения культур. Этническая пестрота региона обусловливает этнонимическую разнородность. Вплоть до начала 1930-х годов, когда началось широкомасштабное промышленное освоение региона, территориальная обособленность и экономические различия в зависимости от места проживания (вблизи моря или в глуби материка) накладывали отпечаток на население Северо-Востока, что спровоцировало появление множества региональных самоназваний у одного народа, частично совпадающих с таковыми у соседей — представителей иного этноса. Правда, после революции и с началом претворения в жизнь нациестроительства на Северо-Востоке этнонимы претерпели значительные изменения: часть ушла в прошлое, часть была пересмотрена и получила большее или меньшее распространение в сравнении с минувшей эпохой — в зависимости от проводимой властями политики, также появились в русском языке новые названия для народов. Все эти лингвистические изменения на протяжении истории представляют важный объект исследования не только для ономастики в целом, но и для этнонимики в частности.

В настоящей главе рассматриваются этнонимы народов, представленных на Северо-Востоке России хотя бы частично в качестве издревле проживающего здесь населения.

В действующем российском законодательстве используется словосочетание *коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока России*. Перед исследованием этнонимии Северо-Востока России следует указать: все описываемые в данной главе народы однозначно являются малочисленными, поскольку совокупное количество каждого из них в пределах России насчитывает менее пятидесяти тысяч человек,

определённых законом [13] . Юридического положения рассматриваемых народов настоящее исследование не касается, за небольшим исключением — где это связано с проблемой обретения соответствующего статуса и сопутствующих ему льгот, что зачастую влияет на выбор этнонимов.

Перед описанием каждого народа даётся современный официальный этноним на русском языке по следующей форме: мужского рода в единственном и множественном числах, женского рода в единственном и множественном числах, отэтнонимическое прилагательное. Официальных собирательных этнонимов малочисленные народы Северо-Востока не имеют.

Автором выбран алфавитный порядок расположения этнонимов по нескольким причинам. Во-первых, анализируются этнонимы именно в русском языке; если бы целью настоящего исследования являлось, например, описание языков малочисленных народов, целесообразно было бы приводить народы по языковым семьям. Во-вторых, алфавитный порядок удобнее для читателя.

В качестве источников материала выбрана в основном научная литература и описания путешествий. Художественные произведения почти не затрагиваются. Во-первых, в литературе этнонимы встречаются, как правило, в контексте этнографического описания, семантическое и этимологическое значения лексем не представляют главной ценности для художественного произведения. Во-вторых, в дореволюционной литературе малочисленные народы Северо-Востока представлены в немногочисленных произведениях малоизвестных сегодня писателей, как-то: в сочинениях В. Л. Серошевского, в романе «Камчадалка» И. Т. Калашникова. Романы В. Г. Богораза (например, «Восемь племён»), описывающие Северо-Восток, написаны крупным учёным, но являются, можно сказать, побочной ветвью от основной деятельности выдающегося исследователя края — научной, затрагиваемой в настоящей

[13] Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

работе. В послереволюционной литературе этнонимия Северо-Востока представлена шире. Примеры из литературных произведений используются в настоящей работе в том случае, когда необходимо показать использование вместо ономастического регионализма общеизвестного слова. Однако художественные произведения не являются предметом изучения в настоящей работе: этнонимы малочисленных народов Северо-Востока в данного рода литературе заслуживают рассмотрения в отдельном научном исследовании.

3.1. Айны

Этноним: м. р. *айн*, мн. ч. *а́йны*; ж. р. *а́йнка*, м. ч. *а́йнки*; прил. *а́йнский*.

Айны преимущественно обитают в Японии (почти 24 тысячи). В России живут на юге Камчатки, а также в незначительном количестве в Сахалинской области; всего чуть более ста человек. Самоназвание народа — *аину (айну)* ‘люди’ [Паллас 1787: 45], в словаре С. П. Палласа ударение стоит на последнем слоге. Этимология этнонима носит предположительный характер. Слово *а́йну (а́jпи)* означает ‘человек; мужчина; айн’ [Айнско-русский словарь 2004: 215].

Данный народ представлен на Северо-Востоке России весьма ограниченно, основные места обитания, включая исторические, лежат вне пределов рассматриваемого в настоящей работе региона, поэтому здесь затрагиваются в основном этнонимы, фигурировавшие среди русских первопроходцев в XVII–XVIII столетиях, а также в российской научной литературе более позднего периода. Айны Японии достаточно хорошо изучены японскими исследователями, включая названия их исторических родов и племён, в связи с чем в исследовании о Северо-Востоке России на них останавливаться нецелесообразно.

Первые данные об айнах русские получили в 1640-е годы: это были казаки, достигшие Дальнего Востока (отряды Ивана Москвитина и Василия Пояркова) и контактировавшие с эвенами и нивхами [Соколов 2014: 60]. Но в середине XVII века айнов посчитали бородатыми даурами — монголоязычным

племенем; таким образом, на тот момент айны в представлении русских не были маркированы в качестве самостоятельного народа. Первая непосредственная встреча с айнами произошла в XVIII веке на Камчатке [Тураев 2018: 215].

Долгое время в России айны именовались *курилами* или *курильцами*. Особенное распространение ныне устаревший этноним имел в XVIII столетии, когда данный народ был впервые описан в русских источниках.

Следует подчеркнуть, что этимология названия Курильских островов не связана с русским глаголом *курить* — по курящимся там вулканам, хотя такая версия находила отражение в научной и справочной литературе (например, здесь: [Русская тихоокеанская эпопея 1979: 580] — и в ранних изданиях «Энциклопедии Британники» [Encyclopædia Britannica 1911: 951]; позже эта версия была отвергнута [Encyclopædia Britannica 1994: 42]).

Отечественный исследователь Северо-Востока XVIII века С. П. Крашенинников, первым давший сколь-нибудь развёрнутые и правдоподобные сведения об айнах, пишет: «Званіе ихъ [острововъ] произошло отъ жителей ближайшихъ острововъ къ Камчаткѣ, которые отъ тамошнихъ народовъ Куши, а отъ Россіанъ Курилами называются» [Крашенинников 1755а: 103]. Как считает современный исследователь айнов, их языка и культуры А. Ю. Акулов, название островов происходит из языка айнов. Учёному представляются возможными две этимологии:

1) от слова *кур* ‘человек’; в таком случае «Курильские» — это «острова, населённые людьми»;
2) от слова *кури* ‘облако’, поскольку на Курильских островах туманы и низкая облачность — очень частое явление [Акулов 2007: 120].

И. С. Вдовин указывает на путь образования этнонима *курил*: «Русское название образовано от айнского слова *кур* или *куру*, что значит ‘человек’. Ительменское произношение *кушин* или *кужин* есть фонетическая адаптация

айнского *кур* или *куру*. В ительменском языке нет фонемы **р**, вместо неё они произносят **ж**»[14] [Вдовин 2017: 156].

Этнонимы *кур* и *куру* преобразовались в русском языке в *курил ~ курилец*. Возможно, видоизменение происходило под непроизвольным влиянием глагола *курить*: первопроходцы, видя курящиеся вулканы, переиначили иноязычное слово в созвучное слово русского языка, ассоциируемое с исходящим из земли дымом. Однако это только предположение.

Упоминаются айны в «скаске» В. В. Атласова: «А за камчадальцами вдаль живутъ *Курильскіе* иноземцы — видомъ противъ камчадальцовъ чернѣе и бороды меньши» [Оглоблин 1891: 14].

С. П. Крашенинников замечает, что жители островов Итурупа и Урупа (т. е. Южных Курил) называют себя Кых-Курилы [Крашенинников 1755а: 113]. Правда, ниже он оговаривается и уточняет: поскольку этноним *Курилы* — искажённое казаками самоназвание *Куши*, вероятнее всего жители Итурупа и Урупа для отличия от прочих именуют себя Кых-Куши, а не Кых-Курилы [Там же: 120]. С. П. Крашенинников также отмечает, что японцы жителей островов Матмаи (Хоккайдо), Кунашира, Итурупа и Урупа называют общим именем *Е́зо,* «изъ чего во первыхъ разсуждать надлежитъ, что Матмайскіе жители съ прежними [южнокурильскими] суть одного рода, и что языкъ на всѣхъ четырехъ островахъ одинъ <…>» [Там же: 114]. Из вышеизложенного косвенно следует, что южные айны, несмотря на единство, всё же отличались от северных айнов и выделялись в отдельную подгруппу, почему именовали себя отлично от сородичей; косвенным свидетельством сему служит экзоэтноним, данный им японцами.

По замечанию С. П. Крашенинникова, самоназвания были следующие: «Курильцы себя называютъ *Уйвýтъ-Е́еке*, Курильцовъ неясашныхъ, кои на дальнихъ островахъ живутъ, *Я́ункуръ* <…>» [Крашенинников 1755б: 4].

---

[14] Выделения курсивом мои, полужирным шрифтом — авторские; для лексического значения обычные кавычки заменены на марровские.

В 1871 году вышло фундаментальное исследование А. С. Полонского «Курилы», в котором разбираются айнские этнонимы.

А. С. Полонский подтверждает сведения С. П. Крашенинникова о подразделении айнов на две ветви, именуемые ближними и дальними курильцами. Казаки, придя на Камчатку, узнали от местных жителей о курильцах: *ближних (уйвут-эске)* и *дальних (яункур)*; т. е. различие между двумя субэтносами не было оставлено незамеченным ещё до прихода русских.

Ближние курильцы отмечены А. С. Полонским лишь в отношении этнического смешения: обитавшие на Камчатке и Северных Курилах айны отчасти ассимилировались с ительменами.

Для дальних курильцев исследователь приводит этноним, известный ещё в XVIII веке. Он пишет: «*Дальніе* курильцы, которые впервые стали извѣстны русскимъ отъ японцовъ съ потерпѣвшихъ на камчатскихъ берегахъ крушеніе судовъ ихъ, а потомъ по торговымъ сношеніямъ съ ближними, обыкновенно назывались *мохнатыми*, и жили на южныхъ [Курильскихъ] островахъ и частію на о. Сахалинѣ» [Полонский 1871: 375–376]. Такое название было дано по причине наличия у айнов третичного волосяного покрова, несвойственного их соседям, проживающим на севере. Айны, переселившиеся со второго острова (Парамушир) и других северных островов на Средние Курилы, называются, по замечанию А. С. Полонского, *сошлыми курильцами* [Там же: 384]. Прилагательное *сошлый* образуется от глагола *сойти*, что находит подтверждение в «Словаре русских народных говоров», дающем следующее объяснение лексеме: о беглом крестьянине или самовольном переселенце [СРНГ, 40: 99].

Первый раз этноним *айны* встречается в европейской литературе в начале XVII века: Элиуд Николай употребляет название *Aino* в своём сочинении, изданном в 1619 году в Мюнхене [Шренк 1883: 127–128].

И. Ф. Крузенштерн замечает: «Начальные острововъ сихъ [Хоккайдо и Сахалина] жители, которые извѣстны у насъ подъ именемъ Курильцовъ мохнатыхъ, называютъ себя Аинами» [Крузенштерн 1810: 55]. От этнонима

Аин мореплаватель образует прилагательное двояко: *Аиноский* и *Аинский*. Д. Н. Анучин со ссылкой на И. Ф. Крузенштерна указывает: «Первобытные обитатели Іессо [Хоккайдо], точно такъ же, какъ и жители южной части Сахалина, называются *Aino* и составляютъ одинъ и тотъ же народъ съ такъ назыв. *мохнатыми Курильцами*» [Анучин 1876: 104].

И. Ф. Крузенштерн перед описанием этнографических особенностей айнов делает важное примечание: «Выше уже упомянуто, что собственное имя жителей острова Ѣссо[15] [Хоккайдо] есть *Аинъ*. Симъ же именемъ называются и южные Сахалинцы. Ихъ ростъ, одѣяніе, образъ лица и языкъ доказываютъ, что они оба одного произхожденія. Почему капитанъ корабля Кастрикома хотя и былъ въ Анивѣ и Аткизѣ, но не узнавъ пролива Лаперузова, могъ остаться при мнѣніи, что оба сіи мѣста находятся на одномъ и томъ же островѣ. Итакъ все сообщаемое мною объ Аинахъ относится какъ до жителей Ѣссо, такъ и южной части Сахалина. Они должны составлять тотъ самой народъ, которой со времени Шпанберга называется мохнатыми Курильцами» [Крузенштерн 1810: 79].

Эти данные основывались на непосредственных научных наблюдениях во время мореплавания; впрочем, в отношении айнов не было путаницы понятий, как с другими народами, поэтому, когда русским учёным стал известен этноним *айн*, не возникало соблазна отнести курильцев к самостоятельной, неайнской этнической общности.

А. С. Полонский также указывает в своём труде на самоназвание народа — *айну* ‘человек, житель’ — и что данный этноним, несмотря на ограниченное значение, сделался общим названием целого племени [Полонский 1871: 376].

Однако С. А. Арутюнов и В. Г. Щебеньков отмечают: «Ещё в конце прошлого [XIX] века слово *айну* не было самоназванием айнов, каким оно стало теперь, а значило только „человек“ вообще» [Арутюнов, Щебеньков 1992: 12].

---

[15] Именно так напечатано название острова в книге. Скорее всего правописание связано с наличием особого звука [ѣ], иначе трудно объяснить ѣ в «новом» неславянском слове.

Современная наука придерживается позиции, что слово, сделавшись этнонимом, расширяет своё значение. В. А. Никонов отмечал в связи с этим: «Слово, став этнонимом, начинает новую жизнь, полностью независимую от его прежних этимологических связей, хотя бы эти связи ещё и ощущались (как в большинстве микроэтнонимов, но исключительно редко в собственно этнонимах)» [Никонов 1970: 12].

Встречается у А. С. Полонского, кроме курильцев, и этноним *айны*: «6 окт. 1806 г. Хвостовъ напалъ на о. Сахалинъ и изгналъ съ него японцевъ, <…> и, обласкавъ мѣстныхъ жителей, добродушныхъ *айновъ*, съ которыми японцы поступали наижесточайшимъ образомъ, очистилъ островъ для русскихъ» [Полонскій 1871: 559]. Использование такого слова объясняется контекстом: употреблён этноним, использовавшийся самими японцами; в остальных случаях, если описание малочисленного народа не связано с японским присутствием, в объёмном труде учёного используется этноним *курильцы*.

В конце XIX века айны называли себя племенными именами, образовываемыми от названий рек и долин, в которых они жили: *соя-унтара, чувка-унтара*. Японцы же в то время называли айнов *эбису* [Арутюнов, Щебеньков 1992: 12–13]. Слово *унтара* означает ‘люди’, годное для определения не только племенной, но и любой поселковой группы. Таким образом, в региональных названиях айнов всё равно использовалось самоназвание, в этимологии которого лежало значение ‘человек’, что является типичным для многих народов.

А. М. Соколов указывает, что наиболее ранние сведения об осознании себя айнами, т. е. о восприятии данного этнонима в качестве автоэтнонима, относятся к концу XVI века. Учёный придерживается мнения, что в более раннее время самоназванием айнов были *кур, куру, гур, гуру* (в усечённом виде, употреблявшемся в составных словах, — *ку*) со значением ‘человек’ или ‘особа’ [Соколов 2014: 232–233].

Этноним *курилы ~ курильцы* постепенно выходил из употребления, начиная с XIX столетия. Наиболее вероятной причиной являлось следующее обстоятельство: бóльшая часть айнов жила на территории, подконтрольной Японии, курильцами или курилами назывались айны, жившие на одноимённых островах. Кроме того, айны становились объектом изучения европейцев, посещавших Японию и взявших на вооружение название народа, бытовавшее в этой стране.

С передачей всех Курильских островов Японии по Петербургскому договору в 1875 году в России практически не осталось представителей айнского народа, следствием чего было исчезновение из активного хождения самого этнонима *курил ~ курилец*. В научной литературе стало употребляться слово *айн*, заимствованное из японского языка. По замечанию Д. Н. Анучина, айнов иногда называли *айносами* [Анучин 1876: 79]. Очевидно, такая форма взята из западноевропейских языков, заимствовавших слово из японского с добавлением греческого суффикса *-ος*. Впрочем, данный вариант этнонима не прижился. Объясняется это тем, что русскому языку вообще свойственно при заимствовании отбрасывать греческий и латинский суффиксы *-ος, -us* (например: Κύπρος > Кипр; Claudius > Клавдий, Augustus > Август).

По возвращении Россией Южного Сахалина и Курильских островов в 1945 году численность айнов в нашей стране увеличилась, но не сильно, поскольку значительное количество представителей данного народа репатриировалось. Так как подавляющее большинство айнов живёт в Японии, оснований изменять в середине XX века уже имеющийся в русском языке этноним не было. Кроме того, время активных «переименований» народов пришлось на довоенный период. Этноним *айну* стал самоназванием народа в XX столетии. *Айн*, образованный от *айну*, вполне вписывался в бытовавшую в советское время концепцию о важности именовать в русском языке развитый народ по его же самоназванию. В связи с этим не было тогда и тем более не имеется сейчас повода для каких-либо этнонимических изменений в отношении этого крайне малочисленного в пределах России народа.

3.2. Алеуты

Этноним: м. р. *алеу́т*, мн. ч. *алеу́ты*; ж. р. *алеу́тка*, мн. ч. *алеу́тки*; прил. *алеу́тский*.

Местом обитания алеутов с давних эпох является север Тихоокеанского побережья. В России представители сего народа в настоящее время живут на Командорских островах (около 400 человек), в США — на Алеутских островах, островах Прибылова и на западной оконечности полуострова Аляски. Особенность алеутов в прошлом и настоящем — островной характер проживания, на стыке Евразии и Северной Америки.

Первыми из европейцев, встретившимися с алеутами, были русские: участники Второй Камчатской экспедиции во главе с В. Берингом и А. И. Чириковым в 1741 году достигли Алеутских островов и северо-западного берега Америки [Головин 1862: 1], где столкнулись с местным населением.

Этноним *алеут* исторически самоназванием не являлся. Слово появилось в русском языке и утвердилось после первой экспедиции Беринга–Чирикова на острова, т. е. с 1747 года [Ляпунова 1975: 6, 8].

Относительно этимологии этнонима *алеут* наиболее обстоятельный анализ проделали И. С. Вдовин и Г. А. Меновщиков.

По мнению И. С. Вдовина, *алеут* восходит к чукотско-корякской основе *элев/аляв* (варианты *э’чев/а’чав*) со значением ‘обвязывать, обматывать что-либо’, от которой образовалось слово *аляв-выттэ* ‘те, которые имеют (на голове) ободы с ветками’, в русском языке видоизменившееся и принявшее форму *алеут* [Вдовин 1968: 101–105]. Русские первопроходцы использовали коряков и чукчей толмачей, а те, в свою очередь, могли называть алеутов *аляв-выттэ* по внешнему признаку — ношению деревянного головного убора с кожаною тульёю и украшениями из перьев и усов сивуча. По мнению И. С. Вдовина, переводчики из чукчей и коряков издали могли принять эти головные уборы за украшения из веток и прутиков [Там же]. Слово от основы

аляв- в форме *алявыт* также могло означать людей, соединённых прочной связкой с байдарой.

Г. А. Меновщиков критично относится к версии И. С. Вдовина. Он считает, что этноним *алеут*, несмотря на то что это не самоназвание, возник на алеутской лингвистической основе — опосредованно, путём многократного акустического восприятия слова *аллúтхух̣* русскими моряками и промышленными людьми. Часто произносимое слово при общении алеутов с русскими и между собой, в том числе в критических ситуациях, хорошо запомнилось и адаптировалось русскими землепроходцами в соответствии с фономорфологическими нормами русского языка [Меновщиков 1980: 111].

Версия Г. А. Меновщикова, по мнению автора настоящего исследования, представляется более правдоподобной. Действительно, неизвестный народ, чей язык непонятен, могут называть по какому-нибудь характерному слову, легко запоминающемуся. Греки не случайно именовали чужеземцев варварами: их язык не был ясен, не воспринимался на слух и казался пустыми звуками; на этой основе появилось слово *варвар (βάρβαρος)* — звукоподражательного происхождения [Фасмер, I: 274]. В русском языке существует ироничное название поляков — *пшеки*; в основе данного этнонима лежит копирование часто встречающегося в польском языке сочетания звуков [пш], нехарактерного для других славянских языков.

Как указывает Г. А. Меновщиков, *аллúтхух̣* (мн. ч. *аллúтхус*) в ранний период становления алеутской общности означало понятия ‘родственная община’, ‘команда’, ‘объединённая чем-то группа людей’. Позднее слово получило дополнительное значение и в зависимости от ситуации могло выражать также понятия ‘команда судна’, ‘отряд байдар, лодок’, ‘военный отряд’, ‘ватага’ [Меновщиков 1980: 111].

По мнению Г. А. Меновщикова, русские первопроходцы, встречая алеутов, спрашивали у тех, что они за народ. Те отвечали, что они *аллúтхух̣* (мн. ч. *аллúтхус*). Этим словом сигнализировалось, что пришельцы имеют дело с вооружёнными людьми — им следует быть осторожными. Слово

аллúтхух̣, произносимое алеутами каждый раз при встречах с русскими, стало восприниматься последними в качестве самоназвания народа [Там же: 112].

Концепция Г. А. Меновщикова представляется вероятнее версии И. С. Вдовина, поскольку в большей степени основана на научных наблюдениях, а выводы подтверждаются аналогичными примерами с именованием других народов в похожих случаях.

До встречи с европейцами алеуты делились на восемь племён. Р. Г. Ляпунова называет их следующим образом: *к'агаан тайаг, ун'ин, к'игиг'ун, к'awалан'ин, акууг'ун, ниг'уг'ис, наа'мигус, к'ах'ун, сасигнан* [Ляпунова 1975; Ляпунова 1987].

В. М. Головин подразделял алеутов на два племени: *атхинских* и *уналашкинских* алеутов, населявших острова Лисьи, Андреяновские, Крысьи и другие, лежащие к югу от полуострова Аляски; и *кадьякцев* или *конягов*, живших на полуострове Кадьяке и прилегающих к нему островах [Головин 1862: 22]. Вместе с тем исследователь подчёркивал, что, несмотря на различия в языке, образ жизни, нравы и обычаи двух племён почти одинаковые; это косвенно указывает, что В. М. Головин видел в двух племенах один народ.

Р. Г. Ляпунова вслед за В. М. Головиным пишет, что алеуты подразделялись антропологически, лингвистически и этнографически на две группы: восточную и западную, — поэтому в их языке существовали два диалекта: восточный, или *уналашкинский* (на Лисьих островах и юго-западной оконечности полуострова Аляски), и западный, или *аттовский* (на Ближних и Крысьих островах); на границе диалектов существовал смешанный поддиалект — *аткинский* (на Андреяновских островах), иногда относимый к западному [Ляпунова 1975: 6, 129; Ляпунова 1987: 7].

Более подробное описание групп алеутов содержится у К. Бергсланда: 1) *К'агаан Тайаг'ун'ин* — букв. ‘люди востока’ (жили не менее чем в 34 поселениях, в том числе на самом полуострове Аляска); 2) *К'игиг'ун* (около 40 поселений в восточной части Лисьих островов, а также на островах Креницына и в южной части о. Уналашка); 3) *К'авалан'ин* (28 поселений в

западной части Лисьих островов, в западной части о. Уналашка и на о. Умнак); 4) *Акууг'ун* (8 поселений на Четырёхсопочных островах); 5) *Ниг'уг'ис* (около 30 поселений на Андреяновских островах, включая о. Канага); 6) *Наа'миг'ус* (не менее чем 9 селений на о. Танага и на о-вах Деларова); 7) *К'ахун* (не менее чем 10 селений на Крысьих о-вах); 8) *Сасигнан* (многочисленные мелкие поселения на Ближних о-вах) [Bergsland 1959: 11–14; Bergsland 1994: xv–xvi].

Г. А. Меновщиков отмечает, что жители каждого острова называли себя по принадлежности к данной местности или определённой общине, а этноним *унанган* (алеут. *унангаҳ*, мн. ч. *унанган*) относится к уналашкинско-лисьевской группе. Он же, ссылаясь на Я. В. Нецветова, указывает, что жители острова Атхи называли себя *нигугис*, алеуты Ближних островов — *сасханакис*, алеуты Крысьих островов — *қагус*, а жители острова Кадьяка — *канағис* [Меновщиков 1980: 109]. Этноним *унанган* в научной литературе был механически перенесён на всех представителей народа и со временем стал считаться самоназванием всех алеутов.

Этноним *унанган* (на восточном диалекте) и *унангас* (на западном) происходит от слова *уна* ‘побережье’. Соответственно, *унанган* означает ‘житель побережья’.

До прихода русских у алеутов не было сформированной единой идентичности, не существовало представления о себе как о едином народе. Этому способствовало не только значительное историко-культурное отличие от европейских народов, но и разбросанность на большой территории, усугубляемая островным положением некоторых алеутских групп.

В период с 1799 по 1867 годы алеуты жили на территории под юрисдикцией Российско-Американской компании. Современные исследователи делают важное замечание, как действия администрации укрепили формирование этнической общности, а термин, предназначавшийся в первую очередь для определения юридического статуса, стал этнонимом: «РАК [Российско-Американская компания] ввела свою внутреннюю социальную классификацию: (русский) промышленник — креол — алеут. Она

отражала не столько степень „чистоты–смешанности“, сколько приписывала различные социальные статусы, закрепляла за „рабочими“ РАК различные права и обязанности. <…> Таким образом, „алеутами“ в период существования РАК оказались записаны не только говорящие на соответствующих диалектах, но и разнообразные группы коренного населения, попавшие в сферу юрисдикции РАК, например современные тихоокеанские эскимосы, небольшая часть группы эскимосов центральный юпик» [Головко и др. 2009: 16–17].

Примечательно, что всех аборигенов, находящихся под юрисдикцией Российско-Американской компании, причисляли к алеутам, вне зависимости от происхождения. Это объясняется тем, что местные народы, обитающие вблизи побережья, говорили на языках эскимосско-алеутской группы.

По настоящее время сохранился эндоэтноним одного из алеутских племён *унасас* ‘живущие внизу у моря или в проливе между маленькими и большими островами’. Возможно также происхождение самоназваний *унанган* и *анангин* от *антангик* ‘человек’, *ангангик* ‘живущий, житель’ [Народы Северо-Востока 2010: 97].

До недавнего времени алеуты, живущие в России, делились по названиям двух островов Командорского архипелага (Беринга и Медный) — на беринговских и медновских соответственно. В настоящее время остров Медный полностью необитаем: жившие здесь до 1970 года алеуты переселены на остров Беринга.

Несмотря на проживание беринговских и медновских алеутов на одном пространстве, опоясанном морским побережьем, субэтнические различия сохраняются до сего дня: берингóвцы и меднóвцы помнят о своём происхождении с разных островов; деление играет важную роль в самоидентификации этих двух групп [Головко и др. 2009: 19].

Самоназвания медновских алеутов — *сакаснан, сасигнин, саскинан*, беринговских — *унанган, негосис, негогахвс*.

Алеуты, как и другие народы, были «переименованы» советской властью в 1931 году. В. И. Иохельсон прямо пишет в «Языках и письменности палеоазиатских народов»: «*Унанган* — самоназвание алеутов» [Языки и письменность 1934: 129]. По существу, в одном предложении сконцентрирована вся политика «переименования» народов: советская власть считала, что тот народ развит, который именуется в русском языке по самоназванию, и искореняла «неправильные» этнонимы (непоследовательно и не всегда с упорством). Что интересно, в той же статье говорится о связях унанганов с эскимосами [Там же: 130]. При этом не берётся во внимание, что в те годы и эскимосы, жившие в СССР, должны были бы именоваться юитами; в статье же представлено «старое» название, «новый» этноним применяется только в отношении народа, которому посвящена статья. Сие очевидным образом показывает половинчатость политики «переименовывания»: нет строгого и неукоснительного стремления употреблять нововведённые этнонимы.

В настоящее время русское слово *алеуты* широко используется самими алеутами в качестве самоназвания на своём языке. Медновцы почти всегда называют себя алеутами, при этом снабжая иноязычный этноним алеутским (аттуанским по происхождению) показателем множественного числа *-н*: *алеута-н* ‘алеуты’. Значительно реже, но используется ими и слово *унан’а-н* (с тем же показателем множественного числа). Беринговцы могут иногда вместо чаще используемого *унан’а-с* употребить *алеута-с* — со своим показателем множественного числа *-с* (аткинским по происхождению) [Головко, Диркс 2014: 52].

Примечательно, что самоназвание, схожее с этнонимом *алеут*, имеет распространение и на Аляске, где до конца второй трети XIX века вела деятельность Российско-Американская компания. Жители острова Кадьяк, которых по происхождению и на основе современных языковых данных следовало бы отнести к эскимосам, настаивают на своей алеутской

идентичности и используют самоназвание *Alutiiq*, по-английски называя себя *Aleut* ‘алеуты’ [Головко и др. 2009: 17].

Такое сильное иноязычное воздействие, повлиявшее на принятие народом в качестве самоназвания этнонима на русской фонетической основе, объясняется и тем, что этническая идентичность алеутов скрепилась во многом благодаря внешнему фактору — первопроходцам, давшим общее имя туземцам с целью определить для себя местных жителей и как-то обозначить в своём языке. В «новую» народность включались не только этнические алеуты, а частью и эскимосы — жители островов, о чём речь шла выше. Однако этнонимическая маркировка сыграла свою роль в формировании народа: имя закрепилось на практике, стало широко использоваться, вокруг него выросла идентичность людей. Этническая история носит не строго закономерный и заранее предписанный характер, а в чём-то и хаотичный: разные общности неодинаково воспринимают внешние названия самих себя — чаще они не вытесняют самоназвания даже у весьма малочисленных групп, но бывают и исключения. Пожалуй, случай с алеутами нетипичен. Однако переход русского этнонима *алеут* в самоназвание — факт, с которым трудно спорить. Это ещё раз подчёркивает уникальность развития каждого народа и характерную нелинейность этнонимии малочисленных народов.

3.3. Ительмены

Этноним: м. р. *ительме́н* [итэл’м’е́н], мн. ч. *ительме́ны*; ж. р. *ительме́нка*, мн. ч. *ительме́нки*; прил. *ительме́нский*.

Ительмены обитают преимущественно на Камчатке. Всего в России их проживает чуть более трёх тысяч человек.

Как указал И. И. Огрызко, ительменами себя называли жители южной части полуострова [Огрызко 1973: 28].

Наряду с иными малочисленными народами Северо-Востока России ительмены имеют свою характерную особенность, связанную с научным описанием: ещё с XVIII века их стали называть камчадалами. И. И. Огрызко

считает, что такое имя связано с названием реки Камчатки, где ительмены жили [Там же], хотя данная позиция разделяется не всеми учёными, даже в XVIII веке она не считалась безусловной истиной, о чём речь пойдёт ниже.

В XVIII и XIX столетиях ительменов часто именовали камчадалами. Это объясняется тем, что ительмены проживали на Камчатке, а этноним *камчадал* на слух ассоциируется с названием полуострова. Разумеется, именование ительменов камчадалами могло быть вполне приемлемым и не допускать никакой путаницы, если бы не появление на Камчатке и в близлежащих областях групп смешанного происхождения, объединённых под названием *камчадалы* — по названию места обитания (камчадалам посвящён отдельный параграф настоящего исследования).

Синонимичность этнонимов *ительмен* и *камчадал* в XVIII веке находит своё подтверждение в фундаментальном «Описаніи всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ» Иоганна Готлиба (Ивана Ивановича) Георги. Творение сие, написанное на немецком, «въ переводѣ на Россійскій языкъ весьма во многомъ изправленное и въ новь сочиненное», что говорит о значительной его переработке при подготовке русского текста, а значит, приближает его к оригинальному произведению, что увеличивает ценность представленной в тексте терминологии и онимии. И. Г. Георги пишет: «*Камчадалы* называются сами *Ительменнами*[16], т. е. жителями. Полуостровъ ихъ названъ Камчаткою по рѣкѣ *Камчаткѣ*, находящейся въ Западной его сторонѣ, а сія получила наименованіе свое конечно отъ прозванія храбраго Ительмена *Кончата*, жившаго при оной» [Георги 1799: 56]. Таким образом, И. Г. Георги этнониму *ительмен* придавал значение ‘житель’; такое самоназвание встречается у различных народов.

Правда, смысловое значение этнонимов не было утверждено и семантически разграничено на официальном уровне. Во-первых, не всегда можно было дифференцировать «чистых» ительменов от «смешанных»

[16] Возможно, удвоение *н* — ложное сближение с немецким существительным *der Mann*.

камчадалов; во-вторых, сами потомки русских и туземцев долгое время называли себя различно. Особенно это было характерно для обитающих не на Камчатском полуострове или в местностях, не относящихся к Камчатской области (в границах до 1909 года). Как правило, смешанное население именовало себя по месту проживания (*гижигинцы, тауйцы, марковцы* и проч.).

Постепенно происходила дифференциация двух этнонимов, окончательно не закреплённая документально, что вызывало трудности. При проведении Приполярной переписи 1926–1927 годов ительменами стали официально считать и записывать коренных жителей, не забывших свой язык и некоторые черты материальной и духовной культуры предков. Этноним *ительмены* был сохранён лишь за обитателями западной части Камчатки [Огрызко 1973: 28].

В настоящее время согласно Всероссийской переписи населения 2010 года ительмены проживают преимущественно на западе Камчатского края, в меньшей степени на юге; зафиксированы ительмены также в Магаданской области — на востоке и в Ольском районе. Следует оговорить, что фиксация значительного процента ительменов в Магаданской области должна восприниматься критически: есть сомнения в этнической принадлежности всех означенных переписью ительменами, хотя определённое число указавших ительменскую национальность, возможно, относится к ней. Кроме того, следует считать ительменами тех, кто по своему ощущению относит себя к данному народу, а не был по ошибке записан в ительмены вместо камчадалов, когда последние почти не признавались за особый народ и власти всех старались записать в «правильную» национальность. О проблеме возникновения ительменов в Магаданской области пойдёт речь в параграфе, посвящённом камчадалам.

С. П. Крашенинников, сам употребляя этноним *камчадалы*, делает важное уточнение: «Камчадалы какъ сѣверные, такъ и южные называютъ себя *Ительмень*, житель, а въ женскомъ родѣ *Ительма*, которое названіе произходитъ отъ глагола *Ителахса* живу, какъ пишетъ господинъ Стеллеръ»

[Крашенинников 1755б: 3]. Действительно, Г. В. Стеллер написал: «Племена, обитающие между Лопаткою и Тигилем, называют себя ительменами» [Стеллер 1999: 24], однако ниже он указывает, что ему не удалось установить значение и происхождение названия «ительмен» [Там же: 145].

В «Истории и культуре ительменов» под общей редакцией академика А. И. Крушанова указывается, что самоназвание *ительмен* — производное от *итэнмэн* ‘живущий’ [История ительменов 1990: 3].

Относительно названия ительменов соседними народами Г. В. Стеллер замечает, что коряки «упоминают о них только как о таком сорте людей, которые отличаются от них лишь обычаем обитать в подземных жилищах, и называют их „намалан“» [Стеллер 1999: 143]. Между тем в настоящее время этноним *нымыльо* (по-русски *нымыланы*) — самоназвание оседлых коряков. Стеллер свидетельствует, что коряки в XVIII веке видели минимальное различие между собою и ительменами, что предоставляло возможность использовать одно и то же название на две общности, сегодня считающиеся разными этносами. Данный факт объясняет, почему ительмены назывались коряками тем этнонимом, который сохранился по настоящее время и используется в качестве регионального для самих коряков.

3.4. Камчадалы

Этноним: м. р. *камчада́л*, мн. ч. *камчада́лы*; ж. р. *камчада́лка*, мн. ч. *камчада́лки*; прил. *камчада́льский*.

Приступая к описанию современных камчадалов, следует сразу оговорить существенную деталь. Семантика лексемы *камчадал* на протяжении веков не была неизменной, что само по себе представляет интерес для изучения. В XVIII и XIX столетиях камчадалами называли ительменов.

С. П. Крашенинников верно указывает, что «мы ни одного народа собственнымъ его именемъ не называемъ, но по большей части такимъ, какимъ они назывались отъ сосѣдей <…>. Такимъ образомъ Камчадаловъ называемъ мы покоряцки, ибо Камчадалъ отъ коряцкаго Хончала происходитъ

<…>» [Крашенинников 1755б: 5]. При этом целую главу своего фундаментального труда учёный красноречиво назвал «О произхожденіи званія Камчадалъ и Камчатскаго народа по однимъ[17] только догадкамъ». С. П. Крашенинников отвергает версию об именовании ительменов камчадалами по реке Камчатке. Он утверждает, что «Хончало [такъ коряки именовали ительменовъ] <…> есть испорченное слово изъ *Коочь-ай*[18], что значитъ жителя по рѣкѣ Еловкѣ, которая течетъ въ Камчатку и Коочь называется <…>» [Там же: 9].

В. В. Леонтьев предлагает несколько версий этимологии лексемы *Камчатка* и излагает их в отдельной статье, а затем повторяет в «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР». За обычай ительменских женщин носить парики, подмеченный С. П. Крашенинниковым [Там же: 15], чукчи могли назвать ительменов *камчатявтыльыт* (чукот.), *камчалав'тылг'у* (коряк.), что значит ‘лохматоголовые, кудрявые, косматые’. Отсюда могли возникнуть сокращения *камчальыт* (чукот.), *камчалг'у* (коряк.), услышанные русскими. Эти слова весьма сходны с приводимым С. П. Крашенинниковым словом *хончало*. Излагается одна из версий В. И. Воскобойникова о происхождении названия *Камчатка* от ительменского слова *камчалу* ‘мыс’ или ‘полуостров’. Сам же В. В. Леонтьев отклоняет данную концепцию, указывая, что такая этимология ничем не подкреплена и у народов Северо-Востока не было слова *полуостров*. Вариант, предложенный Б. П. Полевым о происхождении топонима *Камчатка* от фамилии казака Ивана Камчатного, отвергается, поскольку местные жители не могли назвать именем пришлого человека ни реку Камчатку, ни полуостров. Этимология, предположительно восходящая к якутскому *Камчäккытан* ‘курящаяся, вздыбленная, подверженная встряскам земля’, также подвергается сомнению. Скорее всего,

[17] Форма *однимъ* для женского рода (вмѣсто *однѣмъ*) дана С. П. Крашенинниковым; такой орфографический вариант был вполне допустим для XVIII века.
[18] В оригинале — *Коочъ-ай*. Очевидно, это опечатка, — т. к. в других местах везде пишется *Коочь-ай*.

предполагает В. В. Леонтьев, в основу топонима *Камчатка* лёг этноним *камчалъо*, поскольку так коряки могли назвать ительменов за парики, прибавив к основе суффикс *-лъо*, обозначающий жителя курящейся вулканической местности [Леонтьев 1986: 193–196, 198–199; Леонтьев, Новикова 1989: 174–176, 178].

Ительмены в прошлые века распадались на пять групп: *бурин, саачю-ай, кыхчерен, лигнурин* и *кулес* [Народы Северо-Востока 2010: 15]. С. П. Крашенинников подтверждает это, говоря, что кроме общего имени *ительмень* камчадалы имеют местные наименования, большей частью по рекам, и среди прочих указывает такие группы: *Суачу-ай, Коочь-ай*. Коочь-ай, по С. П. Крашенинникову, преобразовалось в этноним *хончало*, откуда и произошло русское название *камчадал* [Крашенинников 1755б: 9].

А. А. Бурыкин считает, что слово *хончало* воспроизводит корякское *к'ончалг'о* ‘живущие на расстоянии одного перехода’. По-чукотски то же слово будет *к'ончальыт*, которым называют канчаланских чукчей. Этноним *камчадалы* учёный выводит из корякского *к'унчычэлг'о, к'онтылялг'о* (по-чукотски *к'унчычельыт, к'онтыляльыт*) ‘живущие на расстоянии одного перехода, одной кочёвки’, а топоним *Камчатка* — из корякской формы направительного падежа *к'ончайтын'* и соответствующей чукотской формы дательно-направительного падежа *к'ончагты* ‘на одну кочёвку, на расстояние одного перехода’ [Бурыкин 2006: 92]. Возможно, наименование группы ительменов *кыхчерен* происходит от *хончало (к'ончалг'о)*. Первый звук [к] в *кыхчерен* происходит из увулярного [ʁ], по-русски передаваемого в виде буквы *к*; буквой *ы* обозначается [о] в редуцированной позиции.

Трудно сказать, чья версия — В. В. Леонтьева или А. А. Бурыкина — является истинной, поскольку на сегодня бóльших доказательств в пользу того или другого варианта не представлено. Обе версии выглядят правдоподобно и, пока одна из них не опровергнута, имеют право на существование.

Этнонимы *ительмен* и *камчадал*, между которыми в XVIII веке почти всегда ставился знак равенства, на протяжении XIX столетия переосмысливаются.

Росло понимание того, что камчадалами называют этнически различные общности, для которых никак не подходит один этноним или же два этнонима — абсолютных синонима. Так возникла потребность семантического размежевания слов. Данное обстоятельство верно отметила О. А. Глущенко: «[К]амчадалами в XVIII–XIX вв. всё чаще именуют обрусевших ительменов долины реки Камчатки и потомков русских старожилов Камчатки, а ительменами — аборигенов западного побережья Камчатки, длительное время сохранявших ительменский язык и некоторые архаические черты в материальной культуре» [Глущенко 2008: 109].

С начала XIX века камчадалами стали называть не только ительменов, но и потомков русских с туземцами — по мере нарастания их численности и ассимиляции значительной части собственно ительменов. По словам Е. П. Орловой, этноним *камчадал* «потерял своё первоначальное значение и приобрел иное, территориальное, широкое» [Орлова 1999: 7].

Распространение этнонима, обозначающего народ, на новосформированную этническую группу объясняется следующими причинами. — Во-первых, значительное число ительменов в результате длительных контактов с русскими утратило свой язык и перешло на русский. Во-вторых, именно с ительменами в первую очередь смешивались русские на Камчатке; в чуть меньшей степени в формировании камчадалов поучаствовали коряки, эвены и юкагиры. Поскольку ительмены назывались часто камчадалами, потомки русских и туземцев — жители Камчатки — стали именоваться камчадалами ввиду этимологической связи этнонима с топонимом.

Как отмечает Л. Н. Хаховская, в научной литературе шёл процесс дифференциации этнонимов — название *камчадалы* постепенно стало закрепляться за обрусевшими ительменами долины реки Камчатки, а название

ительмены — лишь за теми обитателями полуострова, которые сохранили свой родной язык и некоторые архаические черты быта [Хаховская 2008: 159].

Б. К. Подгурский пишет в связи с именованием жителей края: «Коренное населеніе Камчатки — Коряки, называемые Камчадалами (отъ слова „Кончало“, какъ они себя называютъ). <…> Теперь они совершенно обрусѣли, хотя сохранили нѣкоторые изъ своихъ старинныхъ вѣрованій и обрядовъ; внутри полуострова часто можно встрѣтить обрядъ шаманства, очень схожій съ таковымъ же у Чукчей. Но такіе старинные обычаи сохранились лишь въ сѣверной Камчаткѣ <…>. Въ Петропавловскѣ Камчадалами называютъ именно такое полурусское коренное населеніе, почти ничего общаго уже съ исконными Коряками не имѣющее <…>» [Подгурский 1914: 73].

Действительно, преимущественным местом обитания коряков и сегодня является именно северная часть полуострова. Что же касается происхождения камчадалов, то они образовались путём смешения русских не только с коряками, но и ительменами, а также эвенами и — в меньшей степени — иными народами. Любопытный факт: Б. К. Подгурский замечает, что коряков называли камчадалами. Это можно объяснить тем, что в камчадалы, как в смешанное население, могли включаться оседлые русскоговорящие жители. Подтверждение тому есть у А. А. Ресина, упоминающего о двух деревнях оседлых коряков, по официальным сведениям считающихся камчадалами [Ресин 1888: 13]. Возможно, камчадалами названа группа, предки которой могли быть отнесены к корякам, но потомки обрусели. Ниже тот же автор приводит любопытные слова, подтверждающие использование различных этнонимов для одной этнической группы: «Камчадалы (собственно это коряки) <…>, но, впрочемъ, по-русски они вообще говорили немного» [Там же: 27].

Не имея подходящего этнонима, исследователи порой использовали словосочетание *обруселые инородцы*, достаточным образом отражавшее сословную принадлежность людей, но не могшее послужить в качестве наименования народа. Встречается оно, например, у Н. Л. Гондатти в «Оседлом населении реки Анадыра» [Гондатти 1897б: 111–165]. Иногда автор

уточняет происхождение обруселых жителей и тогда слово *инородцы* заменяет на *чуванцы, юкагиры, ламуты, чукчи*. Единого обозначения для всего обруселого населения Чукотки и Охотского побережья ещё не было, поскольку проходил процесс стирания старой идентичности, а для новой ещё не было подобрано подходящего имени, под которым могли бы объединиться в один народ разные по происхождению группы.

Значительную роль в распространении этнонима *камчадал* за пределы полуострова сыграло административно-территориальное деление. В 1909 году была в третий раз образована Камчатская область[19], в состав которой вошли Гижигинский и Охотский уезды. В результате административной реформы управление большей частью Охотского побережья перешло в Петропавловск-Камчатский. Вслед за включением новых территорий в подчинение города на Камчатке произошло распространение этнонима *камчадал* на местных жителей со смешанным происхождением; слово, имеющее давнюю традицию употребления на полуострове, вошло в практику на новых территориях. Отмечены случаи, когда эвены северо-восточного Охотского побережья называли себя камчадалами, в частности в посёлках Армань и Ола [Попова 1981: 12], а также тауйцы — потомки русских и якутов [Там же: 9]. Часть территории современной Магаданской области управлялась из Петропавловска-Камчатского до 1926 года, часть — до 1953. В. А. Туголуков делает в связи с этим логичное заключение: «К ительменам местные камчадалы не имели никакого отношения и назывались так исключительно потому, что некогда эта прибрежная часть Магаданской области (к северу от Магадана) входила в состав Камчатской области» [Туголуков 1970б: 133–134]. Именно благодаря внешнему фактору исключительно административного характера начала постепенно кристаллизоваться внутренняя сущность этнической идентичности смешанного населения, следствием которой стало закрепление для него общего этнонима *камчадал*. С течением времени это не

[19] До того Камчатская область существовала в 1803–1822 и 1849–1856.

могло не привести к осознанию себя разбросанными на большом пространстве группами как самобытного народа.

Однако, по справедливому замечанию Л. Н. Хаховской, именно деятельность советской власти «запустила» механизм этнической идентификации: люди, по сословным признакам относившиеся к инородцам, но различного происхождения, официально смогли объединиться в одну этническую группу камчадалов. Исследовательница приводит любопытную деталь: оказывается, в первые годы советской власти была попытка ввести в употребление для метисированного населения обозначение *креол* [Хаховская 2008: 160], ранее не имевшее хождения в евразийской части России — к западу от Берингова пролива[20]. В коллективной монографии «Русские старожилы Сибири» подмечается некорректность этнонима *креол* для восточных территорий России: «Название „креолы“ продолжает восприниматься как исторически и географически ограниченное, применимое прежде всего к обществам, возникшим в Вест-Индии на территориях, где существовали плантации и рабовладение» [Вахтин и др. 2004: 15]. Креолы были упомянуты в перечне туземцев во «Временном положении об управлении туземных племён, проживающих на территории Дальневосточной области», утверждённом 26 сентября 1924 года Дальневосточным революционным комитетом. Очевидно, что попытка введения нового этнонима была явно неудачной, ввиду полной чуждости местному населению, и сохранилось прежнее название — *камчадал*.

Современные камчадалы — народ смешанного этнического происхождения, возникший в результате экзогамных браков русских мужчин с представительницами местных народов, причиной которых в большинстве случаев было отсутствие русских женщин. Родным языком камчадалов всегда был русский, в прошлом имевший свои особенности.

---

[20] До продажи Аляски в 1867 году креолами называли потомков русских и индейцев или русских и алеутов, живших на территории, управляемой Российско-Американской компанией.

А. А. Сирина замечает: «Этноним „камчадалы“ образован от названия территории» [Сирина 2005: 90]. Действительно, полуостров дал имя народу: сначала — ительменам, затем — современным камчадалам. Выше рассматривалась этимология слова *Камчатка*.

В 1920-е годы зафиксировано написание этнонима в архивных источниках как *камчидал, камчедал* [Резвухина 2014б: 13]. Данные записи — в особенности первый вариант — следует считать орфографическими неточностями, наиболее вероятное объяснение которым — запись слова согласно произношению писавшего [камч’е^{и}да́л]; такая орфоэпия является частью литературной нормы русского языка. В то время на Северо-Востоке, крайне малозаселённом и не имевшем в достаточном количестве средних учебных заведений, грамотность в целом не могла быть на высоком уровне, поэтому в документах делопроизводства государственного учреждения не могли не встречаться черты, свойственные письменной речи малограмотных. Во всяком случае, представленные выше варианты написания этнонима противоречат встречающейся в книгах с XVIII столетия и господствующей форме *камчадал*; так пишут, например, С. П. Крашенинников, И. Г. Георги, И. Ф. Крузенштерн. Троякое написание слова не встречается в печатных письменных источниках прошлых эпох.

В отличие от других малочисленных народов Северо-Востока, камчадалов в целом не коснулась волна смены этнонимов довоенного периода (например: тунгусов — в эвенков, ламутов — в эвенов, чукчей — в лураветланов; имя *луораветлан*, в отличие от двух других, не прижилось). Причиной этому было то обстоятельство, что сам этноним *камчадал* приобрел «новое» наполнение. Ещё до революции ительмены и камчадалы разграничились, хотя путаница в названиях по-прежнему имела место. Те, кто сегодня именуется камчадалами, в начале XX столетия часто выступали под локально-территориальными названиями, образованными по месту жительства и по сословному признаку [Хаховская 2008: 159], что не отражало национальной принадлежности. Однако предпринимались попытки провести

границу между двумя этническими группами. Вышеупомянутое «Временное положение об управлении туземных племён, проживающих на территории Дальневосточной области» приводит перечень туземцев: это — тунгусы, креолы, чуванцы, камчадалы, эскимосы, чукчи, коряки, юкагиры. Представляется наиболее вероятным, что камчадалами (по старой традиции) названы ительмены — народ, преимущественно проживающий на Камчатке, а креолами — метисные потомки русских и местного населения. Однако этноним *креол* не прижился и в дальнейшее употребление не вошёл.

В 1920-е годы в официальных документах закрепился этноним *камчадал* в отношении жителей смешанного происхождения, он объединил их и отразил важнейшие черты перед остальными малочисленными народами, а именно: оседлость как образ жизни и русский язык как средство общения.

Важно отметить: именно наплыв русского населения в первой трети XX века усилил формирование камчадальской идентичности, укрепил её. До того не было особой необходимости осознавать своё единство: метисированные потомки русских и северо-восточных народов и без того разительно отличались по языку и культуре от местного нерусского населения.

К. В. Дитмар в середине XIX века описал население Гижиги: «При нашемъ посѣщенiи въ Ижигинскѣ было 233 души мужескаго пола — въ томъ числѣ 50 казаковъ — и 242 — женскаго. Меньшинство этого народа было еще чисто-русскаго происхожденiя, и это относится, главнымъ образомъ, къ торговому люду. Бóльшая часть, какъ почти всѣ казачьи семьи, представляла помѣсь, возникшую отъ смѣшанныхъ браковъ русскихъ съ туземцами. Чистая русская рѣчь слышалась не часто; напротивъ, языкъ пересыпанъ чуждыми словами и оборотами и искаженъ инороднымъ выговоромъ» [Дитмар 1901: 423].

Жители Гижиги должны были называть себя особым именем, отличающим их от русских. Это объяснялось как антропологическими причинами — смешением с туземцами, так и лингвистическими — обилием иноязычных вкраплений в русский язык и его видоизменение. В связи с этим

примечательной выглядит следующая заметка С. Л. Бацевича (оставленная через шестьдесят с небольшим лет после описания К. В. Дитмара): «Они сами считаютъ русскими только пріѣзжихъ, прибывшихъ изъ Россіи, про себя же говорятъ, что мы не русскіе, а гижигинцы» [Бацевич 1913: 22].

При этом не было и полной ассимиляции. И. С. Гурвич писал в связи с данным фактом: «Однако гижигинцы не отождествляли себя и с коренным населением. Русский язык, ряд исконных особенностей быта выделяли их из среды береговых коряков и эвенов» [Гурвич 1966: 205–206].

Л. Н. Хаховская замечает: «Метисированные русскоязычные старожилы, как правило, носили либо „инородческие названия“, либо локальные имена, связанные с местом жительства» [Хаховская 2003: 248].

При промышленном освоении Северо-Востока, начавшемся в конце первой трети XX века, регион значительно пополнился приезжими русскими. Данная ситуация подтолкнула к обострению осознания камчадалами своей самости, в первую очередь на фоне противопоставления себя русским, с которыми при общности языка были антропологические и культурные отличия. Это подстегнуло метисированное население к принятию им названия *камчадал*; одним этнонимом стали называться локальные группы, до того именовавшиеся преимущественно по месту жительства (*гижигинцы, тауйцы* и т. п.).

Л. Н. Хаховская отмечает особенность самоназваний камчадалов, определяя их как микроэтнонимы (названия, обозначающие небольшие группы; то же, что местные, региональные этнонимы): «Весьма значимым оказалось восприятие себя и своих соседей по названию поселения. Так возникли географические апеллятивы, выраженные в форме отымённых прилагательных: ольские, арманские, ямские, тауйские, гижигинские» [Хаховская 2018: 29].

Такие микроэтнонимы сохранялись, но главной их особенностью была невозможность обозначить целый народ. Слово *камчадал* подходило для этого лучшим образом, поскольку объединяло разрозненные группы, тем более что

они проживали в одной административной единице — Камчатской области, названной так по полуострову, давшему имя народу.

Этноним *камчадал* является регионализмом — одной из лексем «локально ограниченного распространения, независимо от источника их происхождения и отнесённости к литературному языку» [Резвухина 2015: 88]. Слово хорошо известно на Камчатке, чуть в меньшей степени — на Северо-Востоке вообще, но за пределами территории расселения камчадалов с ним мало знакомо большинство носителей русского языка. На ограниченность распространения этнонима влияет малочисленность народа: в местах компактного проживания камчадалов происходят постоянные контакты данного народа с другими носителями русского языка, поэтому этноним не может не встречаться в устной и письменной речи региона. На ограниченность распространения слова долгое время влияло «отрицание» камчадалов в качестве отдельного народа и частое отождествление камчадалов с русскими. Именно этим объясняется смешение этнонима *камчадал* и катойконима *камчатец*, встречающееся в устной речи до сего дня. Здесь сыграла свою роль и отдалённость Камчатки, в былые времена усугублявшаяся сложным и долгим путём к полуострову, что вкупе с этническим смешением накладывало отпечаток на русскую устную речь местных жителей, делало её диалектной, о чём писалось выше. Все эти причины в совокупности, а также само по себе нестрогое различение онимов в языке простых людей приводило к ошибочному именованию камчадалами всех жителей Камчатки. Вышеизложенное подтверждается словами Т. А. Сироткиной, замечающей следующее: «В сознании народа часто нет границы между этнонимами и катойконимами, что хорошо репрезентуют диалектные тексты: „Раз уж с Башкирии, так *башкирцем* и называм. Есть у него, ага, свой язык“. Только по второй фразе можно установить, что речь идёт скорее об этнониме, нежели о катойкониме или прозвище» [Сироткина 2008б: 41].

В. А. Никонов в середине 1980-х годов отмечал постепенное вытеснение новым, по его словам, термином *камчатец* термина *камчадал* в значении

‘житель Камчатки независимо от этнической принадлежности’ [Никонов 1984: 50].

Несмотря на этнические различия, камчадалы стоят ближе к русским, нежели иные народы Северо-Востока, полностью относящиеся к монголоидной расе. Это способствовало относительной лёгкости заключения русско-камчадальских браков начиная со второй трети XX века. Растёт и число камчадало-эвенских браков, поскольку эвены постепенно переходили на оседлый образ жизни. По данным, указанным Л. Н. Хаховской, в селе Гижиге во второй половине 1960-х насчитывалось 207 камчадалов и 58 камчадальских семей, из которых 31 была этнически смешанная [Хаховская 2003: 59]. У. Г. Попова делает вывод, что бóльшая часть семей камчадалов образуется путём смешанных браков [Попова 1964: 111]. Численность русских в результате экономических преобразований, выразившихся в интенсивном промышленном развитии Северо-Востока, стала преобладающей. Среди межэтнических браков камчадалов больше всего было русско-камчадальских. Л. Н. Хаховская замечает: «Именно в процессе активного смешения с приезжими различных национальностей и заключается причина частичной утраты этнической идентичности, поскольку камчадалы, входящие в такие семьи, и особенно их потомки зачастую начинали относить себя к русским» [Хаховская 2003: 60].

Такая частичная утрата идентичности способствовала уменьшению численности камчадалов и снижению частоты использования этнонима *камчадал*. Последнее не замедлило сказаться на официальном уровне. По замечанию А. А. Сириной, «[в Магаданской области в] 1970-е годы (а для Камчатки ещё раньше) эта национальность была отменена, а сами камчадалы „изъяты“ из списка народов СССР. Таким образом, со второй половины XX в. камчадалы стали рассматриваться как этнографическая группа русских старожилов региона» [Сирина 2005: 90]. Такая позиция могла бы иметь право на существование, если бы не один важный факт: она не учитывала отличия камчадалов от русских старожилов, которое выражалось не столько даже в

смешанном происхождении (не все старожилы сохранили расовую чистоту), сколько в идентичности — осознании себя особой этнической группой. Отнесение камчадалов к русским было ошибкой, поскольку от того, что статистика перестала их учитывать, сами камчадалы не ассимилировались и не исчезли; хотя, безусловно, действия властей не способствовали сохранению этого малочисленного народа.

«Словарь современного русского литературного языка» (БАС-1) в качестве этнонимического определения лексемы *камчадалы* указывает (на 1956 год): «Название, данное первыми русскими поселенцами части коренного населения Камчатки; то же, что ительмены»; ительмены описываются так: «Северная народность, живущая на западном берегу Камчатки; камчадалы» [БАС-1, 5: 739, 594]. Похожее значение приводится во втором томе второго издания «Словаря русского языка» (МАС-2), вышедшего в 1983 году: «Употреблявшееся в 18 в. название коренного населения Камчатки — ительменов» [МАС-2, 2: 25]. «Большой толковый словарь русского языка», изданный в новую эпоху, слово в слово повторяет определение, данное в МАС [БТС: 413]. Налицо по меньшей мере неупоминание камчадалов в качестве особого народа и полное отождествление по значению слов *камчадалы* и *ительмены*, что было свойственно для XVIII века. Можно также сделать вывод о том, что лексема *камчадал* в то время носила и сегодня носит региональный характер: представлено историческое значение, широко известное науке, но отсутствует более новое. Регионализмы могут не попадать в словари литературного языка.

Во Всесоюзных переписях населения 1970, 1979 и 1989 годов камчадалы не упоминаются. Это способствовало вытеснению этнонима из активного употребления в литературной речи. Разумеется, свою роль сыграло этническое смешение с русскими и другими народами, но основная причина, разумеется, не в этом. Очевидно, власти посчитали нецелесообразным учитывать отдельный народ, поскольку он был недавнего (по историческим меркам) и смешанного происхождения. Камчадалы записывались или русскими (по

языку), или эвенами (как результат браков с ними), или ительменами (ранее также называвшимися камчадалами). Следует отметить, что камчадалы не были здесь исключением: в частности, советская власть долгое время считала ненужным выделять ижорцев и водь, относящихся к финно-угорской группе народов, проживающих на Северо-Западе России.

Со второй половины XX столетия начался процесс размывания границ этнической группы камчадалов. В большей степени на это влиял наплыв приезжего населения и переход кочевников на оседлый образ жизни, в результате чего усилился процесс смешения и растворения камчадалов в численно превосходящих народах. Данные процессы способствовали вытеснению этнонима *камчадал* из активного употребления, он «регионализировался» всё в большей степени, причём на официальном уровне — с тенденцией перехода в историческую этнонимию, как прежнее название ительменов, что далеко не полностью соответствовало действительности.

Данное обстоятельство подтверждается исследовательницей камчадалов Л. Н. Хаховской. Последняя отмечает: «Со второй половины 1980-х гг. этническая идентификация камчадалов осуществлялась в законодательном и процессуальном пространстве, обозначенном органами государственной власти. В этом пространстве не оказалось места этнониму „камчадал“ как не входящему в перечень коренных народов, утверждённому ещё в 1926 году. Тем камчадалам, которые хотели сохранить статус принадлежности к малочисленным северным народам и пользоваться предоставляемыми этой части населения льготами, пришлось выбирать между предложенными номинациями, обозначенными в перечне (в основном — ительмен). Находясь в ситуации выбора между двумя потенциально существующими оппозиционными идентичностями (русский или иная некоренная национальность / ительмен или иная коренная национальность), камчадалы однозначно делают выбор в пользу последней. В основе лежит принцип рациональности и логической пользы» [Хаховская 2004: 282–283].

Правда, этническая принадлежность камчадалов, в отличие от тех же ижорцев и води, упоминание о которых исчезло на десятилетия, всё же была представлена в официальных документах. По расчётам Л. Н. Хаховской, произведённым на основании опроса жителей Северо-Эвенского района, число камчадалов, имевших личные документы с реальной этнической принадлежностью, в 1960–80-е годы по Магаданской области составляло немногим более 10 % [Хаховская 2003: 61].

Неучёт камчадалов как представителей коренных малочисленных народов Севера, имевший следствием непредоставление льгот, положенных согласно законодательству (в частности, квоты на вылов рыбы), сыграл негативную роль в этнической идентичности и, как следствие, практическом применении этнонима в устной и письменной речи. Поскольку льготы имели важное значение, особенно для обитателей отдалённых посёлков, представители малочисленных народов стремились быть включёнными в соответствующий перечень, что естественно. На середину 1980-х камчадалы большей частью официально числились русскими. Желание сохранить юридический статус представителей коренного малочисленного народа способствовало смене этнической принадлежности: камчадалы стали записываться эвенами, ительменами, коряками. Регионализм *камчадал* оказался под угрозой исчезновения.

Поскольку ительмены исторически назывались камчадалами, многие современные камчадалы записывались именно ительменами — кто добровольно, желая сохранить льготы, положенные народам, включённым в перечень, а кого-то в ительмены записывали власти, не спрашивая согласия (правда, такое происходило большей частью в середине века, когда камчадалы перестали учитываться и нужно было переменить «неправильно» указанную национальность). Именно это, по мнению автора настоящего исследования, объясняет, почему Всероссийские переписи 2002 и 2010 годов фиксируют ительменов в восточной части Магаданской области, а также в Ольском районе. Это — вчерашние камчадалы, в предках имеющие скорее эвенов и

коряков, но в силу политических и экономических превратностей указанные в официальных документах ительменами.

Г. Г. Шпет во «Введении в этническую психологию» отметил важную деталь: «Но „народ“ в психологическом смысле есть исторически текучая форма, и если бы на наших глазах эта форма перелилась в новые формы — скажем, современные народы разделились бы на классы, которые, переливаясь из народа в народ, создали бы новые, ещё не виданные коллективы, — мы были бы только последовательны, если бы признали, что *народились новые народы*» [Шпет 1996: 371–372]. Философ приводит удачный гипотетический пример нарождения народов, хорошей иллюстрацией которого служат камчадалы.

Следует заметить, что ныне камчадалы находятся в относительной безопасности по части сохранения себя как самобытной этнической общности. С 2000 года камчадалы включены в перечень малочисленных народов, в связи с чем нет нужды принимать другую идентичность (хотя бы по форме) ради сохранения или получения льгот. Статьи «Словаря современного русского литературного языка» и других указанных выше лексикографических работ, описывающие лексему *камчадал*, не могут быть признаны полными относительно современных реалий: исторически камчадалами назывались ительмены, ныне это отдельный малочисленный народ Севера.

Словарь Г. В. Зотова даёт следующее пояснение лексеме *камчадал*: «Название местного русского жителя на Крайнем Северо-Востоке, ведущего своё происхождение от смешения русского казачества с коренным населением» [Зотов 2010: 209]. Слово в слово данное определение повторено в кратком словаре Ю. А. Резвухиной [Резвухина 2014б: 13]. Представляется, правильнее было бы в определении лексемы заменить *русского жителя* на *русскоязычного жителя*, поскольку русские по национальности казаки послужили этническим субстратом для формирования новой народности.

Камчадалы не являются этнографической группой русских: они отличаются друг от друга не только и не столько культурно, сколько

антропологически. В основе этничности лежит не один язык, но и биологический фактор (русские — европеоиды, камчадалы — метисы). И. Ю. Заринов подчёркивает: «[О]трицание в этносе и этничности биологической (родственной) составляющей непродуктивно, ибо тогда этническая идентичность действительно ничем не отличается от всех других социальных идентичностей» [Заринов 2002: 8].

Камчадал — название народа, происходящего от смешения русских с туземцами, в силу малочисленности которого этноним имеет хождение на ограниченной территории — преимущественно на Северо-Востоке. Исторически — в XVIII веке — *камчадал* и *ительмен* были абсолютными синонимами, ныне каждая лексема имеет своё значение и обозначает разные этнические группы. Следует отметить необходимость давать возможность жителям Северо-Востока России — представителям малочисленных народов самостоятельно выбирать и указывать свою идентичность, дабы избежать в будущем повторения ошибок вроде записи камчадалов ительменами, что выглядит особенно нелепо на территории Магаданской области, где последние в значительном количестве никогда не проживали.

Сегодня существует два этнонимических значения лексемы *камчадал*:

1) тождественное лексеме *ительмен*; носит исторический характер, поскольку в прошлом коренной народ Камчатки называли в том числе камчадалами;

2) народ, живущий на Северо-Востоке России, преимущественно на Камчатском полуострове и северной части побережья Охотского моря, ведущий своё происхождение от смешения русского казачества и служилых людей с коренным, или местным, населением, преимущественно ительменами и коряками, в меньшей степени — эвенами, юкагирами и якутами.

Этноним *камчадал* представлен в научной и художественной литературе, но в устной речи тех, кто не имеет постоянных или спорадических контактов с камчадалами (что обычно происходит чаще всего в месте проживания народа), встречается редко. В силу этого *камчадал* следует признать

ономастическим регионализмом. Поскольку слово широко употребляется на Северо-Востоке, оно принадлежит северо-восточному региональному варианту русского языка, в который входят этнонимы и других малочисленных северных народов.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера для слова *камчадал* указано значение ‘ученик, сидящий на заднем ряду’ и добавлено: «От *камчада́л* „житель Камчатки“» [Фасмер, II: 176]. «Словарь современного русского литературного языка» во втором определении слова *камчадалы* (первое — этнонимическое) приводит похожее значение: «Шутливое название плохих учеников, сидящих в классе на самых задних партах», и указывает на устарелость и просторечный характер слова [БАС-1, 5: 739] (том вышел в 1956 году). Действительно, про учеников и студентов на задних партах говорят, что они сидят *на галёрке* или *на камчатке* (значительно реже с прописной буквы — *на Камчатке*), поскольку полуостров находится далеко от центра России: как последняя парта или стол — от доски или кафедры. В таком случае ироничное значение лексемы *камчатка* оправданно, оно приводится в современном «Толковом словаре русской разговорно-обиходной речи» В. В. Химика [Химик, 1: 340]. Пожалуй, в словарной статье словаря М. Фасмера не хватает только единственного уточнения, что камчадал — житель Камчатки в этнонимическом смысле, т. е. представитель народа, живущего на полуострове, а не камчатец; у читателя может невольно возникнуть мысль, что оним *камчадал* ошибочно употреблён в качестве катойконима, что свойственно малограмотной речи. Более точное, не омонимичное с этнонимом обозначение сидящего на последней парте (на камчатке) даётся Д. Н. Ушаковым — *камча́тник* [Ушаков, I: 1300], что делает его подходящее. Однако неэтнонимическое значение лексемы *камчадал* носит производный характер и имеет узкую сферу употребления.

3.5. Кереки

Этноним: м. р. *кере́к* (орфоэпические варианты: [к’ер’е́к] и [кэрэ́к]), мн. ч. *кере́ки*; ж. р. *кере́чка*, мн. ч. *кере́чки*; прил. *кере́кский*. Вариант ударения: *ке́рек*.

Кереки — народ палеоазиатской группы. Всероссийская перепись 2010 года зафиксировала всего четырёх представителей этой национальности. Ныне кереки почти полностью ассимилированы коряками и чукчами.

В прошлом данный народ был значительно многочисленнее. В. В. Леонтьев замечает: «Можно предположить, что кереки были более древними поселенцами на Северо-Востоке, чем коряки и чукчи» [Леонтьев 1976: 228].

Название *кереки* происходит от этнонима *кэрэкэ*; — по замечанию А. А. Бурыкина, так чукчи называли приморских коряков, а также любых своих соседей, занимающихся сухопутной охотой и морским промыслом [Бурыкин 1996]. И. С. Вдовин даёт этноним в варианте с твёрдыми согласными: «К корякам относили также кэрэков» [Вдовин 1973: 4]. Исследователь верно отмечает, что в прошлом кереки могли рассматриваться в качестве корякской группы, как алюторцы или паланцы, и это нашло своё отражение даже в середине XX столетия (см.: [Народы Сибири 1956: 951]). Однако В. В. Леонтьев, занимавшийся масштабным изучением кереков, замечает особенности и делает вывод: «Определяя место кереков в группе народов Северо-Востока Азии, их можно отнести к северо-восточным палеоазиатам, более древним, чем чукчи и коряки» [Леонтьев 1983: 92]. Таким образом, кереки не могли являться ветвью коряков.

О лингвистических связях кереков исследователь чукотско-камчатских языков П. Я. Скорик сделал следующее заключение: «Керекский язык в равной мере близко родствен чукотскому, корякскому и алюторскому языкам, но по некоторым признакам резко отличается от них» [Скорик 1968: 310]. В. В. Леонтьев полагал возможным существование керекского языка в прошлом, который в процессе исторического развития был ассимилирован

корякским, а затем чукотским, но сохранил небольшой словарный фонд [Леонтьев 1983: 92].

Эти данные позволяют сделать вывод: ранее кереки, безусловно, являлись самостоятельным народом, а не субэтносом коряков. Однако по прошествии времени ситуация изменилась. Ныне, почти полностью ассимилированные, кереки представляют собою реликт, с большой долей вероятности могущий исчезнуть в недалёком будущем, став частью других народов — коряков и чукчей.

Необходимо рассмотреть, когда впервые был зафиксирован и описан керекский народ. Произошло это довольно поздно — в XIX веке. Как указывает В. В. Леонтьев, первым самостоятельным названием кереков было *чукмари*, затем в обиход входят этнонимы *кереки* и *кэрэки* [Там же: 7]. Под названием *чукмари* упоминаются кереки в «Очерке инородцев» у А. А. Ресина: «Такимъ образомъ[,] Чукмари по Анукинскому и Туменскому берегу и Чукчи къ востоку и сѣверу отъ сел. Марково[,] т. е. населяющіе Чукотскій полуостровъ, фактически не знаютъ надъ собой никакой власти» [Ресин 1888: 13]. География проживания чукмарей, представленная исследователем, совпадает с географией проживания кереков. А. А. Ресин считал вероятным происхождение чукмарей (кереков) от браков между коряками и чукчами [Там же: 36].

В. Г. Богораз, комментируя вышеуказанный этноним, пишет: «Название „чухмари“, приводимое А. А. Ресин<ы>м для племени, „промежуточного между коряками и чукчами“, происходит от распространённого на Камчатке названия чукоч „Чухмарьё“» [Богораз 1934: 3]. По замечанию В. В. Леонтьева, это пренебрежительное прозвище было дано камчадалами и вполне заслуженно не получило распространения в науке [Леонтьев 1983: 7].

Впервые кереки под этнонимом, близком к принятому сегодня, упоминаются Николаем Львовичем Гондатти, занимавшим должность начальника Анадырской округи. В труде, оконченном 14 (26) июля 1895 года, он пишет:

«Къ числу народностей, населяющихъ Анадырскій край, относится и народъ *керекитъ*. Языкъ этого народа непонятенъ ни чукчамъ, ни ламутамъ, ни даже корякамъ. Чукчи отдѣляютъ керекитъ отъ коряковъ, признавая ихъ совершенно отдѣльнымъ народомъ.

»Очень можетъ быть, что керекитъ представляютъ изъ себя одну изъ народностей коряцкаго племени, напримѣръ, олюторцевъ, и встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ, ближайшихъ къ указаннымъ.

»Керекиты, судя по разсказамъ чукочъ, преимущественно туманскихъ[,] и ламутовъ, живутъ въ небольшихъ поселкахъ по берегу океана и по рѣчкамъ, занимаются ловлей рыбы и промышляютъ морскаго и пушнаго звѣря. Керекиты бѣдны, часто страдаютъ отъ недостатка корма <…>. <…> Туманскіе чукчи не рѣдко берутъ керекитъ въ работники. <…> Посѣтить поселки керекитъ, съ суши, очень трудно, такъ какъ Ново-Маріинскій постъ, въ зимнее время, когда здѣсь только и возможны сообщенія по сухому пути, отрѣзанъ отъ нихъ совершенно пустынной мѣстностью, гдѣ никто изъ осѣдлыхъ никогда не бывалъ, да и изъ оленныхъ, до сихъ поръ, не встрѣчается ни одного, кто могъ бы быть проводникомъ. Къ керекитамъ легче проникнуть зимою, со стороны Гижигинской округи.

»Въ предстоящую зиму я надѣюсь побывать у керикетъ (очевидно, опечатка. — *М. Т.*) и собрать о нихъ различныя свѣдѣнія, которыми, въ свое время, подѣлюсь съ публикой» [Гондатти 1897в: 177–178].

К большому сожалению для науки, Н. Л. Гондатти больше у кереков не побывал и не оставил их подробного описания. Однако необходимо разбирать, что́ удалось изучить исследователю и запечатлеть на бумаге.

Ключевой вопрос: откуда взялся этноним *керекит*? По мнению В. В. Леонтьева, данное слово Н. Л. Гондатти явно позаимствовал у чукчей: они называют своих соседей *кэрэкит* (ед. ч. *кэрэк*), в отличие от коряков, называемых *танныт* или *лыгэтанныт*, и алюторцев — *эльутэльыт* [Леонтьев 1983: 7]; т. е. кереки выделялись чукчами в особую этническую группу и с коряками не смешивались. К сожалению, по этимологии слова *кэрэкит* не

имеется достоверных данных. В. Г. Богораз высказывал сомнение относительно возможности чего-либо общего у названия *керек* со словом *коряк*, и В. В. Леонтьев с А. А. Бурыкиным с ним соглашаются [Богораз 1934: 8; Леонтьев 1983: 7; Бурыкин 2006: 197]. Сами кереки предпочитали называть себя *ан'к'алакку* ‘приморские’ или *каракыкку* — от названия, данного им чукчами [Леонтьев 1983: 8].

Представляет интерес, что Н. Л. Гондатти употребляет существительное *керекит* во множественном числе, но непоследовательно изменяет его по грамматическим категориям: склонение то присутствует, то нет, два раза употребляется типичное окончание множественного числа *-ы*. Кроме отсутствия авторской редакции текста в сторону унификации, всё это является свидетельством нового слова в языке, не прошедшего адаптацию.

Примечательно обращение внимания Николаем Львовичем Гондатти на возможную связь кереков с коряками, в частности алюторцами. Некоторые исследователи позднейшего времени не считали кереков самостоятельным народом. В. Г. Богораз писал, что именем *Ke´rek (кере́к)* называется восточная ветвь приморских коряков, живущих на Тихоокеанском берегу от мыса Ананнон (Олюторского) до мыса Барыкова [Bogoras 1904: 19; Богораз 1934: 8]. Н. Б. Шнакенбург, опираясь на тип хозяйства, материальный быт и язык, писал: «Нет никаких оснований выделять кэрэков [кереков] как самостоятельную народность» [Шнакенбург 1939: 103], относя кереков к приморским нымыланам (так в 1930-е называли коряков) побережья Берингова моря к северу от мыса Алюторский (Олюторский) до мыса Наварин.

Однако В. В. Леонтьев в опровержение высказанного Н. Б. Шнакенбургом мнения поясняет, что исследователь ограничился изучением южной части кереков, «которые испытали наибольшее влияние со стороны коряков апукинцев и алюторцев. В то время как несколько изолированная и лучше сохранившая черты материальной культуры мейныпильгынская группа кереков осталась им совершенно неисследованной» [Леонтьев 1976: 12]. Таким образом, Н. Л. Гондатти верно

подметил лишь связь кереков с коряками-алюторцами и не стал делать поспешных выводов о полном и безусловном отнесении кереков к корякскому этносу.

В. В. Леонтьев пишет, что кереки делятся на две группы — наваринскую и хатырскую. «Первую кереки называют „ыйулаллакку“ — верхние, вторую — „иутылаллакку“ — нижние» [Леонтьев 1983: 8]. Сегодня это деление уже неактуально по причине стремительного сокращения керекского этноса. Слова, приводимые В. В. Леонтьевым, могли бы стать микроэтнонимами кереков и войти в русский язык, пройдя адаптацию, но в наши дни это крайне маловероятно.

К сожалению, наука не располагает достаточными сведениями о кереках, их происхождении, а также не может установить достоверную этимологию этнонима, данного им чукчами и заимствованного в русский язык. Поскольку численность кереков ничтожно мала, сегодня приходится говорить о необходимости сохранения этнонима *керек* в активном пользовании.

3.6. Коряки

Этноним: м. р. *коря́к*, мн. ч. *коря́ки*; ж. р. *коря́чка*, мн. ч. *коря́чки*; прил. *коря́кский.*

Коряки, чья численность согласно Всероссийской переписи населения 2010 года насчитывает около восьми тысяч человек (7953), проживают преимущественно на Камчатке (6640) и в Магаданской области (900), незначительное количество живёт в Хабаровском и Приморском краях и на Чукотке.

По языку, материальной и духовной культуре коряки ближе всего стоят к чукчам. У обоих народов есть общий региональный этноним (микроэтноним), речь о котором пойдёт ниже. Исторически сложилось так, что сформировался не один, а два народа. Как указывается в «Истории и культуре коряков», определённую роль в этом сыграли юкагиры, ставшие клином, разделившим территориально коряков и чукчей. Предполагается, что в долине реки

Анадыря юкагиры появились в XIV–XV веках. Историческая обстановка последующих веков способствовала дальнейшему сложению и формированию этнических особенностей, отличающих коряков от чукчей [История коряков 1993: 18].

Первое упоминание о коряках в русских источниках относится к середине XVII века. Въ «Отпискѣ казачьяго десятника Михаила Стадухина, о пребываніи его на рѣкахъ Анадырѣ, Акляѣ, Изигѣ и Тавуѣ», датированной 1658 годом, несколько раз говорится о ранее неизвестном народе, например: «а какъ на Изигу рѣку пришли и острожекъ поставили, и къ намъ участили Корятскіе люди пріѣзжать», «а съ той рѣки въ сю сторону есть Таванка рѣка, а та той рѣкѣ живутъ Корятскіе люди» [Отписка 1851: 120, 121].

По мнению А. А. Бурыкина, встреча русских с коряками произошла значительно позднее, нежели с чукчами, — после основания Анадырского зимовья и острога [Бурыкин 2006: 192], т. е. не ранее 1649 года.

В. И. Иохельсон в начале XX века писал, что сами коряки общего племенного названия не имеют, за исключением слов *voye'mtivolanu* или *voye'mtivolu* ‘народ, люди’ [Иохельсон 1997: 19].

Вслед за В. И. Иохельсоном, тот же этноним указан в качестве общего в статье К. Б. Шаврова — предисловии к «Итогам переписи северных окраин Дальне-Восточного края». Общее корякское самоназвание — *уемтевилан*, означающее ‘человек’. Название кочевников-оленеводов идентично названию оленных чукчей — *чаучу*. Приморские коряки обычно называются *номеллен* ‘житель селения’ (мн. ч. *номеллу*). Кочевые группы коряков (обитают на юге основного корякского расселения), имеющие небольшое оленеводство и тесно связанные с приморскими жителями, называют себя не *чаучу*, а *номелл-ремку* [Шавров 1929: XLIII].

Правда, И. С. Вдовин считает, что этноним *уйамтавыльан* (так он транскрибирует кириллицей этноним, предложенный В. И. Иохельсоном) вряд ли можно считать самоназванием, поскольку этим словом коряки обозначали видовое понятие ‘человек вообще’, безотносительно к племенной

или национальной принадлежности [Вдовин 1973: 7]. Скорее всего, К. Б. Шавровым было сделано заимствование из труда В. И. Иохельсона, поскольку нигде более этноним *уйамтавыльан* применительно к корякам не встречается. В ходу были региональные названия народа.

На протяжении XVII–XIX столетий не получили развития сплачивающие тенденции между отдельными этнографическими группами корякской этноязыковой общности. Коряки в этот период не осознавали себя отдельной народностью, однако хорошо опознавались извне [Этническая история 1982: 216]. Таким образом, вполне могло получиться, развернись события по-иному, что сегодня существовало бы два этноса с разными этнонимами; возможно, один из них носил бы имя *коряки*. Но история пошла другим путём, и региональные группы, носящие этнонимы *нымыланы* и *чавчувены*, ныне объединяются под общим названием *коряки*.

С. П. Крашенинников замечает, что коряки разделяются на два народа — на оленных и сидячих [Крашенинников 1755б: 3, 146]. Относительно происхождения этнонима исследователь затрудняется дать точный ответ, однако разделяет позицию Г. В. Стеллера, что слово *коря́ка* происходит от *хо́ра* ‘олень’ [Там же: 5].

На существование двух групп коряков указывает и современный исследователь Н. Б. Вахтин. Он пишет относительно советского периода: «Так, коряков то разделяли на нымыланов и чавчувенов (чаучу), то объединяли под термином „коряки“ <…>» [Вахтин 2001: 16]. Естественно, такое разделение и объединение — следствие того, что было трудно определить, являются ли корякские группы субэтносами в составе одного этноса или же двумя этносами (как, например, эвены и эвенки, весьма родственные между собой).

К. В. Дитмар описывает четыре оседлых племени коряков: *каменцев* и *паренцев*, получивших свои названия от деревень Каменная и Парена; *палланцев* — от названия наибольшего селения Паллана[21]; *укинцев* — от

[21] Удвоение *л* этимологически неточно, хотя встречается и у С. П. Крашенинникова в написании гидронима [Крашенинников 1755а: 78]: русский топоним *Палана* образован от

названия деревни Ука; *олуторцев* (т. е. алюторцев) — от Олуторского (Олюторского) мыса [Дитмар 1855: 56, 59, 61, 62]. Кочевые коряки называются К. В. Дитмаром просто коряками [Дитмар 1856: 19–32].

И. С. Вдовин подтверждает сказанное исследователем XIX века в той части, что коряки имели племенные типы этнических общностей, каждая со своим названием, чья консолидация в единую народность ещё только начиналась [Вдовин 1973: 4].

«Народы Сибири» указывают, что в прошлом коряки подразделялись на десять территориальных групп: это — *чавчувены* (оленеводы, составляли около половины от общего числа коряков), *каменцы, паренцы, итканцы* (названные по селениям с общим названием Иткана — Верхняя, Средняя и Нижняя), *апукинцы* (по реке Апука), *кереки* (выделяются в отдельную от коряков этническую группу), *алюторцы, карагинцы, паланцы* [Народы Сибири 1956: 950–951]. Как видно, оленные коряки имели общий этноним, тогда как приморские назывались преимущественно по месту обитания. При этом в книге упоминается общее название для последних — *нымылъу* (ед. ч. *нымылъын*) [Там же: 950]. Сегодня такое дробление народа не представляется актуальным.

С. Н. Стебницкий считал, что у коряков имеется три самоназвания:

1) *чавчу* ‘оленевод’, ‘богатый оленями’ (этноним совпадает с чукотским);
2) *рамкыкэн* ‘кочевник’ (из оседлых);
3) *нымыльо* ‘жители’, ‘поселяне’ (ед. ч. *нымыльан*) [Языки и письменность 1934: 49].

Первый и третий этнонимы имеют более широкое распространение.

Наиболее вероятным происхождением в русском языке этнонима *коряк*, не являющимся самоназванием, по мнению С. Н. Стебницкого, является нымыланское (т. е. корякское): корень *кор* означает ‘олень’, в южных диалектах *корак* ‘при оленях, у оленей (пребывающие)’ [Там же]. Данная

корякского названия одноимённой реки *Пылылъын* ‘имеющая водопад’ [Леонтьев, Новикова 1989: 299].

версия представляется на первый взгляд правдоподобной. Однако есть и другая — о юкагирском заимствовании. А. Е. Аникин не исключает такую версию, поскольку о коряках русские могли впервые узнать у юкагиров [Аникин 2000: 305].

А. А. Бурыкин в монографии и диссертационном исследовании выражает сомнение относительно заимствования слова непосредственно у коряков: «Традиционно этноним „коряки“ связывается с чукотским словом *к’оран’ы*, корякским *к’оян’а* ‘домашний олень’, и всех исследователей смущает наличие в этом слове звука *р*, который в собственно корякских диалектах не встречается» [Бурыкин 2006: 191; Бурыкин 2011: 402]. Правда, по мнению учёного, паланский диалект занимает особое положение, а алюторский иногда считается отдельным языком (хотя сами алюторцы сегодня включаются в этнос коряков в качестве субэтноса).

В. И. Иохельсон приводит обе версии — корякскую и юкагирскую, не отдавая ни одной из них предпочтения [Иохельсон 1997: 19]. Он пишет, что юкагиры называют коряков *kere’ki* или *kere’ke* (мн. ч. *kere’kepul*), а данное слово может являться аналогичным корякскому *qora’ki*, в котором гласные *а* и *о* перешли в *е* согласно фонетическим законам юкагирского языка. Форма этнонима коряков, представленная в монографии, видится не совсем точной: предложенный В. И. Иохельсоном этноним относится к другой этнической группе, а именно к *керекам*. В более раннем труде учёный приводит более правдоподобное название коряков юкагирами — *кäрӓ́кä* [Иохельсон 1900: 125–126, 138–139]. Такое слово вполне могло быть воспринято русскими по отношению к корякам, тогда как этнонимом *kere’ki* или *kere’ke* могли называться только кереки.

Согласно А. А. Бурыкину, этноним *коряки* должен объясняться из чукотского языка, где слово *к’оран’ы* (реже *к’ора-к’ор*) значит ‘домашний олень’. Но особым словом обозначались не оленные коряки, а оседлые — морские охотники и рыболовы: *ак’оракы* ‘не имеющий оленей’, *ак’оракыльыт* ‘безоленные’. Свою версию учёный объясняет тем, что

словосочетание *оленные коряки* не фиксируется на Арктическом побережье, а в Приохотье появляется позднее этнонима *коряки*. Сами же оленные коряки именуются так же, как и оленные чукчи, — *чав'чыв'* [Бурыкин 2006: 192; Бурыкин 2011: 403].

Версия А. А. Бурыкина представляется значительно правдоподобнее, чем предположение о корякском заимствовании. Действительно, если бы этноним *коряки* был усвоен русскими через самих коряков, маловероятно при наличии непосредственного контакта с данным народом обозначение и закрепление в русском языке такого названия, каким сам народ себя преимущественно не называл.

Возможно также, что заимствование этнонима *коряк* произошло из эвенского языка. Эвены коряков-оленеводов называют *чан'чивар* 'собравшиеся многооленные', а оседлых — *хэ̄кэл* 'тот, кто показывается из-за бугра, возвышенности' [Хаховская 2008: 152; Вдовин 1973: 9]. У. Г. Попова записывает этноним с увулярным *ӷ* — *хэ̄еӷэ̄л* (ед. ч. *хэ̄ӷ*) — и указывает, что он происходит от эвенского *хэ̄* 'макушка' или 'верхняя часть' [Попова 1981: 10].

От слова *хэ̄кэл ~ хэ̄еӷэ̄л* вполне мог образоваться этноним в русском языке. А. А. Бурыкин полагает, что эвенское слово *хэ̄кэл (хэйэкэл)* можно рассматривать как заимствование из чавчувенского диалекта корякского языка *а-к'оя-кы-лг'о* 'безоленные', где отпало начальное *а-* и увулярное *к'-* отразилось в виде *х-* [Бурыкин 2006: 194; Бурыкин 2011: 405]. И. С. Вдовин считает, что название *коряки* на северо-западе было позаимствовано у юкагиров, а на Охотском побережье — у эвенов [Вдовин 1973: 9]. Представляется, что эвенское *хэ̄кэл* действительно было заимствовано русскими, но применялось ограниченно и затем вышло из употребления. Во всяком случае, Иван Акинфов в отписке от июня 1651 года пишет: «неясячные жъ, государь, Тунгусы оленные многіе люди, живутъ за Оеками близко той же Мотыхлея рѣки» [Отписка 1848: 348]. Этноним *оеки*, употреблённый Акинфовым, скорее всего представляет собой адаптацию в русский язык

эвенского заимствования *хэ̄кэл ~ хэ̄еӈэ̄л* путём выпадения звука [х]. Несмотря на известность русским этнонима *хэ̄кэл ~ хэ̄еӈэ̄л*, нельзя говорить, что наименование коряков было взято у эвенов: если бы это было действительно так, коряки именовались бы сегодня *оекáми, хеекáми* или *хоекáми*, но никак не *коряками*. Представляется верным, что сами эвены этноним для обозначения оседлых коряков позаимствовали, о чём доказательно пишет А. А. Бурыкин, но заимствование русскими у эвенов этнонима *хэ̄кэл ~ хэ̄еӈэ̄л*, превратившегося затем в *коряк*, маловероятно.

Общий этноним *коряк*, принятый в русском языке, сегодня объединяет три региональные группы народа, но самоназванием в прошлом не являлся. Как и многие этнонимы, русские позаимствовали его у местных народов. Скорее всего это были чукчи (менее вероятно — юкагиры), поскольку с собственно коряками контакты случились позднее.

Этноним *коряки* использовался широко до революции. Региональные названия *нымыланы* и *чавчувены* были известны, но фиксировались, как правило, в научных трудах и широкого хождения в русском языке вне среды специалистов не имели. Исключением являлись места обитания коряков — носителей микроэтнонимов; здесь слова *нымыланы* и *чавчувены* могли иметь хождение. Таким образом, этнонимы корякских субэтнических групп представляют собой ономастические регионализмы, впрочем наряду с общим названием этноса.

Сразу после революции не произошло изменений в сфере использования этнонима *коряки*; пожалуй, выросла частота его употребления в связи с топонимическими изменениями.

Постановлением Президиума ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения народностей Севера» от 10 декабря 1930 года создан Корякский национальный округ (с 1977 — автономный округ, с 2007 — округ в составе Камчатского края). С момента создания округ разделяется на четыре района: Карагинский, Олюторский, Пенжинский и Тигильский. И. С. Вдовин прокомментировал данное административно-

территориальное деление: «Само районирование Корякского национального округа было проведено с учётом исторически сложившейся группировки населения, в известной мере оно отражало территориальное и лингвистическое деление коряков, которое у них было и раньше» [Вдовин 1973: 283].

Таким образом, на законодательном уровне этнониму *коряк* была придана легитимность в качестве общего обозначения всего народа, совокупно с его региональными группами.

Правда, вскоре после создания Корякского национального округа была произведена попытка усомниться в пригодности этнонима, давшего название новой топонимической единице.

Как и многие народы, коряки не избежали попытки смены названия. Ситуация усугублялась тем, что на начало 1930-х годов разрозненные корякские группы ещё не были сплочены в стабильную этническую общность. Кроме того, этноним *коряки* не является самоназванием, а потому он показался властям непригодным, поскольку в те годы проводилась политика внедрения самоназваний для народов — не всегда, правда, являющихся самоназванием для всех представителей того или иного этноса, на что в таком случае закрывали глаза и выбирали одно имя из нескольких по степени распространённости.

В качестве общего наименования для коряков был выбран региональный эндоэтноним — *нымылан*. Главным критерием выбора был упор на самоназвание. Об этом, не таясь, писал С. Н. Стебницкий: «Термин nьmьl‘o [нымыльо], как наиболее общий и одинаково приложимый к кочевникам и оседлым, принят в качестве национального названия, исходя из принципа образования его от самоназвания» [Языки и письменность 1934: 49].

По указанию В. И. Иохельсона, приморские коряки именуют себя, смотря по различному произношению, *na’malan* (мн. ч. *na’malu*), *ne’melan (ne’melu), ni’milan (ni’milu)*, так же называет их и оленная ветвь племени. Этноним этот происходит от слова *na’mnam, ne’mnem, ni’mnim* ‘жилище’ и означает ‘житель

селения’ [Иохельсон 1997: 19]. Учёными более позднего времени не оспаривались слова В. И. Иохельсона: и И. С. Вдовин, и А. А. Бурыкин, и Н. Б. Вахтин указывают, что этноним *нымылан* применим к оседлым корякам; эти данные основываются на полевых исследованиях. При таких обстоятельствах вызывает объективное сомнение стремление называть всех коряков нымыланами, вне зависимости от места проживания и типа хозяйства, предпринятое советской властью в 1930-е годы. При этом следует уточнить, что не наблюдалось активного внедрения регионального этнонима на место общего, принятого в русском языке веками ранее. Необходимо учитывать, что, если бы были предприняты должные меры, этноним *нымылан* мог бы прижиться в качестве общего, независимо от того, какое значение вкладывалось в него в прошлом. Однако сама же власть колебалась в своих действиях, о чём свидетельствуют попытки обозначения коряков в качестве двух народов — нымыланов и чавчувенов. Если бы разделение закрепилось, этноним *коряк* или отошёл бы в прошлое, или стал бы обозначать этноязыковую общность.

По сути, более вероятным было бы не переименование в прямом смысле слова, а создание двух официальных наименований с целью доведения различий между корякскими субэтносами до полного их обособления в отдельные этносы. С. Н. Стебницкий писал вскоре после смерти В. Г. Богораза: «Интересно отметить, что в сознании нымыланов резко проводится эта грань, выделяющая чавчувенов из среды остальных групп оседлых, точнее, полуоседлых нымыланов. Ни сами чавчувены, ни нымыланы никогда не объединяют их с прочими группами общим самоназванием „нымыльу“ — „поселяне“, „жители“. Говоря о чавчувенах, нымыланы всегда называют (так же как и чавчувены сами себя) их — „чавчывав“» [Стебницкий 1937: 286–287].

Действительно, сколь-нибудь авторитетного общего самоназвания всего народа не было. В отличие от оленных и приморских чукчей, объединённых одним этнонимом *лыгъоравэтльат*, коряки такового в своём языке не имели.

Это делало этническую группу подобной этноязыковой общности и упрощало возможное создание двух народов.

Но от концепции двух народов отказались. При таком раскладе этноним *нымылан* навряд ли мог использоваться для обозначения всех коряков: именование оленной группы, которую намеревались «повысить» до уровня отдельного этноса, но не претворили идею в жизнь, не могло бы служить корректным общим этнонимом для всех коряков — не в последнюю очередь потому, что внесло бы путаницу в непростую этнонимию Северо-Востока.

Представляется, не последнюю роль в восприятии всех коряков единым народом на официальном уровне сыграло мнение В. Г. Богораза — специалиста по чукчам и корякам, чукотскому и корякскому языкам, пользовавшегося в те годы неоспоримым авторитетом. В предисловии к русскому изданию монографии «Чукчи», написанному к весне 1934 года, он упоминает, что в литературе неоднократно возбуждался вопрос, не представляют ли оленные и приморские чукчи, а заодно и оленные и приморские коряки, две различные народности, и сам же отвечает на него следующее:

«Я всё же не считаю возможным утверждать, что приморские и оленные чукчи принадлежат к двум различным народностям и в частности что приморские чукчи совпадают с азиатскими эскимосами. <…> Ещё труднее допустить, что оленные коряки и приморские коряки представляют различные народности. Приняв такое разделение, пришлось бы, кроме того, идти дальше и, например, для охотских эвенов (ламутов), которые тоже разделяются на оленеводов и приморских рыболовов-зверобоев, допустить также различное происхождение» [Богораз 1934: XXII].

Кроме того, сыграло свою роль создание Корякского национального округа. «Трудно переоценить всю важность и глубину этого акта для последующей истории коряков. Этим актом было положено начало формирования нового этапа этнического развития первоначально советской, а затем социалистической народности — *коряки*» [Вдовин 1973: 284]. Следует

согласиться с мнением учёного, отбросив лишь идеологическую мишуру, не прошедшую проверку временем[22]. С одной стороны, официально закреплён «старый» этноним и ему придаётся унифицирующее значение, с другой — отдельные учёные предлагают от него отказаться в пользу самоназвания, не являющегося таковым для всех коряков. Всё это послужило причиной тому, что на практике *нымылан* в качестве обозначения целого народа не прижился.

Необходимо остановиться на субэтнической группе, именуемой *алюторцы*, со своими языковыми и этнографическими особенностями.

Первый раз алюторцы упоминаются в «скасках» В. В. Атласова 1700 и 1701 года.

«И отъ тѣхъ де остроговъ поѣхалъ онъ Володимеръ [Атласовъ] съ служилыми людьми *въ Камчатцкой носъ*, и ѣхалъ на оленяхъ подлѣ моря *2 недѣли*, и отъ того Камчатцкого носа, по скаскамъ иноземцовъ — вожей, пошли они чрезъ высокую гору и пришедъ къ *Люторскимъ* острогамъ, къ иноземцамъ къ *люторамъ*, и по наказной памяти подъ царскую высокую руку призывалъ ласкою и привѣтомъ, и призвавъ ихъ *немногихъ* людей и въ ясакъ и писалъ съ нихъ лисицы» [Оглоблин 1891: 6].

«А за тѣми коряками живутъ иноземцы *люторцы*, а языкъ и во всемъ подобіе коряцкое, а юрты у нихъ *земляные*, подобны остяцкимъ юртамъ» [Там же: 14].

Скорее всего это была первая встреча русских с алюторцами, поскольку в первой «скаске» говорится: «И *русскіе люди* у нихъ прежъ ево Володимерова съ товарищи пріѣзду нихто *не бывали*, для того они соболей не промышляли» [Там же: 6].

К. В. Дитмар в середине XIX столетия упоминал существование корякской группы, называемой олуторцы [Дитмар 1855: 62]. В «Народах Сибири» указано, что в прошлом алюторцы были самой значительной по

[22] Не существовало «советских» и «социалистических» народностей, народов и наций, вопреки установкам советского обществознания, — равно как не было «рабовладельческих» или «феодальных» народов.

численности группой коряков после чавчувенов, населявшей обширную территорию Камчатского перешейка, от села Тымлаты на юге до села Олюторка на Беринговом побережьи и селений Ренники и Подкагерное на Охотском побережьи [Народы Сибири 1956: 951].

Главное отличие алюторцев от остальных оседлых коряков — это земляные юрты. И. С. Вдовин полагает, что основа этнонима *алют-* восходит к эскимосскому *alutora*, означающему ‘заколдованное место’ [Вдовин 1973: 55], и ссылается на эскимосский словарь 1927 года, переизданный в 1967 [Schultz-Lorentzen 1967]. Однако А. А. Бурыкин полагает возможным чукотско-камчатское происхождение слова: его можно возводить к чукотскому *олвэт-варат* ‘оседло живущий народ’, преобразовавшееся в формы *элютэльыт, алютэльыт*, бытующие в языке современных чукчей под воздействием керекского языка [Бурыкин 2006: 196]. О. А. Мудраком в «Этимологическом словаре чукотско-камчатских языков» выводится следующая этимология этнонима *алюторец*: корень **’el[eγ^{w}]te-* означает ‘этноним’ и в прачукотском даёт **elute-lhə-n*, в камчадальском — **’eleγut*; **elute-lhə-n* ‘алюторец’ в корякском преобразуется в *elutə-lhə-n*, в алюторском — в *alutə-lhə-n*; **’eleγut* в западно-камчадальском (ительменском) преобразуется в *eleγut* ‘алеут’ [Мудрак 2000: 27].

Позиция А. А. Бурыкина в сравнении с таковой у И. С. Вдовина представляется в целом более правдоподобной, поскольку чукчи были ближе к местам проживания алюторцев, чем эскимосы; кроме того, этимология, предложенная А. А. Бурыкиным, подтверждается языковыми данными и подкрепляется словарём. Хотя сегодня ещё нельзя полностью склонить чашу весов в пользу одной из версий происхождения этнонима.

Этнические процессы, происходившие в XX веке, объединяли субэтнические группы и стирали между ними различия. Сегодня алюторский субэтнос фактически исчез: люди считают себя коряками, не выделяя специфические черты, поскольку они уже достояние прошлого. Так, Всероссийская перепись населения 2002 года обнаружила всего 12 человек,

идентифицирующих себя алюторцами, перепись 2010 года не упоминает алюторцев в качестве субэтноса. При этом люди, знающие алюторский язык, остаются: Всероссийская перепись 2010 года выявила 25 человек. Такое малое количество носителей свидетельствует о том, что в будущем алюторский язык скорее всего полностью исчезнет. Можно подытожить вышенаписанное: алюторский субэтнос в XX столетии послужил одной из основ формирования целокупного корякского народа и «растворился» в нём, исчезнувши в качестве субэтноса.

Следует отметить любопытное название корякской общности, ныне уже не существующей; её этноним представляет интерес для науки с точки зрения именования соседей.

С. П. Крашенинников в «Описании земли Камчатки» упоминает, что на Карагинском острове жили коряки, «которыхъ однако прочіе [коряки] за свой родъ не признаваютъ, но называютъ ихъ Ха́мшаренъ, то есть собачьимъ отродьемъ» [Крашенинников 1755а: 59]. Ныне данный этноним, имевший экспрессивное значение, среди коряков не употребляется.

3.7. Чуванцы

Этноним: м. р. *чува́нец*, мн. ч. *чува́нцы*; ж. р. *чува́нка*, мн. ч. *чува́нки*; прил. *чува́нский*.

Большинство чуванцев в настоящее время живёт в Анадырском районе Чукотки, в сёлах: Марково, Чуванское, Ламутское, Усть-Белая, Снежное — и в городе Анадыре. Даже в сравнении с другими малочисленными народами количество чуванцев невелико: согласно Всероссийской переписи 2010 года насчитывается 1003 человека.

Первое известие о чуванцах получили казаки отряда Семёна Ивановича Дежнёва во время своих походов в окрестностях Анадырского острога в середине XVII столетия. Правда, широкой публике данные, собранные русским отрядом, стали известны значительно позже: документы, составленные С. И. Дежнёвым, были опубликованы и стали доступны для изучения

широкому кругу лиц лишь в середине XIX века. По замечанию А. А. Бурыкина, сначала бумаги были задержаны в Анадырском остроге из-за невозможности отправки их в Якутск, затем долгое время пролежали в неизвестности в архиве Якутской приказной избы [Бурыкин 1993: 6].

В отписках Якутскому воеводе Ивану Акинфову, датируемых 4 и 15 апреля 1655 года (ст. ст.), Семён Дежнёв и Никита Семёнов сообщают: «<…> да въ прошломъ во 161 году [7161 отъ сотворенія міра; 1653 годъ] ходили мы въ походъ на неясачныхъ людей Чуванзей. И они люди оленные, сами ушли и женъ и дѣтей увезли» [Отписки 1851: 20].

«Да того жъ 162 [1654] году, апрѣля въ 10 день, взяли мы для государева ясаку изъ неясачныхъ людей Чуванзей два мужика <…>; да въ нынѣшнемъ во 163 [1655] году, какъ пришли въ ясачное зимовье тѣ иноземцы, ясачные люди аманатъ Чекчо съ родниками своими, и мы у нихъ про тѣхъ Чуванзей спрашивали <…>» [Там же: 21].

В XVII веке этноним был записан не так, как мы знаем его теперь, а именно: *чуванзи* (в некоторых памятниках можно встретить более редкую форму *чувандзы*). Это — характерная черта для многих этнонимов народов Северо-Востока России, объясняемая тем, что русские часто общались с местными жителями через переводчиков, не всегда точно передававших нормы произношения двух языков. Первые документы фиксировали этнонимы так, как они воспринимались на слух; затем новые слова со временем изменялись: они проходили морфонологическую адаптацию. Слово *чувандзы* при адаптации его русским языком приобрело форму *чуванзи*; преобразование шло вероятнее всего путём разрушения аффрикаты [дʑ] через утрату взрывного компонента [д].

В русском языке продуктивным суффиксом для этнонимов является *-ец-*, с беглым *е*, представленный во множестве названий народов (*лезгинец, рутулец, адыгеец; японец, кореец, китаец, вьетнамец* и др.); это не в последнюю очередь сыграло роль в выборе пути морфологической адаптации нового этнонима *чуванзи* в *чуванцы* (ед. ч. *чуванец*).

А. А. Бурыкин объясняет происхождение этнонима *чуванец* из юкагирских диалектов. По-юкагирски *чавул* означает ‘море’, а *чавунди* — ‘приморский житель’ [Бурыкин 1993: 7]. Учёный делает предположение, что топоним *Чаун* связан с юкагирским *чавул*, поскольку на чукотском материале не этимологизируется. Эти данные находят подтверждение в «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР» [Леонтьев, Новикова 1989: 407].

Чуванцы тесно связаны с юкагирами. Этногенетическая связь подтверждается в том числе этнонимами. Так, чукчи и коряки называли юкагиров и чуванцев общим именем — *атал* или *этэл*. Поскольку данные народы использовали один этноним для двух этнических групп, они явно считали юкагиров и чуванцев одним народом [Иохельсон 1994: 227]. Не случайно чуванцев в прошлом часто именовали юкагирами чуванского рода, подразумевая, что они являются субэтнической группой в составе юкагиров. Связь чуванцев с юкагирами подтверждается в первую очередь письменными источниками: во многих документах XVII — начала XVIII века чуванцы относятся к юкагирскому роду, именуются анадырскими юкагирами.

И. С. Гурвич, основываясь на реестре о разгроме юкагиров на реке Налуче, делает следующий вывод: «В реестре прямо указывается, что пограбленные были юкагирами, и отмечается, что они происходили из чуванского и ходынского родов. Таким образом, чуванцы, если доверять этому документу, в XVIII в. составляли не особый народ, а одно из юкагирских племён» [Гурвич 1957: 247].

В. Г. Богораз делает интересные наблюдения относительно чуванцев: «Название Саасет в его русифицированном виде будет „чаванцы“ или „чаунцы“, так что оно почти тождественно со словом „чуванцы“. Это племя, в настоящее время почти исчезнувшее, в прежнее время жило где-то между юкагирами и чукчами. <…> Atal-tanŋьtal — чуванец. Atal, etel (две формы одного и того же корня, которые заменяют друг друга согласно правилам

гармонии гласных, существующим в чукотском языке) — теперешнее самоназвание чуванцев» [Богораз 1934: 7–8].

Таким образом, самоназвание народа соответствует названию, которым его называют соседи — чукчи. Возможно, в прошлом чуванцы имели иное самоназвание; вполне естественно, если оно совпадало с самоназванием юкагиров, поскольку по существу чуванцы в прошлом — не отдельный народ, а скорее субэтнос юкагиров.

В. И. Иохельсон — в подтверждение сказанному В. Г. Богоразом — замечает, что коряки и чукчи называют и юкагиров, и чуванцев *а́тал* или *э́тэл*. «Это доказывает, что чуванцы не являются отдельным народом, как полагают некоторые путешественники, а представляют ветвь юкагиров» [Иохельсон 2005: 48]. Правда, сам же В. И. Иохельсон справедливо подтверждает, что чуванцы или сильно русифицированы, или находятся под огромным влиянием коряков и чукчей [Там же].

И. С. Гурвич отметил: «Разгром чуванского рода, по-видимому, один из эпизодов так и не завершившегося процесса этнического формирования чуванской народности» [Гурвич 1957: 248]. Нельзя в полной мере согласиться с учёным. Скорее наоборот: разгром чуванской ветви юкагиров поспособствовал тому, что она отпала от основного этноса, вобрав в себя иноэтнический субстрат до такой степени, что потеряла прямую связь с юкагирами. Сильное смешение с иными народами всегда влечёт за собой смену ментальности и трансформацию идентичности.

Ныне чуванский язык утрачен. Несмотря на это, чуванцы как этнос не исчезли, а продолжают существовать до сего дня, причём численность их выше, чем юкагиров, чьей восточной ветвью они когда-то небезосновательно рассматривались. Сохранение этноса не в последнюю очередь связано с тем, что чуванцы активно ассимилировались с иными народами, в том числе и русскими; данное обстоятельство позволило сохраниться чуванской идентичности — ценой утраты языка и бóльшим разрывом с юкагирами по сравнению с предыдущими столетиями. Современный исследователь

А. И. Ткалич замечает: «Активно воспринимая русскую культуру, чуванцы постепенно отказывались от употребления своего родного языка и к середине XIX в. полностью перешли на русский язык» [Ткалич 2017: 164]. Активные метисационные процессы в селе Маркове на Чукотке, истребление чуванцев чукчами в XVIII столетии явились следствием этнической разнородности современных чуванцев, при сохранении единой идентичности.

А. Е. Дьячков указывает, что чуванцы подразделяются на три рода: чуванцев, ходынцев и коряков, — и объясняет, как последние были присоединены к чуванцам ввиду их малочисленности: поскольку чуванцы имели постоянные столкновения с чукчами, «почему чуванское общество сократилось въ числѣ душъ, и чуванскій князецъ <…> подалъ на Высочайшее имя прошеніе о пополненіи общества вольными людьми, не принадлежавшими ни къ какому другому обществу. Онъ получилъ разрѣшеніе причислить къ себѣ ходынцевъ и нѣсколько коряковъ» [Дьячков 1893: 66]. Сам А. Е. Дьячков считал себя чуванцем, при этом он открыто пишет, что род его происходит от коряков, «теперь осѣдло живущихъ по правому берегу Пенжинской губы» [Там же].

Очевидно: включение инородного элемента позволило сохраниться народу, но оказало на него решающее влияние. Как результат, в настоящее время не существует чуванского языка, но зато сохранился народ с характерными особенностями духовной и материальной культуры. В настоящее время чуванцы используют чукотский или русский язык.

Авторы коллективной монографии «Русские старожилы Сибири» верно подмечают многозначность этнонима *чуванцы*. Поначалу это — одна из ветвей юкагирского рода, практически исчезнувшая в XVIII столетии; часть чуванцев — обрусевшие жители среднего течения реки Анадыря; часть чуванцев прибилась к чукчам в середине XVII века, но сохранилась как народ; часть — современные жители села Маркова [Вахтин и др. 2004: 103].

А. А. Бурыкин подчёркивает, что относительно жителей Маркова времён А. С. Дьячкова речь скорее может идти об этносоциальной группе, т. е.

о принадлежности к «обществу», а не субэтносу [Бурыкин 2006: 100]. Поначалу так оно и было, но, образовав единую общность, пусть и различного этнического происхождения, чуванский народ заново «собрался» — сложился из новых частей, взяв за основу старое имя. Относительная географическая обособленность в условиях Чукотки обеспечила сохранность этнической общности.

Следует уточнить: чуванцы проживали не только в селе Маркове, но и поблизости от него. Так, Н. Л. Гондатти в «Сведениях о поселениях по Анадыру» сообщает о проживании семей чуванского происхождения в посёлках Еропольский, Осёлкино, Солдатово, за Марковкой [Гондатти 1897а: 72, 76, 79, 81]. При этом автор не смешивает юкагиров и чуванцев, что понятно не только из описания живущих в посёлках, но из таблицы постоянного населения села Маркова, приводимой на 83 странице, где указано 24 чуванских семьи (149 человек) и 8 — юкагирских (36 человек) при общем числе 304 жителя.

Таким образом, село Марково хотя и являлось главным местом воссоздания чуванской народности, однако чуванцы жили не только в данном населённом пункте, пусть и в значительно меньшем количестве (14 человек из 53 в Еропольском, 7 семей из 10 дворов в Осёлкине).

Официальному закреплению этнонима *чуванцы* поспособствовало то, что в 1930-е годы власти записали под такой национальностью жителей села, до того называвших себя также марковцами или камчадалами. Название *камчадалы* среди чуванцев встречается до сих пор. Устойчивость «старого» этнонима объясняется как бытовавшей до 1930-х годов практикой, так и необходимостью разграничить речных чуванцев от оленных [Вахтин и др. 2004: 141]. Оленные чуванцы ведут кочевой образ жизни, стоят ближе к чукчам; речные чуванцы оседлые.

Современные чуванцы сохраняют идентичность не по языку и даже не столько по этническому происхождению, сколько по общей культуре и хозяйствованию, а во многом по общей истории, когда предки различных

этносов — исторических чуванцев и коряков — были указом свыше (по инициативе снизу) включены в одно племя. Главный же фактор сохранения чуванцев — менталитет: ощущение людьми себя представителями данного народа, выражающееся в стремлении сохранить свою этническую общность. Следует ещё раз сказать, что идентичность — явление сложное, для каждого народа во многом уникальное. Чуванцы — хороший пример формирования народного самосознания, во многом удивительный: для типичного развития событий на Северо-Востоке было бы скорее характерно полное исчезновение народа, чего в случае с чуванцами не произошло.

И. С. Вдовин, в 1961 году посетивший Чукотку и село Чуванское, оставил письменные заметки — полевой дневник. Он отмечает: «Сами себя чуванцы считают отдельным народом *таннууварат*, или *таннурэмкын* (курсив мой. — *М. Т.*)» (цит. по: [Народы Северо-Востока 2010: 501]). Данные этнонимы, записанные учёным в дневнике, во многом уникальны: ни один исследователь не зафиксировал подобных самоназваний чуванцев. При этом И. С. Вдовин отмечает, что не видит ничего, что отличало бы чуванцев от чукчей и коряков. Данный факт ещё раз говорит о том, что в основе формирования чуванцев лежит менталитет и ощущение исторической общности принадлежности к чуванскому роду, а не материальная культура.

Чуванцы перешли на чукотский или русский язык, но самоназвания *атал* и *этэл* до сего дня сохраняются — наряду с названием *чуванцы*, ставшим самоназванием вследствие перехода части народа на русский язык.

К сожалению, на сегодняшний день не имеется фундаментальных монографий, посвящённых языку и этнонимам чуванцев. Если не будут обнаружены неизвестные доселе документы, наука не сможет открыть и изучить глубоко и фундаментально названия и самоназвания чуванцев общего и регионального уровня, бытовавшие в минувшие века.

3.8. Чукчи

Этноним:

вариант I, чаще всего встречается на Северо-Востоке, среди специалистов и обладающих минимальными лингвистическими познаниями: м. р. *чу́кча*, мн. ч. *чу́кчи* (род. п. *чу́кчей, чуко́ч ~ чу́коч, чукч*); ж. р. *чукча́нка*, мн. ч. *чукча́нки*; прил. от *чу́кча — чуко́тский, чу́кчский*, от *чукча́нка — чукча́нский*;

вариант II, допускаемый словарями, но крайне нежелательный: м. и ж. р. *чу́кча*, мн. ч. *чу́кчи*.

Чукчи — палеоазиатский народ, чья численность в настоящее время составляет около 16 000 человек. Они — древние обитатели ныне населяемого ими края. Сегодня чукчи проживают преимущественно на Чукотке (в основном в Чукотском, Провиденском и Иультинском районах), а также на Камчатке (Олюторский район) и в Якутии (Нижнеколымский улус), незначительное количество — также в Магаданской области.

Первые контакты русских с чукчами произошли в середине XVII века. В 1642 году казак Иван Родионович Ерастов обнаружил чукчей к западу от Колымы на реке Алазее. В челобитной, составленной в период с сентября 1645 по июль 1646 года, Ерастов указал, что их встретили алазейские люди, «а съ ними были съ тундры чюхчи мужики съ своими роды и улусными людьми. <…> И тѣ, государь, иноземцы, алазѣйскіе[23] юкагири и чюхчи, въ твоемъ, государева, ясакѣ отказали <…>» [Нефёдкин 2016: 57; Оглоблин 1903: 54]. Это первое документально подтверждённое свидание русских с чукчами. Всего новый этноним употребляется в документе два раза.

Михаил Васильевич Стадухин, русский землепроходец и исследователь Северо-Востока, также в числе первых столкнулся с незнакомым ранее

[23] Этимологически правильно с точки зрения литературного произношения — *алазейскіе*, поскольку в «новых» заимствованиях *ѣ* не пишется. По замечанию ведущего фонетиста М. В. Панова, фонема <ѣ> существовала в русском литературном языке до конца XVIII века [Панов 2002: 338–360]. Очевидно, написание связано с особенностями произношения писца. В некоторых говорах реализация фонемы <ѣ> существует до сего дня.

народом и оставил письменные свидетельства о встрече. Сохранились его расспросные речи, датируемые 1647 годом. Со слов М. В. Стадухина записано: «а по той де рѣкѣ Чюхчѣ живутъ иноземцы свой же родъ, словутъ Чюхчи, таже что и Самаядь, оленные сидячіе жъ» [Распросные речи 1848: 99]. В. Г. Богораз отмечает интерес расспросных речей и указывает: «В первый раз упоминается имя „чюхчи“» [Богораз 1934: 33]. Правда, челобитная Ивана Ерастова всё же была написана как минимум на два года раньше расспросной речи Михаила Стадухина. Видимо, первый документ был не так широко известен; кроме того, в расспросной речи новый народ описывается весьма подробно, а не упомянут вскользь — между прочим. Всё это свидетельствует, что именно в сороковые годы XVII века русские впервые столкнулись с неизвестным доселе народом и письменно зафиксировали его имя.

В расспросной речи Михаила Стадухина этноним записан в виде *Чюхчи*, один раз встречается написание через *у* («и тѣ де Чухчи»), причём слово склоняется всего один раз («а та жонка жила у тѣхъ мужиковъ у Чухчей три годы»), в остальных случаях флексия не изменяется («что они у тѣхъ Чюхчи тотъ моржевый зубъ видали», «у тѣхъ де Чюхчи соболя нѣтъ» [Распросные речи 1848: 100]). Данное обстоятельство косвенно подтверждает слова В. Г. Богораза о первом упоминании этнонима: очевидно, для составителя документа, записывавшего слова М. Стадухина, слово было новое и необычное, ранее в русской речи не употреблявшееся; отсюда такое странное грамматическое оформление.

В отписке Семёна Ивановича Дежнёва этноним передан весьма своеобразно (выделения мои. — *М. Т.*): «<…> на пристанищѣ торгового человѣка Ѳедота Алексѣева *Чухочьи* люди на дракѣ ранили <…>» [Отписки 1851: 25]; «А съ Ковымы [Колымы] рѣки итти моремъ на Анадыръ рѣку, вышелъ въ море далеко, а не тотъ носъ, который отъ *Чухочы* рѣки лежитъ, до того носу Михайло Стадухинъ не доходилъ, а противъ того носу есть два острова, а на тѣхъ островахъ живутъ *Чухчы*, а врѣзываны у нихъ зубы, прорѣзываны губы, кость рыбей зубъ, а лежитъ тотъ носъ промежъ сиверъ на

полуношникъ, а съ Рускую сторону носа признака: вышла рѣчка, становье тутъ у *Чухочь* дѣлано, что башни изъ костей китовой, и носъ поворотитъ кругомъ къ Онадырѣ рѣкѣ подлегло, а доброго побѣгу отъ носа до Анадыри рѣки трои сутки, а болѣ нѣтъ, а идти отъ берегу до рѣки недалѣ, потому что рѣка Анадырь пала въ губу» [Там же: 26].

Позднее этноним стали передавать в соответствии с современным видом — *чукчи*. Правда, в XVIII веке можно встретить графическое оформление, соответствующее произношению, — *чюкчи*. Например, в «Показании якутского служилого человека Петра Попова, посыланного в Чукоцкую землю для собрания сведений о тамошних жителях и призывания их в ясачный платеж», датируемом 1711 годом, сказано, «чтобы они Чюкчи платили въ казну великого государя ясакъ соболи и всякіе лисицы и кость моржеваго зубья», «и въ то де время они Чюкчи имъ русскимъ людемъ никакова ясаку не платили» [Показание 1882: 457]. Там же встречается написание *Чюкчю* и *Чюкочь*; всё это говорит о том, что писец записывал слова по своему произношению.

В промемории капитана Д. И. Павлуцкого в якутскую канцелярию от 10 февраля 1732 года, приводимой А. К. Нефёдкиным, орфография этнонима непоследовательна — слово пишется как через *у*, так и *ю* буквально в одном предложении: «И от того де их чукоцкого воровского нахождения они, коряки, и паки раззорились вконец и отстали от ясачного платежа; и чтоб их, коряк, в партию принять и на немирных чукоч взять с собою, и от нахождения чюкоцкого охранить» [Неопубликованные материалы 2016: 39].

Позднее, в середине XVIII века, этноним встречается преимущественно в написании *чукчи*. Так, С. П. Крашенинников пишет: «Чукчи[,] живущей въ Чукоцкомъ носу немирной народъ, называется также испорченнымъ именемъ *Чаучу* <…>»[24] [Крашенинников 1755б: 5–6]. (В скобках следует отметить, что С. П. Крашенинников прав, связывая этноним *чукча* с чукотским *чаучу*, лишь

[24] Лишь изредка, в первой части «Описания земли Камчатки», можно встретить написание *чюкчи*.

исходное слово и производное перепутаны местами.) По мере закрепления орфографической нормы — в XIX веке — написание через *ю* выходит из употребления.

Этноним *чукча*, обозначающий в русском языке представителей целого народа, происходит от чукотского слова *чаучу* ‘богатый оленями, оленевод’ (в транскрипции Международного фонетического алфавита (МФА) — *cawcəw*) [Муравьёва 2013: 220]. Таким именем называли себя чукчи-оленеводы, кочующие в глуби материка, в противоположность сородичам, живущим у моря и разводящим собак, именовавшимся *ауӷаӆьыт* (цит. по: [Богораз 1934: 3]), в ед. ч. *ауӷаӆьын* (в транскрипции МФА — *aŋqaɬʔən*) ‘приморский житель, помор’ [Инэнликэй 2006: 17; Муравьёва 2013: 220]. Ф. П. Врангель писал: «Такимъ образомъ Чукчи раздѣляются нынѣ на два отдѣла: на *осѣдлыхъ,* или *береговыхъ,* и на *оленныхъ,* или *кочевыхъ*. Оба племени живутъ въ хорошемъ согласіи и взаимно снабжаютъ одно другое жизненными потребностями» [Врангель 1841, II: 336]. А. В. Олсуфьев делит чукчей по образу жизни три группы: на *оленных* («*„чахчу“*, отчего и произошло, вѣроятно, слово „чукча“»), *носовых — торговых* («*„навра-ремкитъ“*, что значитъ *„торговецъ“*») и *сидячих* — разорившихся из первых двух групп («*„анлакѣнъ“*, т. е. *„живущіе при морѣ“*») [Олсуфьев 1896: 97]. При этом исследователь указывает не только на возможность перехода из группы в группу, но и что всякий разбогатевший носовой чукча будет в то же время сидячим чукчей. Таким образом, две последние группы можно было бы объединить в одну — оседлые чукчи. М. Ю. Пупынина отмечает, что деление на «приморских чукчей» и «оленеводов» по-прежнему актуально [Пупынина 2013: 253]. До сих пор чукотский лексикон содержит слово *чавчыв* (мн. ч. *чавчыват*), означающее ‘чукча-оленевод; богатый оленевод’ (см.: [Чукотско-русский словарь 1957: 142]). Следует отметить, что этноним *чукчи* был выбран в качестве общего обозначения целого народа не случайно: русские позаимствовали *чаучу* у якутов и эвенов (ламутов), поскольку два последних

народа так именовали своих воинственных соседей, а затем видоизменили слово и приняли в свой язык.

Наряду с двумя основными микроэтнонимами (*чаучу* и *аӈӄаӆьын*), самими чукчами употребляются и иные наименования. Ф. П. Врангель по состоянию на первую половину XIX века отмечает: «Оленные Чукчи, называющіе себя *Танныгкъ*, занимаютъ гористую часть страны, и составляя значительнѣйшее народонаселеніе, могутъ почесться владѣтелями Чукотской земли» [Врангель 1841, II: 333]. Колымские чукчи отделяют себя от чукчей Чукотки и называют последних *roçɣəl̓ʾət* ‘относящиеся к той стороне реки’. Говоря о чукчах Чукотского автономного округа, колымские чукчи подразумевают, прежде всего, чукчей Билибинского района, с которыми имеют постоянные контакты [Пупынина 2013: 257–258]. Среди западных чукчей также распространено самоназвание *чугчит* [Народы Северо-Востока 2010: 507]; по-видимому, данный этноним напрямую связан с *чаучу* и является его видоизменением. Впрочем, приведённые выше названия широкого хождения не имеют, в русском языке представлены исключительно на региональном уровне и неизвестны большинству носителей.

Чаучу — региональный чукотский этноним (микроэтноним). В русском языке он стал общим, видоизменившись в такой степени, чтобы приобрести возможность изменяться по числам и падежам.

Этноним *чукча* прочно вошёл в русский язык в XVII веке виде *чюхча*, затем претерпел изменение (*х* > *к*), пережил орфографическую двойственность *чукча* ~ *чюкча* в XVIII столетии и затем уже не претерпевал каких-либо изменений. Относительно замены *х* на *к* (*чюхча* > *чукча*) в ранних письменных источниках возможно следующее пояснение. Корякский и чукотский увулярный звук [ӄ] в ранних записях мог обозначаться буквой *х* — за отсутствием более подходящего варианта. С. Н. Стебницкий пишет, что по-русски звук [ӄ] может быть передан сочетанием звуков [кх], произносимым как единый звук [Стебницкий 1939: 79]. В раннем корякском алфавите на основе кириллицы, действовавшем с конца 30-х по начало 40-х годов XX века,

звук [ʁ] орфографически передавался буквой *х*, — по замечанию А. А. Бурыкина, в точности так, как этот звук обозначается в записи корякских слов у С. П. Крашенинникова, например слова *хончало*, являющегося, по А. А. Бурыкину, передачей корякского слова *к'ончалг'о* [Бурыкин 2006: 92] (сам исследователь в своём труде увулярный *ʁ* записывает так: *к'*). Поскольку увулярного звука [ʁ] в русском языке нет, но он ближе к взрывному [к], чем фрикативному [х], со временем при передаче по-русски корякских и чукотских слов (чаще всего именно онимов) с увулярным стали писать букву *к*. Топонимические примеры: река *Какукваям* < коряк. *Ӄэккукв'аям* ‘кукушечья река’, мыс *Катекенмэем* < чукот. *Ӄатэӄэнмээм* ‘чаячья скала’, посёлок *Уэлькаль* < чукот. *Вэлӄыл* ‘челюсть (китовая)’ [Леонтьев, Новикова 1989: 170, 184, 392].

Хорошим образцом употребления онимов являются законы и иные нормативные акты, а также различные распоряжения, уведомления и прочие официальные бумаги, исходящие от высших органов власти: данные источники лучшим образом отражают реалии современности и подчиняются принятым языковым правилам и устоявшейся практике словоупотребления. В нормативных документах XIX века встречаем то же правописание этнонима *чукча*, что и теперь. Так, в Уставе об управлении инородцев указывается: «§ 5. Чукчи и Зюнгорскіе двоеданцы, поелику въ образѣ ихъ отношеній къ Россіи разнствуютъ отъ всѣхъ прочихъ, составляютъ особой разрядъ», «§ 78. Чукчи платятъ дань по собственному произволу, какъ въ количествѣ, такъ и въ качествѣ» [Устав об управлении инородцев 1830: 394, 399].

Интересная форма этнонима в единственном числе употребляется в книге К. В. Дитмара при переводе с немецкого: в «О Коряках и весьма близких к ним по происхождению Чукчах» для мужского рода используется слово *Чукчъ*: «Оленьи стада богатаго Чукча <…>», «Богатый Чукчъ всегда благодѣтель окружающихъ его» [Дитмар 1856: 36]. В письменных источниках нефилологического характера этнонимы, как правило, представлены во множественном числе, поскольку описывается народ, а не разбирается

лексическая единица. Неудивительно, что переводчики К. В. Дитмара выбрали форму единственного числа, более свойственную в русском языке существительным мужского рода; в таком случае очевидно: теоретически форма *Чукча* могла применяться исключительно к женщинам, но в труде К. В. Дитмара она нигде не встречается. Однако использованный переводчиками вариант не прижился, и сегодня существительное *чукча* — мужского рода, женский дериват этнонима — *чукчанка*.

По состоянию на XIX век этноним *чукча* можно считать ономастическим регионализмом: оним был представлен большей частью в этнографической литературе, в описаниях учёных и путешественников. С началом промышленного освоения Северо-Востока в устную и письменную речь попали географические названия отдалённых от центра областей. Так топонимы *Чукотский полуостров* и *Чукотка* стали общеизвестными, поскольку частота их употребления резко повысилась. Благодаря этому жители иных местностей узнавали о чукчах как о народе, и этноним *чукча* утратил региональный оттенок.

Не последнюю роль в широком распространении слова сыграли, к сожалению, и многочисленные анекдоты. Среди наименее образованных слоёв населения именно анекдоты способствовали активному вхождению этнонима *чукча* в активный словарный запас, в таком речевом контексте слово получило экспрессивный оттенок. Это подтверждается тем, что ныне лексема *чукча* имеет не только значение ‘представитель палеоазиатского народа, живущий на территории Северо-Восточной Евразии’, но и иные, например: ‘наивный человек, простак’ [Химик, 2: 471].

Следует отметить появление нового значения лексемы *чукча* ‘представитель народа Северо-Востока, вне зависимости от национальности’, не зафиксированного ещё крупными словарями. Такое значение объясняется двумя причинами: 1) этноним *чукча* не является регионализмом, слово хорошо известно среди носителей русского языка независимо от места проживания; 2) люди, не знакомые с народами Северо-Востока, часто не знают

обозначающих их этнонимов — отсюда вынужденное использование известного слова *чукча* как обобщающего.

В заключение следует сказать, что лексема *чукча* многозначна и заслуживает отдельного исследования.

Понятие *народ* включает в себя лиц обоего пола — в отличие, скажем, от членов банды или преступной группировки, где наличие разнополых людей альтернативно. Для обозначения женщин этноним, грамматически относящийся к первому склонению *(немец)* или являющийся субстантивированным прилагательным *(русский)*, имеет феминитивную пару *(немка, русская)*. Сложнее ситуация с этнонимами второго склонения *(чукча)*: в этом случае существительное теоретически может относиться к общему роду, т. е. контекстуально принимать мужской либо женский род, однако это нежелательно, — точнее относить его исключительно к мужскому роду и непременно образовывать женский дериват путём добавления аффикса. Число этнонимов — существительных второго склонения невелико, из числа северо-восточных — только *чукча*. Для региональной ономастики представляет интерес именно «женская» форма данного этнонима.

Живущие в России носители русского языка хорошо знакомы с чукчами. В большом числе случаев в речи проживающих вне пределов Северо-Востока чукотская женщина обозначается тем же этнонимом, что и мужчина, т. е. *чукча*; таким образом, данное существительное воспринимается ими как имеющее общий род. Однако непосредственно проживающие на Северо-Востоке чукотскую женщину чаще назовут *чукчанка*; в речи таких людей *чукча* имеет исключительно мужской род. Различные словари фиксируют три варианта рода существительного: 1) мужской, 2) мужской и женский, 3) мужской (женский вариативен). Так, «Словарь современного русского литературного языка» и «Словарь русского языка» указывают, что существительное *чукча* имеет мужской и женский род, но при этом приводят производное от него *чукчанка*, женского рода [БАС-1, 17: 1194; МАС-2, IV: 693]. «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова, «Большой толковый словарь русского

языка» и «Новейший большой толковый словарь русского языка» (последние два — под редакцией С. А. Кузнецова) указывают исключительно на мужской род существительного *чукча* и приводят женский дериват *чукчанка* [Ожегов: 711; БТС: 1486; НБТС: 1488]. «Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи» В. В. Химика, приводя лишь нелитературное значение лексемы *чукча* (глуповатый, наивный человек, простак), указывает на вариативность женского рода данного существительного [Химик, 2: 471]; в нелитературном и неэтнонимическом значении слово *чукча* может иметь и женский род наряду с мужским.

Примечательно, что в БТС и НБТС приводится две статьи с одним и тем же этнонимом в разных числах: (1) *чукча*, представлены два значения лексемы: 1) представитель народности чукчи, 2) о наивном, ограниченном человеке (второе значение разговорное); при этом указано на женский род существительного; (2) *чукчи*, от *чукча* (мужского рода). Данный факт трудно объяснить иначе, чем ошибку или же неправильную подачу материала. — Во-первых, в словаре лексема *чукча* объясняется через существительное мужского рода *представитель* (женская форма — *представительница*); при этом статьёй ниже указывается, что лексема *чукчи* в этнонимическом значении в единственном числе имеет форму *чукча* (мужского рода). Во-вторых, в нелитературном значении слово *чукча* значительно чаще имеет мужской род, чему много примеров в сниженной, экспрессивной речи.

Этноним *чукчанка* сегодня следует отнести к ономастическим регионализмам: частота его употребления высока на Северо-Востоке и стремительно снижается к западным регионам России. «Региональность» этнонима *чукчанка* — отголосок прежней «региональности» этнонима *чукча*. Следует обозначить причину, почему последний, перестав быть ономастическим регионализмом, не «потянул» за собой *чукчанку*.

Во-первых, в обиходной речи, а особенно — в литературе всех направлений чаще упоминается народ, а не отдельные его представители.

Особой собирательной формы этнонима для обозначения чукчей нет[25]. Для этих целей используется множественное число — *чукчи*, что значительно увеличивает частоту его употребления в сравнении с единственным числом, поскольку оно употребляется и в собирательном значении, и для обозначения двух и более лиц чукотской национальности (исключение из последнего случая — обозначение группы лиц, состоящих из одних женщин, — встречается нечасто).

Во-вторых, как было упомянуто выше, не последнюю роль в «потере» региональной составляющей этнонима *чукча* сыграли многочисленные анекдоты. В подавляющем большинстве случаев героем анекдотов является чукча-мужчина.

В-третьих, бóльшая часть существительных второго склонения имеют женский род; существительные мужского рода, относящиеся к нему, как правило, обозначают лиц мужского пола. Общность окончания обоих родов позволяет словам — при наличии причин часто внелингвистического характера — обозначать лиц обоего пола. Например, слова *староста* и *судья* исторически были исключительно мужского рода. В современном языке они обозначают не одних мужчин, но и женщин, перейдя в т. н. общий род: *Я подошёл к нашей старосте.*; *В коридоре стояли две судьи*. Данный факт объясняет применение этнонима *чукча* по отношению к женщинам. Однако такое словоупотребление этнонима нежелательно, поскольку не позволяет чётко выделять лиц разного пола.

В-четвёртых, вытеснение феминитивов в советскую эпоху и открытое пренебрежение ими [Беркутова 2018: 16, 18–20] не способствовали проникновению в лексикон людей, никогда не живших и не бывавших на Чукотке, этнонима *чукчанка*; он до сего дня остаётся региональным.

Употребление этнонима *чукча* к женщинам обнаруживается, в частности, в центральных газетах, описывающих реалии Северо-Востока, и в

[25] Например, *русь* — собирательная форма этнонима *русич*, мн. ч. *русичи*; *россияны* — собирательная форма от *россиянин*, мн. ч. *россияне* [Подольская 1988: 153].

художественных произведениях: «Потому и худрук Володя, и завклубом Берёзкина, и пожилая чукча Валентина Капле озабоченно рассуждали: найдёт ли губернатор нефть на Чукотке» [Коновалов 2002а], «Турецких мужчин-строителей понаехало столько, что здесь говорят о зарождении принципиально новой нации „турча“ — производное от турка-папы и чукчи-мамы» [Коновалов 2002б]; «Говорят, когда-то в старые времена, жила здесь чукча-шаманка» [Нетёсова 1990: 50], «Она даже не очень похожа на чукчу, скорее на японочку» [Хайт 2010], «Для настоящей чукчи она была, пожалуй, высоковата» [Болмат 2000: 100].

Корректнее относить слово *чукча* в значении ‘представитель палеоазиатского народа’ исключительно к мужскому роду: в таком случае оно приобретает половую маркированность и обеспечивает лучшее понимание текста. В целом, данное слово в речи проживающих в непосредственной близости от чукчей чаще всего имеет мужской род, т. н. общий род появляется в отдалённых от Чукотки регионах. Об исключении общего рода возможно будет говорить лишь в случае, если *чукчанка* перестанет быть ономастическим регионализмом; пока что это не предвидится. Однако вариативность в обозначении женщины *чукчанка ~ чукча* характерным образом маркирует речь и в случае употребления первого варианта даёт понимание: о принадлежности говорящего к жителям определённой местности, о пребывании на территории проживания чукчей, о контакте с чукчами или же о наличии минимальных знаний в области лингвистики. Употребление слова *чукча* для обоих полов чаще всего указывает на незнакомство говорящего с данным народом.

Академические словари русского языка советской эпохи (БАС-1, 1965 г.; МАС-2, 1984 г.) указывают на мужской и женский роды существительного *чукча*, к чему следует относиться критически. Правильнее было бы указать, что у существительного *чукча* женский род просторечен, а феминитивной словоформою является *чукчанка*. В данном отношении «Словарь современного русского литературного языка» (БАС-1) допустил неточность,

повторённую «Словарём русского языка» (МАС). В этой связи интересно посмотреть, как описывается лексема в близкородственном языке. Так, «Словарь украинского языка» указывает, что *чукча* имеет только мужской род, и приводит женский дериват *чукчанка* [СУМ-11, 11: 381]. Те же данные о родовой принадлежности существительного повторяются в «Большом толковом словаре современного украинского языка» [ВТС: 1609], изданном в XXI веке. Следует констатировать, что украинский академический словарь советской эпохи оказался точнее в описании родовой принадлежности этнонима, чем русский академический словарь того же периода.

Других этнонимов для обозначения всей общности народа чукчей, коренным образом отличающихся от общепринятого, до второго десятилетия XX века не применялось. Каких-либо веских причин изменять наименование народа не имелось: этноним в русском языке хорошо дифференцировал чукчей от других этносов.

После Октябрьской революции началась кампания по внесению изменений в наименования народов СССР вообще и народов Севера в частности. Власти старались, чтобы этнонимы по-русски звучали так же или максимально близко к тому, как представители того или иного народа называют себя на своём языке. Не избежали этого и чукчи.

В «Народах Сибири» указывается постфактум: «В 1929–1930 гг., при разрешении вопроса о названиях малых народностей Севера, в качестве общего для чукчей было принято название „лыгъоравэтлян“, трансформированное по-русски „луораветлан“, „луораветланы“» [Народы Сибири 1956: 896].

Действительно, если подходить к вопросу строго формально, этноним *чукча* ведёт своё происхождение не от самоназвания, присущего всему народу, а от регионального обозначения этнографической группы в соответствии с хозяйственной деятельностью. Правда, этимология этнонима не могла служить веской причиной для того, чтобы изменять наименование целого народа; кроме того, именование одного народа другими (экзоэтноним) далеко

не всегда совпадает с самоназванием (эндоэтнонимом), чему и в прошлом, и в современных реалиях можно найти множество примеров. Тем не менее, власти решили императивным путём заменить этноним *чукча* на самоназвание, посчитав, что последнее подходящее. Это была общая тенденция тех лет — заменять «старое» на «новое», коснулась она и народов Крайнего Севера.

В. Г. Богораз в предисловии к русскому изданию монографии «Чукчи», написанному в 1934 году, замечает: «Обозревая в настоящее время свои материалы о чукчах, я могу сказать, что они относятся ещё к XIX веку и представляют эпоху, отошедшую в прошлое. Самое название этого народа успело измениться. И чукчи именуются ныне по собственному самоназванию лу-ораветланами (именно через дефис. — *М. Т.*), что означает в буквальном переводе „настоящие люди“. При царском режиме чукча и другие народности вообще не считались людьми, а только „людишками“. Они называются чукчами в государственных актах, а в просторечии русские казаки и чиновники давали им презрительные, уменьшительные клички: чукчишки и т. д.» [Богораз 1934: XIV].

Тот же В. Г. Богораз в составленном им «Кратком путеводителе по выставке „Чукотское общество“» указывает: «Чукчи — как они называют себя „ораветланы“ — обитают в пределах нынешнего Чукотского национального округа <…>» [Краткий путеводитель 1934: 3].

В данном издании выдерживается последовательность употребления этнонимов *чукча* и *ораветлан*: первый — для прошлого, второй — для настоящего времени. Составителем путеводителя не делается попытка экстраполяции нового этнонима на предыдущую эпоху. В описании дореволюционного периода, включая типы хозяйств и социальную организацию, единственно употребляется слово *чукчи* и производные от него. В отношении официальных и полуофициальных (Чукотка) названий, как появившихся в советское время (Чукотский национальный округ), так и употреблявшихся ранее (Чукотская Земля), применение коих не предполагает возможности разночтений, также последовательно выдерживается

исключительное употребление производных от слова *чукча* (по всему тексту). То же относится к прилагательным, образованным не от наименования народа, а от названия региона/местности: *чукотское хозяйство* [Там же: 20]. Применительно же к современности (послереволюционный довоенный период) используется этноним *ораветлан*. Например: «Ораветланский язык должен стать языком суда и управления», «Подготовка ораветланских кадров является решающей задачей <…>» [Там же: 21].

Правда, наблюдается вкрапление «старого» этнонима, встречающееся два раза: в одном случае сказано, что «в Хабаровске, Москве и Ленинграде в вузах и втузах появились студенты-чукчи» [Там же]; несмотря на неоднократное употребление словосочетания *ораветланский язык*, использовано «старое» наречие *по-чукотски* [Там же: 22] — после упоминания о ликвидации безграмотности среди ораветланского населения, но до указания на появление новых терминов в ораветланском языке. В заключение делается вывод, что преодоление старых социальных пережитков осуществляется не только в экономике, но также и в сознании трудящихся ораветланов [Там же]. Таким образом, всего имеется два вкрапления производных от «старого» этнонима применительно к новой эпохе. Трудно сказать, чем это вызвано; возможно, имела место недостаточная редакторская доработка текста по единообразию употребления нового этнонима применительно к современным реалиям. Кроме того, напрашивается вывод об искусственности введения в русский язык нового названия для народа, на протяжении длительного времени широко известного под совершенно иным именем.

У И. Ф. Крузенштерна встречается интересное образование прилагательного от существительного *Чукча* (все этнонимы пишутся им с прописных букв) — *Чукцкій*: «*Чечро-Тума*, верховная Глава[26] всего Чукцкаго народа съ двадцатью подчиненными ему старшинами и со знатнымъ числомъ Чукчей ожидалъ и встрѣтилъ Губернатора въ Каменномъ» [Крузенштерн

[26] *Глава* в значении ‘руководитель’ в то время могло употребляться в женском роде даже в отношении мужчин.

1810: 132]. Такая форма в русском языке не прижилась, но является весьма оригинальной. Трудно объяснить, с чем связано такое словоупотребление. Использует мореплаватель и близкую к сегодняшнему дню форму — *Чукоцкій*: «При семъ письмѣ получилъ я отъ него [брата губернатора Кошелева] собраніе Чукоцкихъ рѣдкостей и довольно немалой Словарь языка Чукчей, первой до нынѣ извѣстный сего языка» [Там же: 135].

А. В. Олсуфьев использует прилагательное *чукчскій*: «Большинство видѣнныхъ мною на Анюйской ярмаркѣ чукчъ носили волоса просто коротко остриженными, совершенно оставивъ вышеописанную чукчскую прическу», «Стараясь <…> выяснить вопросъ о прежней численности чукчскаго племени, я узналъ, что за послѣднія 50 лѣтъ не замѣчается уменьшенія числа стойбищъ», «<…> а стойбища ламутскія встрѣчаются, по большей части, между чукчскими» [Олсуфьев 1896: 104, 131, 141]. Такая форма не получила распространения, хотя она точнее маркирует отэтнонимическое происхождение прилагательного, нежели *чукотскій*: последнее может относиться не только к народу, но и к топониму *(Чукотка)*; у самого исследователя в книге неоднократно упоминается *Чукотский Нос*. Наречие, используемое А. В. Олсуфьевым от этнонима, — *по-чукчски* [Там же: 126].

Следует объяснить образование прилагательного *чукóтский* от существительного *чýкча*. К корню *чукч-* добавляется суффикс *-ск-*: *чукчск-*. Звук [ч’] — аффриката из [т’] и [ш’], контакт между корневым [ш’] и суффиксальным [с] даёт ассимиляцию в [с] по месту образования; контакт между корневым [т’] и суффиксальным [с] даёт ассимиляцию по твёрдости в [т], получается *чуктск-* [ч’уктск]. Вставной гласный [о] между [т] и [с] мог появиться по причине редкой сочетаемости в русском языке четырёх согласных звуков подряд, а также под влиянием формы родительного и винительного падежей множественного числа *чукóч* с ударением на *о*.

Представляет интерес особенность склонения этнонима в недавнем прошлом. После революции и вплоть до конца 1930-х — начала 1940-х годов существительное множественного числа *чукчи* в родительном и винительном

падежах стало часто употребляться в форме *чукоч*. Впоследствии — после Великой Отечественной войны — форма *чукчей* получила исключительное распространение и стала доминирующей в употреблении на практике.

До революции использовались оба варианта — в более поздний период с преимуществом в пользу *чукчей*. Так, И. Г. Георги в своём описании обитающих в России народов использует форму *чукчей*; найдено одно исключение — в главе про коряков: «*Корякскій языкъ* имѣетъ съ языкомъ *Чукчъ* и нѣкоторыхъ островскихъ жителей столь много общаго, но при томъ такъ же отмѣннаго и собственнаго столько, что съ равною справедливостію можно его почитать и нарѣчіемъ онаго, и со всемъ[27] особымъ языкомъ» [Георги 1799: 69]. С. П. Крашенинников употребляет форму *Чукочь* (см., напр.: [Крашенинников 1755б: 11, 146, 148, 243]). В. К. Войт также отдаёт предпочтение такому варианту: «[Камчатка] — это жилище Чукочь и Коряковъ», «[Павлуцкій] намѣренъ былъ наказать Чукочь за убіеніе прибывшаго съ нимъ пятидесятника Шестакова» [Войт 1855: 3, 19].

Исследователи со второй половины XIX века чаще придерживаются привычного сегодня варианта. А. И. Аргентов употребляет исключительно форму *чукчей* (см.: [Аргентов 1857: 82, 87–90 слл.; Аргентов 1861: 10–11, 15 слл.; Аргентов 1886: 10–14, 24 слл.]). У А. И. Аргентова не встречается употребление этнонима *чукчи* в родительном и винительном падежах в виде *чукоч*. Ф. П. Врангель также отдаёт явное предпочтение форме *чукчей* (см.: [Врангель 1841, I: 8, 12 слл.]).

Н. Л. Гондатти в «Оседлом населении реки Анадыра» чаще употребляет форму *чукоч*, однако спорадически встречается и *чукчей*, причём порой на одной странице представлены оба варианта (напр.: «<…> а у другихъ чукочъ, такъ называемыхъ бѣломорскихъ <…>», въ слѣдующемъ предложеніи, но

[27] Здесь и далее автор ошибочно пишет слово через *е* вместо правильного *ѣ*: *совсѣмъ*. В данном примере наречие написано раздельно, хотя на с. 91 — слитно. В целом слитное и раздельное написание одних и тех же слов в книге крайне непоследовательное.

абзацемъ ниже: «Вскорѣ послѣ пакульнейскихъ чукчей, подходитъ къ устью Майна и часть бѣломорскихъ» [Гондатти 1897б: 153]).

В. Г. Богораз изданный в 1901 году труд назвал «Очерк материального быта оленных чукчей» и везде в нём употребляет форму, соответствующую заголовку [Богораз 1901а: 5, 7–8 слл.]. Хотя, например, в «Материалах по изучению чукотского языка», изданных на год раньше, В. Г. Богораз использует вариант *чукоч* [Богораз 1900: I, III, V слл.].

Форма *чукоч* была употребительнее в прошлом — в XVII и XVIII веках. Например, в цитированном выше «Показании якутского служилого человека Петра Попова» в родительном и винительном падежах этноним выглядит именно так, причём с ерем на конце вместо ера: «<…> велѣно де ему Петру съ товарищи идти изъ Анадырского острогу внизъ по Анадырю рѣкѣ и собрать въ казну великого государя ясакъ съ рѣшныхъ Чюкочь, <…> а отъ устья Анадыря рѣки велѣно де ему Петру съ товарищи идти въ Носъ и провѣдывать немирныхъ Чюкочь <…>» [Показание 1882: 457].

Ещё более редкой является форма *чукч* — без беглого *о*. Такой вариант использовался А. В. Олсуфьевым в «Общем очерке Анадырской округи, её экономического состояния и быта населения» [Олсуфьев 1896].

После революции наметилась тенденция шире использовать форму *чукоч*; сам В. Г. Богораз следовал такому принципу. В авторизованном переводе монографии «Чукчи», изданном в 1934 году, применяется исключительно форма *чукоч*. Четвёртый том «Толкового словаря» Д. Н. Ушакова, вышедший в 1940 году, в качестве альтернативы форме *чукчей* приводит только вариант *чукч* (не *чукоч*), относя его к более редким [Ушаков, IV: 1305]. Впоследствии форма *чукоч* вышла из широкого употребления: «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томе, выпущенном в 1965 году, в родительном падеже приводит только форму *чукчей* [БАС-1, 17: 1194]. Однако формы *чукоч* и *чукч* сохранились, особенно в устной речи и неофициальной переписке.

Примечательно: и предисловие к первой части авторизованного перевода «Чукоч»[28], и «Краткий путеводитель» написаны и изданы в 1934 году, однако этноним, близкий к самоназванию чукчей, приводится в обоих изданиях различно. Это объясняется тем, что в чукотском языке употребляется два слова для самоназвания народа:

1) *о'равэтӆьат* 'люди' — в ед. ч. *о'равэтӆьан* [Чукотско-русский словарь 1957: 97; Инэнликэй 2006: 80], что нашло отражение в слове *ораветлан*, употребляемом в «Кратком путеводителе» [Краткий путеводитель 1934];
2) *ӆыгъоравэтӆьат* 'настоящие люди'— в ед. ч. *ӆыгъоравэтӆьан* [Инэнликэй 2006: 61] (транскрипция МФА — *ləɣʔorawətɬʔan*), в русской передаче *луораветлан*.

Таким образом, в одном случае в качестве нового этнонима предполагалось использовать слово в значении 'человек', в другом — 'настоящий человек'. В. Г. Богораз в «Чукчах» пишет *лу-ораветлан* через дефис, поскольку похожим образом это слово даётся им в «Луораветланско-русском словаре»: lu-oráwetlan *(сущ.)* чукча (букв., настоящий человек) [Богораз 1937: 113], хотя чукотско-русские словари [Чукотско-русский словарь 1957; Инэнликэй 2006], изданные позднее, приводят слово *ӆыгъоравэтӆьан* без дефиса.

Несмотря на попытку внедрить в русский язык этноним *луораветлан*, предпринятую во второе десятилетие советской власти, успехом она не увенчалась. На взгляд автора настоящего исследования, тому несколько причин.

Во-первых, этноним *чукчи* устоялся в русском языке. Скажем, эвены и эвенки, ранее именовавшиеся ламутами и тунгусами соответственно, зачастую

[28] Поскольку книга была издана в период господства флексии *чукоч* (нулевое окончание с появлением беглого *о* в корне), единственно употребляемой автором монографии после революции вообще и в частности в вышеупомянутом труде, целесообразно склонять название книги так, как склонял этноним *чукчи* Б. Г. Богораз.

этнически не дифференцировались и объединялись под общим этнонимом — тунгусы; данный факт не мог не сыграть в пользу того, чтобы дать двум народностям новые наименования в русском языке. Чукчи же чётко разграничивались от иных этносов, поэтому у исследователей не возникало путаницы при описании и изучении данного народа. Правда, А. К. Нефёдкин справедливо отмечает: «До XIX в. в русских источниках эскимосы не выделяются в отдельный этнос, а просто именуются „сидячими чукчами“» [Нефёдкин 2017: 34]. По предположению А. А. Бурыкина, это происходило оттого, что эскимосы вели свои переговоры по-чукотски [Бурыкин 2006: 216–217]. Н. Б. Вахтин, в подтверждение версии А. А. Бурыкина, замечает: «[Ч]укотский вообще был, по-видимому, чем-то вроде *lingua franca* для всего огромного региона от Берингова пролива до Колымы и от Северного Ледовитого океана до Пенжинской губы» [Вахтин 2013: 347]. При таких обстоятельствах русские, в XVII и XVIII столетиях поверхностно знакомые с местными народами, могли воспринимать как чукчей всех говорящих по-чукотски. По словам А. К. Нефёдкина, отождествление эскимосов с оседлыми чукчами имело место лишь до начала XIX века [Нефёдкин 2017: 35]; с тех пор наука шагнула далеко вперёд и провела чёткую этническую, этнографическую и лингвистическую грань между двумя народами, получившими в русском языке собственные этнонимы.

Во-вторых, «переименовали» только чукчей, но не сменили топонимику. К примеру, в 1930 году был образован Охотско-Эвенский национальный округ с Северо-Эвенским районом в его составе; данные хоронимы сыграли определённую роль в вытеснении этнонима *ламут* и замене его на новый — *эвен*. Топонимы, образованные от этнонимов *луораветлан* или *ораветлан*, на карте не появились; в то же время широко были представлены наименования, производные от этнонима *чукча*. Чукотский полуостров, названный так в 1728 году В. Берингом по имени населявшего его народа [Леонтьев, Новикова 1989: 415], советской властью переименован не был — насколько известно, на официальном уровне не предпринималось даже таких попыток. Уже один

данный факт способствовал сохранению прежнего этнонима. Кроме того, постановлением ВЦИК от 10 декабря 1930 года «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» был создан Чукотский национальный округ (ныне — Чукотский автономный округ); тремя годами ранее на территории Чукотского полуострова образован Чукотский район. Далее: в середине 1930-х — в тот период, когда В. Г. Богораз писал, что чукчи именуются луораветланами, — постановлением ЦИК СССР от 27 июня 1935 года закреплено официальное название Чукотское море (выделено из состава Восточно-Сибирского моря). Законодатель не вводил слово *луораветлан* в топонимику Северо-Востока, не фигурирует оно и в нормативных актах тех лет, касающихся народов Крайнего Севера.

В-третьих, при переписях населения в графе «Национальность» указывалось «чукча», а не «луораветлан». Не случайно в «Народах Сибири» сказано: «Однако в статистике и во всех вообще официальных документах (записи в паспорте и пр.) применяют термин „чукча“ (ж. р. „чукчанка“); только в Нижнеколымском районе Якутской АССР термин „луораветлан“ привился в официальной статистике, но и там он совершенно не употребляется в живой речи» [Народы Сибири 1956: 896]. Статистические данные могут не отражать сведения об употреблении этнонима — они лишь фиксируют количество представителей определённого народа. В той же книге страницей ниже упоминается, что по переписи 1926–1927 годов в Нижнеколымском районе жило всего около 300 (трёхсот) чукчей. При такой малочисленности этнической группы и удалённости её от остальной части народа местные власти с высокой долей вероятности могли указывать в статистических данных этноним — самоназвание народа, не имеющее хождения в русском языке.

Данные факты свидетельствуют о непоследовательности «переименования» народа: с одной стороны, предпринимаются попытки ввести новый этноним в научной литературе, с другой — не осуществляются мероприятия по его широкомасштабному внедрению в практику. Более того,

топонимы, появившиеся в те годы, образуются исключительно от слова *чукча*. При данных условиях этноним *луораветлан* не мог прижиться в русском языке и вытеснить этноним *чукча*.

Таким образом, попытка введения нового названия народа была обречена на неудачу. В лингвистическом поле предпринимались конкретные шаги по внедрению этнонима *луораветлан*; он попал в советский толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова. Во втором томе, вышедшем в 1938 году, отражены две формы этнонима — *луораветла́ны* и *ораветла́ны* — и дано следующее пояснение: «Палеоазиатская народность, населяющая Чукотский полуостров. [Прежнее название — чукчи.]» [Ушаков, II: 97]; в четвёртом томе того же словаря слово *чукчи* объяснено таким образом: «То же, что луораветланы» [Там же, IV: 1305], т. е. этноним *чукчи* маркирован в качестве использовавшегося в прошлом.

Сегодня можно по праву не согласиться с Д. Н. Ушаковым. Официальное использование слова *чукчи* на властном уровне (в законах, переписях населения и проч.), в новой топонимике, а также в хозяйстве и быту опровергает мнение учёного об отнесённости этнонима исключительно к прошлому, вынесенное им в фундаментальный лексикографический справочник советской эпохи; временной разрыв в словоупотреблении отсутствует. «Прежнее» название, как охарактеризовал его Д. Н. Ушаков, никогда не выходило из широкого употребления. При этом в первой половине XX века у этнонима не было экспрессивных значений в русском языке ‘наивный человек, простак’, т. е. отпадала необходимость сменить название в связи с возможными негативными коннотациями. Нынешняя многозначность лексемы *чукча* не мешает обозначать народ: все экспрессивные значения находятся вне литературного языка.

Таким образом, попытка смены этнонима не увенчалась успехом ввиду несогласованности действий со стороны властей и научного сообщества. Ныне, как и века назад, чукчи именуются в русском языке чукчами.

3.9. Эвенки

Этноним: м. р. *эве́нк* (орфоэпические варианты: [эв’е́нк] и [эвэ́нк]), мн. ч. *эве́нки*; ж. р. *эвенки́йка*, мн. ч. *эвенки́йки*; прил. *эвенки́йский*.

Эвенки проживают на огромном пространстве от реки Енисея до Охотского моря, частью представлены они и на Северо-Востоке. Численность эвенков России составляет более 31 000 человек. Живут они также в Китае и Монголии.

Расселённость эвенков на значительных географических пространствах обусловливает разнообразие региональных названий. Поскольку настоящая работа посвящена этнонимии Северо-Востока России, основное внимание в данном параграфе будет уделено общим эвенкийским этнонимам, имеющим хождение на обозначенной территории, — с экскурсом в микроэтнонимы эвенков, проживающих в России, но за пределами Северо-Востока.

Существует множество самоназваний эвенков, но наиболее широко распространённым, как указывает исследовательница Г. М. Василевич, являются *эвэн, эвэнки* [Василевич 1969: 11]. Официально в русский язык этноним *эвенки* (и *эвены* для родственного народа, наряду с названиями большинства народов Севера) был введён в конце 1920-х — начале 1930-х годов [Сирина 2004: 250]. Г. М. Василевич указывает, что эвенки как единое название для целого народа закрепилось в 1931 году [Василевич 1969: 3]. До революции общим названием эвенков в русском языке было *тунгусы*, причём в данную группу часто включались и иные народы, говорящие на тунгусо-маньчжурских языках, в частности эвены (ламуты) и даже негидальцы.

Этническая идентичность тунгусов не была чётко сформирована ни в момент встречи их с русскими, ни позже — вплоть до XX века; именно поэтому представлялось затруднительным чётко разграничить их, выделив из аморфного образования гетерогенные группы: тунгусы были неоднородны в этническом и этнонимическом отношении. А. А. Сирина верно отмечает, что Российское государство столкнулось с бродячим тунгусским населением, не сложившимся в конкретный народ, а представленным семьями, патронимиями,

родами, общинами и племенами, значительно удалёнными друг от друга, в соседстве с иноэтническими группами [Сирина 2012: 32]. Данное обстоятельство определило множественность и многозначность этнонимов тунгусов. Ни один малочисленный народ Севера не имеет столько локальных экзоэтнонимов, как тунгусы (современные эвенки, частью эвены). Имея большое количество территориальных групп, разбросанных по всей Восточной Сибири, в неоднородном соседстве, тунгусы назывались соседями различно. Одна и та же группа тунгусов благодаря постоянным перекочёвкам, следствием которых являлись контакты с народами самых различных языковых групп, получала разные названия; отсюда такая множественность тунгусских этнонимов.

В первую очередь следует рассмотреть этноним *тунгус*.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова включает два толкования лексемы *тунгусы*: «1. Народность, живущая в Восточной Сибири, то же, что эвенки; 2. Общее название группы народностей, состоящей из собственно тунгусов, орочон и маньчжуров» [Ушаков, IV: 827]. Написание *тунгузы* признаётся этим словарём устаревшим (четвёртый том вышел в свет в 1940 году).

Следует отметить, словарь Д. Н. Ушакова фиксирует два значения лексемы *тунгус*: в качестве обозначения эвенков, т. е. этнической общности; в качестве обозначения этноязыковой общности. В целом, Д. Н. Ушаков прав: словосочетания *тунгусские народы* и *тунгусо-маньчжурские народы* используются до сего дня в целях обозначения говорящих на тунгусо-маньчжурских языках [Белянская 2004: 14].

Пятнадцатый том «Словаря современного русского литературного языка», изданный на 15 лет позднее заключительного тома словаря Д. Н. Ушакова, указывает только, что *тунгусы* — устаревшее название эвенков. Никакого упоминания об этноязыковой общности в статье про тунгусов не имеется. Данный словарь, вслед за словарём Д. Н. Ушакова, также фиксирует вариант *тунгузы* в качестве устаревшего [БАС-1, 15: 1132].

По замечанию Г. М. Василевич, с названием *тунгус* русские впервые познакомились в XVI веке: «Как народность тунгусы упоминаются в 1581–1583 гг. в описании Сибирского царства» [Василевич 1969: 9].

Относительно этимологии наименования *тунгус* учёными выдвигалось несколько гипотез.

Самой ранней является версия о происхождении этнонима от татарского слова со значением ‘свинья’. Такое имя было дано якобы потому, что татары, являясь мусульманами, презирали свиней; давая такое имя, татары, по словам И. Г. Георги, «хотѣли конечно изъяснить ихъ [тунгузовъ] уничиженность и гадкое житіе» [Георги 1799: 33]. Данная версия дожила до XX века и даже нашла своё отражение в «Этимологическом словаре» М. Фасмера: «Скорее всего, от тюрк. toŋguz „свинья“, потому что многие тунгусы (= эвенки) занимаются свиноводством» [Фасмер, IV: 120].

Однако ещё в XVIII столетии И. Э. Фишер критично относился к концепции И. Г. Георги. Он писал: «О произхожденіи имени Тунгузъ разныя имѣемъ мы мнѣнія. Сочинитель примѣчаній *Абул-газа*[29] думаетъ, что сіе имя дано имъ въ посмѣяніе отъ Калмакъ и западныхъ Моголъ [калмыковъ и западныхъ монголовъ], понеже они *ѣдятъ свиней*. Однако Тунгузъ есть не Монгальское, а Татарское названіе сего животнаго» [Фишер 1774: 69].

Действительно, версию об этимологической связи слова *тунгус* с монгольским словом со значением ‘свинья’ следует отвергнуть. Как справедливо замечает В. А. Туголуков, тунгусы не могли есть свинины, поскольку большинство их жило охотой на диких животных и вело кочевой образ жизни, исключающий разведение домашних животных, требующих стойлового содержания [Туголуков 1970а: 204]. Действительно, свиней разводили исключительно оседлые народы, поскольку в отличие от оленей, овец и коней свинья на большие расстояния не передвигается.

[29] Абулгази, или Абу-ль-Гази, — хавинский хан, автор истории тюрков.

А. Е. Аникин пишет, что русские попали в места обитания тунгусов с территорий, населённых самодийцами, от которых и позаимствовали данный этноним. По мнению учёного, слово *тунгус* происходит из тундренного диалекта ненецкого языка: *tuŋgus* (*tuŋguq*) (мн. ч. *tuŋgos* (*tuŋgoq*)) ‘тунгус’, восходящее к ненецкому **tïŋko-s* от селькупского **tïn* + *qum* (в северных диалектах селькупского языка *tïn qum* значит ‘татарин’, буквально ‘татарина человек’). Селькупский язык, по А. Е. Аникину, образовал полукальку/ полузаимствование из кетского, где *dë* + *ket* (ед.), *dë* + *deŋ* (мн.) значит ‘ненец’. Этнонимическая функция словосочетания была вторичной, но весьма древней; один из компонентов обозначал неприятеля, недруга, а второй — человека, людей [Аникин 2000: 566]. Версию об этимологической связи этнонима с тюркским названием свиньи учёный справедливо признаёт совершенно несостоятельной. А. Н. Варламов, как и А. Е. Аникин, считает наиболее вероятной и научно обоснованной гипотезу о самодийском (ненецком) происхождении этнонима *тунгус*; свои взгляды он обосновывает, опираясь на материалы ненецкого языка и фольклора [Варламов 2020: 75].

Подводя итог, следует сказать: версия о ненецком происхождении этнонима *тунгус* весьма правдоподобна, однако существуют и другие мнения, имеющие неменьшее право на достоверность.

Так, А. И. Шиманьский в начале XX столетия провёл масштабное изучение происхождения этнонима *тунгус*. В статье, обобщающей его исследования, учёный отмечает: «Хотя нынѣ повсемѣстно принята форма тунгусъ, легко убѣдиться, что это чуждая тюркамъ передѣлка. Для этого достаточно найти несомнѣнную форму въ несомнѣнно-тюркскомъ, хотя бы только одномъ нарѣчіи. Въ языкѣ якутскомъ названіе это звучитъ тонгусъ <…>. Вѣрность передачи здѣсь, значитъ, несомнѣнна, а разъ это имѣется, то <…> единственно правильной и чистой транскрипціей слѣдуетъ признать якутскую форму — тонгусъ» [Шиманьский 1906: 110–111].

Этноним *тунгус*, по А. И. Шиманьскому, состоит из двух слов — *тонг* ‘мёрзлый’ и *ӯос* ‘верхняя губа’.

«Тонг-уос первоначально означало: по отношенію къ человѣку, человѣка съ мерзлой, какъ бы отвердѣвшей губой, человѣка, какъ бы говорящаго невнятно, неразборчиво, непонятно, человѣка[,] не понимающаго по-татарски, по-якутски, однимъ словомъ, того человѣка, котораго древніе славяне назвали *нѣмцемъ*. Вѣрнѣйшій поэтому и кратчайшій для насъ переводъ этого слова будетъ: нѣмецъ — это истинное значеніе слова по отношенію къ человѣку» [Там же: 111].

Версия А. И. Шиманьского представляется в целом убедительной, но не опровергающей безусловно версию А. Е. Аникина. Крупный исследователь эвенков и эвенов в XX веке, В. А. Туголуков подтверждает доводы А. И. Шиманьского своими полевыми изысканиями и неоднократно приводит слова информантов о том, что *тонг* означает на якутском ‘мёрзлый’ (в современной записи — *тоҥ* [Якутско-русский словарь 1972: 390]); также приводились слова-синонимы *тонгустар, тонголи, тонголоар* ‘совсем непонимающий; тёмный, невежественный’: такими должны были казаться эвенки якутам [Туголуков 1970а: 208].

В якутском языке *тоҥус* означает ‘эвенк’, правда словарь отмечает данное слово в качестве разговорного [Якутско-русский словарь 1972: 390].

Впоследствии тюркские племена убедились в неудобоприменяемости ко всем чуждым народностям одного общего наименования, и оно было оставлено за теми, кто первоначально так назывался. А. И. Шиманьский пишет о том, что якуты, оторванные от остальных тюрков, жили в местах, где никаких иных народов кроме тунгусов не было. Поэтому при появлении русских якутами они «названы прямо сначала тонг, а потомъ, когда стало извѣстнымъ ихъ тунгусское прозвище луччи, — тонг-нучча, дословно русскій тунгусъ» [Шиманьский 1906: 115]. В заключение А. И. Шиманьский делает вывод, что тюрки «окрестили своихъ тунгусовъ логичнѣе, чѣмъ мы нѣмцевъ. Мы людей говорящихъ назвали нѣмцами, они — людьми, говорящими невнятно» [Там же: 116]. С последним трудно не согласиться.

Однако Э. К. Пекарский критично относится к концепции А. И. Шиманьского. Он указывает, что правильнее было бы производить название тунгуса от сибирско-татарского слова *тонгуш* в значении ‘первородный’, поскольку каждый народ на первобытной ступени своего развития считает себя первородным и присваивает себе наименование человека [Пекарский 1907: 212]. По мнению Э. К. Пекарского, вопрос о происхождении названия *тунгус* оставался в то время открытым. Стопроцентно достоверной версии не имеется и до сего дня.

Представляется, что наиболее вероятной является или версия А. И. Шиманьского, трактующего этноним в значении ‘невнятно говорящие’, или же — поскольку слово *тоҥ* означает в якутском языке ‘мёрзлый’ — версия о значении этнонима ‘мёрзлые люди’, т. е. живущие в суровых климатических условиях.

По мнению многих исследователей, якуты имеют южное происхождение (см.: [Гоголев 2004: 54–55]). С. И. Боякова указывает: «Тюркоязычные племена переселились на территорию современной Центральной Якутии в XIV–XV вв., оттеснив и частично ассимилировав местные, преимущественно тунгусоязычные племена» [Боякова 2001: 17]. Тюркские племена, послужившие субстратом в образовании якутского народа, придя с юга на новую территорию, встретили тунгусские племена, живущие в суровом климате и говорящие на непонятном языке. Этим может объясняться двоякость значения лексемы *тоҥ*.

Сам по себе этноним *тунгус* в прошлом не принадлежал одному этносу, — до революции им обозначали все тунгусоязычные народы.

В Эвенкии «тунгусами» называли оленных эвенков или эвенков-охотников, значительную часть времени проводящих в тайге, а собственно эвенками — оседлых поселковых. В этом делении есть логика: название *тунгусы* применялось как официальное к бродячим и кочевым инородцам, когда они и были таковыми; с введением официального этнонима *эвенки*

начался целенаправленный процесс их перевода в оседлость, который в значительной степени удался [Сирина 2012: 139].

Одним из самоназваний эвенков является *орочон*. Данный этноним распространён в Забайкалье; он перекликается с именованием *ороч* у эвенов Охотского побережья, о котором речь пойдёт ниже в соответствующем параграфе.

Как указывает А. Ф. Старцев, этнические названия *орочен, орочён, орочоны, орочи, орочолы, ороки* и др. в значении ‘оленеводы’ тесно связаны с термином *орон*, которым в тунгусо-маньчжурских языках обозначается домашний олень [Старцев 2015: 99]. Распространение таких схожих названий среди современных эвенков, эвенов, негидальцев, орочей и ороков свидетельствует об их общем происхождении: все они говорят на языках тунгусо-маньчжурской группы. С. К. Патканов поясняет в связи с этим: «Дѣйствительно, „орончонъ, орочонъ или ороченъ“ представляетъ изъ себя испорченное манчжурское слово „орунчунъ“, означающее „оленный народъ“ <…>» [Патканов 1906: 2].

Следует не согласиться с С. К. Паткановым относительно происхождения этнонима на маньчжурской основе. В. А. Туголуков отмечает по этому поводу: «[Е]сли смысловой основой этнонима *орочён* служит тунг. *орон*, то такой этноним должен считаться не маньчжурским, а тунгусским. Заимствовав у тунгусов данный термин, маньчжуры пользовались им в собственной огласовке, произнося как *ороньчо* или *ороньчон*» [Туголуков 1996: 44]. Заимствовав слово *орочон*, маньчжуры стали называть так северных тунгусов, а вслед за ними — китайцы, монголы и русские, а также и тунгусы Забайкалья [Сирина 2012: 43].

Функционирование этнонима *орочон ~ орончен* было зафиксировано за оленными эвенками. Поручик Орлов указывал, что тунгусы и орончены означают одних и тех же бродячих инородцев, а второй этноним распространён по рекам Олёкма, Тунгир, Нюкжа, Ольда и по берегам Амура [Орлов 1858: 193]. Н. М. Добромыслов замечает, что *орочены* — бродячее

инородческое племя Баргузинского уезда, по образу жизни и отчасти по языку состоящее в родстве с другими инородческими племенами Восточной Сибири и Приамурья, но не имеющее ничего общего с бурятами [Добромыслов 1902: 78]. Этноним *орочен ~ орочон ~ орончон* возник как обозначение определённой хозяйственной деятельности на стыке этнокультурных ареалов, а затем стал использоваться как этнический определитель [Сирина 2012: 44–45].

Сегодня слово *орочоны* (с учётом различий в произношении и правописании) в незначительном распространении фигурирует в качестве микроэтнонима в месте исторического хождения — в Забайкалье и Приамурье.

В Забайкалье же среди эвенков единично встречается этноним *мурчены*. Как отмечает Г. М. Василевич, термин *орочен* образовался по типу *мурчен* ‘коневод’ при помощи монгольского суффикса *-чен*, обозначающего имя деятеля [Василевич 1969: 12].

Буряты и монголы называют эвенков *хамнеган ~ хамниган ~ хамныган*. Это название относится не к оленным, а к конным эвенкам [Туголуков 1970а: 214]. Между собой эвенки так себя не называют, но, по замечанию А. А. Сириной, на вопрос бурята о национальной принадлежности могут назваться хамнеган, сами себя называя эвенками [Сирина 2012: 49].

Среди эвенков Катангского района, восточной части современного Эвенкийского района Красноярского края, а также верховьев Лены был распространён этноним *илэ* ‘человек’. По мнению Г. М. Василевич, этимология термина связана с тюркским словом *ил ~ ел*, употребляемым в значении ‘народ, племя, семья’ [Василевич 1969: 12]. А. А. Сирина замечает на этот счёт, что этноним *илэ* не всегда был вариантом самоназвания, а использовался в широком значении ‘человек другой национальности’ (т. е. неэвенк) или же просто ‘человек вообще’ [Сирина 2012: 52].

Другие региональные этнонимы эвенков — *хундысал ~ хундышал* ‘хозяева собак’, *манегры, бирары* (последний в России не зафиксирован, но встречался в прошлом на нашей территории).

В начале 1930-х годов власть взяла курс на смену этнонима *тунгус* на самоназвание. В этом была определённая целесообразность: тунгусами называли различные группы, не всегда этнически однородные. Правда, возможен был и вариант обособления самобытных единиц с фиксацией за ними новых имён и оставлением этнонима *тунгус* за теми, кто сегодня известен как эвенки. Однако лейтмотивом смены имён народов в русском языке было стремление называть каждый из них по самоназванию; при таком обстоятельстве этноним *тунгус* был явно неподходящим.

Наиболее распространённым самоназванием среди эвенков было *эвэнки*, на его основе в русский язык было введено новое слово — обозначение народа Севера.

А. А. Бурыкин замечает относительно данного самоназвания: «Если этноним *эвэнки* является достаточно старым и он распространён в той области, где тунгусские народы давно и интенсивно контактируют с монголоязычными и тюркоязычными народами, то не так уж невероятно предположение, что элемент *-ки* в этом названии соотносится с тюрко-монгольским суффиксом прилагательных с пространственным значением, который в тюркских языках выглядит как *-кы/-ки*, в монгольских — как *-хи*. Значение этнонима *эвэнки* ‘здешний, местный’ с добавлением этого суффикса остаётся тем же самым, лишь усиливается его пространственная ориентированность. Таким образом, если подчеркнуть контраст в значениях названий *эвэн* и *эвэнки*, то форма *эвэнки* могла бы быть объяснена как ‘здесь находящийся’, ‘здешний’» [Бурыкин 2006: 163].

По замечанию Г. М. Василевич, самоназвание *эвенки* впервые упоминается в XVII веке [Василевич 1969: 11]. Въ «Актахъ, относящихся до возмущенія Тунгусовъ и злоупотребленій начальныхъ людей въ Охотскѣ» встречаются названия родов (выделены в тексте мною. — *М. Т.*): «И собрался онъ Некрунко со всѣмъ родомъ своимъ съ Годниканы съ оленными и съ пѣшими, <…> и *Евъянки* и Лелтягири оленные и пѣшіе, <…> и Кантагири и Гульгири и Унахтагири и иныхъ родовъ многіе Тунгусы <…>»; «а ихъ

Тунгусовъ побили на приступѣ и на вылазкѣ Некрункова брата Бѣшку да *Евьянскаго* оленнаго Тунгуса Келлу, и иныхъ Тунгусовъ многихъ ранили» [Акты 1859: 279, 280].

Ниже пойдёт речь об этимологии этнонима *эвэн*, на основании которого русский язык обогатился названием родственного эвенкам малочисленного народа Севера. В целом близость наименований *эвэн* и *эвэнки* сомнений не вызывает; более подробно данный вопрос будет рассмотрен в следующем параграфе — вкупе с описанием этнонима *эвен*.

Как отмечает В. Г. Туров, этногенез «эвенкийской народности» завершился к началу XX века, а постановление ЦИК РСФСР 1930 года, официально введшее этноним *эвенк*, подтвердило и закрепило бытующее у разных групп общее самоназвание [Туров 2008: 159].

Действительно, если бы этноним *эвенк* был совершенно чуждым, его бы не смогли принять различные субэтнические группы тунгусов, такие как орочены, илэ и другие. Это свидетельствует о том, что такое самоназвание было распространено довольно давно, поэтому прижилось легко и безболезненно.

А. А. Сирина делает следующее заключение: «В середине XX в. название „эвенки“ стало привычным в официальных документах, научной литературе, в среде самого народа, что отразило процесс формирования единого этнического самосознания» [Сирина 2012: 55].

Таким образом, формированию национальной идентичности эвенков способствовало принятие единого общего этнонима. Региональные названия и самоназвания сохранились до сего дня, но они имеют второстепенный статус в сравнении с общим устоявшимся именем *эвенки*.

3.10. Эвены

Этноним: м. р. *эве́н* (орфоэпические варианты: [эв’е́н] и [эвэ́н]), мн. ч. *эве́ны*; ж. р. *эве́нка*, мн. ч. *эве́нки* (совпадает со мн. ч. этнонима *эвенк*); прил. *эве́нский*.

Территория обитания эвенов обширна и простирается по всему Северо-Востоку России: это Магаданская область, Чукотка (Анадырский и Билибинский районы), северная часть Камчатского края, северо-восток и юг Якутии. Общая численность — около 22 000 человек. Эвены никогда не имели компактного места проживания, что объяснялось кочевым образом жизни. Как результат, эвенский язык подразделяется на множество диалектов, отличающихся не только фонетикой, но и лексическим составом.

Кроме языковых различий, эвены, проживающие в той или иной природной зоне, именуются сородичами по-разному — чаще всего в зависимости от рода занятий, ведущегося с учётом ландшафта и климата. Можно констатировать, что для представителей данного этноса существуют разные региональные этнонимы, а общий этноним *эвен* объединяет все географические группы в одно целое — по общему языку и происхождению. Разумеется, местные названия и самоназвания имеют хождение не только среди самого эвенского этноса — их заимствовали ближайшие соседи эвенов, в том числе говорящие по-русски.

Имеются в русском языке также и устаревшие наименования эвенов, ныне встречающиеся в научной литературе и хрониках прошлых веков; эти имена не являются самоназваниями.

Описание эвенских этнонимов целесообразно начать с использовавшихся в прошлые эпохи — в соответствии с хронологической последовательностью, а затем перейти к рассмотрению региональных названий эвенов, часто привязанных к географии преимущественного проживания.

Одно из первых известных науке наименований эвенов — *ламуты* (более старая форма *ламутки*), встречается в письменных источниках с середины XVII века. Так, в «Отпискѣ Ленскихъ воеводъ Петра Головина и

Матвея [30] Глѣбова» упоминается поход Постника Иванова 1638 года. В документе сказано следующее: «А на вершинѣ, государь, Янги [Яны] рѣки живутъ Тунгусы именемъ Ламутки» [Отписка 1846: 241]. Происхождение данного этнонима сомнений не вызывает: *ламу ~ лам* на эвенкийском языке означает ‘море’. В XVIII веке об этом писал Яков Иванович Линденау: «Ламуты, которые, без сомнения, происходят от оленных тунгусов, называют себя ламутами. Это имя возникло в то время, когда у оленных тунгусов вымерли все олени и они осели у моря, которое на их языке называется Лам» [Линденау 1983: 53]. А. Е. Аникин в «Этимологическом словаре русских диалектов Сибири» описывает значение слова *ламут* — ‘эвен’, помечает его как литературное и устарелое, а также разъясняет происхождение: «Связано с тунг. назв. моря — эвенк. *лāму*… эвен. *нāм*… < тунг. **lāmu*» [Аникин 2000: 350]. Составитель словаря делает предположение, с каким водным объектом слово могло первоначально связываться: «Тунг. **lāmu* относилось, вероятно, к Байкалу (ср. эвен. *лāму ~ лāм ~ лāмэ ~ нāм* ‘море; название озера Байкал’) и было занесено на Север предками совр. эвенов» [Там же]. Вывод же следует однозначный и научно достоверный: «Так или иначе, этимологически *л˚* (ламут. — *М. Т.*) = ‘помор’» [Там же: 351].

Если переводить буквально, слово *нам ~ лам* в тунгусских языках означает ‘тепло’ и ‘тепло несущее’; так эвены и эвенки называли большие водоёмы, например Охотское море и озеро Байкал [Сирина 2012: 40]. И действительно, в регионах с суровым климатом, к коим относится Восточная Сибирь, местности, соприкасающиеся с крупными водоёмами, по площади сравнимыми с морями, зимой испытывают меньшее понижение температуры; в сравнении с горной местностью и тайгой зима здесь относительно тёплая. Данное обстоятельство объясняет этимологию слова.

Следует также отметить, что до революции встречалось именование эвенов *тунгусами* — с полным или частичным отождествлением последних с

[30] Так написано.

родственными им эвенками. Одни авторы прошлых эпох, относя ламутов к тунгусам, всё же отмечали неполную тождественность данных этнонимов, другие же ставили между ними знак равенства.

Так, Я. И. Линденау в «Описании народов Сибири» называет ламутов (эвенов) *пешими тунгусами* [Линденау 1983: 53], хоть и отличает их от собственно тунгусов. С. П. Крашенинников пишет: «Тунгусы или Ламутки[,] собравшись человѣкъ до 50 и больше[,] выѣжжаютъ въ лодочкахъ на море <…>» [Крашенинников 1755а: 339]. А. Н. Радищев в «Сокращённом повествовании о приобретении Сибири» отмечает: «Пятаго поколѣнія народы суть: Тунгусы <…>. Тунгусы, раздѣляющіеся на многіе роды и поколѣнія, къ которымъ принадлежатъ Ламуты, то есть: поморскіе жители, кочуютъ отъ Енисея до предѣловъ Китайскихъ и до береговъ Охотскаго моря» [Радищев 1909: 188]. Таким образом, в понимании А. Н. Радищева ламуты относятся к тунгусам, хоть и упоминаются отдельно, в отличие от других «родов» и «поколений», о которых ничего не сказано.

Статистик и этнограф С. К. Патканов не считал тунгусов и ламутов разными народностями, а видел в них одну и ту же ветвь тунгусского племени. Исследователь ключевое внимание уделил «морскому» происхождению этнонима и на данном основании строил свои выводы. С. К. Патканов писал: название *ламуты* «обыкновенно примѣняется самими тунгусами для тѣхъ изъ своихъ сородичей, которые живутъ около моря, такъ какъ „ламуты“ <…> означаетъ не болѣе какъ „прибрежные или приморскіе жители“» [Патканов 1906: 23]. Анализируя данные переписи населения 1897 года по Петропавловской округе (территория современного Камчатского края), где тунгусы и ламуты значатся порознь, С. К. Патканов замечает: «Но, какъ сказано выше, нѣтъ никакого основанія предполагать въ этой двойственности особыя племена тунгусовъ» [Там же: 31–32].

Учёные, путешественники и ссыльнопоселенцы XVII, XVIII и XIX веков, запечатлевшие свои исследования в письменном виде, выделяли ламутов на общем фоне, относя их при этом к тунгусам. Правда, нельзя говорить и о

полном отождествлении этнонимов *ламут* и *тунгус*: носители первого включаются в более широкое этническое образование, но в качестве существенного отличительного признака указывается на приморское проживание ламутов. Однако для точной этнической дифференциации народов, называемых сегодня эвенами и эвенками, этого явно было недостаточно: эвены живут не только у моря. Таким образом, можно констатировать, что вплоть до XX века ламуты в отдельный этнос не выделялись, а так или иначе соотносились с тунгусами. Результатом было смешение этнонимов и непоследовательное их употребление.

Безусловно, и эвены, и эвенки имеют общее происхождение. Языки обоих этносов относятся к тунгусо-маньчжурской группе, на основании чего их правомерно называют — с лингвистической точки зрения — тунгусскими народами. М. Х. Белянская отмечает: «Эвены представляют собой этнос, наряду с эвенками и негидальцами принадлежащий к северной ветви тунгусов, однако в историко-этнографической литературе до начала 1930-х гг. их обычно не выделяли в самостоятельную этническую единицу» [Белянская 2004: 15].

Применение одного этнонима для двух этносов было неудобно не только для научных, но и практических целей, поэтому в XX веке окончательно отказались от использования названия *тунгусы* в отношении и эвенов (с прилагательным *пеший* или без), и эвенков.

Эвенки — близкородственный эвенам, но всё же не тождественный им народ; в настоящее время с научной точки зрения они рассматриваются как различные этносы, хоть и имеющие общее происхождение. Я. И. Линденау, несмотря на отождествление тунгусов с ламутами («Описание пеших тунгусов, или так называемых ламутов» [Линденау 1983: 53]), всё же не ставит между ними знак равенства и правильно замечает с филологической точки зрения: «Их [ламутов] язык отличается от языка тунгусов» [Там же]. Например, *море* по-эвенски *нам* [В. А. Роббек, М. Е. Роббек 2005: 187], в отличие от эвенкийского *ламу ~ лам* [Василевич 1958: 233] (последнее — диалектная

форма), из которого и происходит слово *ламут*. Безусловно, слова́ имеют этимологическую связь: переход *л* в *н* объясняется тем, что в эвенском языке незаимствованные лексические единицы не могут начинаться на звук [л].

В. А. Туголуков полагал, что этноним *ламуты* возник среди самих тунгусов как название, отличающее их группы, жившие у моря, от тех групп, что обитали в горной тайге [Туголуков 1970а: 210]. А. А. Сирина делает вывод: «Таким образом, этноним *ламут* базировался на территориальном признаке, в котором подразумевалась также хозяйственная специфика и образ жизни (оседлый или сезонно-оседлый). Первоначально, по-видимому, он употреблялся самими тунгусоязычными народами для обозначения приморских жителей, а позже или наряду с ними его восприняли другие народы, и этот этноним стал употребляться для внешнего пользования» [Сирина 2012: 41].

Из вышеизложенного очевидно, что этноним *ламут* являлся географически ограниченным — применявшимся к эвенам, обитающим у морских берегов; данное обстоятельство делало его не совсем точным для маркировки места проживания этноса.

Разумеется, географическая достоверность не самое главное требование для наименования народа: весьма часто соседей именуют по одному какому-либо признаку, и такой этноним становится затем общепринятым. Или же весь этнос может получить наименование по названию племени или субэтнической группы, входящих в него[31].

Следует сказать, что происхождение этнонима *ламуты* от эвенкийского слова *ламу* (диал. *лам*) ‘море’ не делало его неподходящим, почему он успешно использовался для наименования тунгусской народности на протяжении нескольких столетий — с XVII по XIX включительно. Переход на новый этноним произошёл в первой половине XX века — после революции. Оценивая исторические реалии, следует предположить, что решение о смене

[31] Так, во французском языке немцы называются Allemands, а Германия — Allemagne, по исторической области Алемания и проживавшим там алеманнам.

наименования коренного малочисленного народа Севера принималось по причине того, что *ламуты* — не самоназвание (или, во всяком случае, не самоназвание значительной части этноса), географическая же неточность (эвены живут не только на побережье моря) сыграла здесь далеко не ведущую роль. В тот же исторический период была попытка заменить привычный и научно устоявшийся этноним *чукча* на близкий к самоназванию *луораветлан*, но он в русском языке не прижился.

Дело в том, что этноним *ламут* до революции не закрепился в качестве единственно точного, охватывающего всех тех, кого сегодня принято называть эвенами. Кочевые тунгусоязычные племена и роды, совершая передвижения и вступая в контакты с новыми соседями, подвергались культурному влиянию и могли принимать новые имена для маркировки с целью отличия себя от своих же сородичей, обитающих в иной местности. Об этом пишет, в частности, А. В. Олсуфьев: «Это племя до сихъ поръ оффиціально[32] носитъ два названія: въ Охотскѣ, Гижигѣ и Камчаткѣ они почему-то какъ между русскими, такъ и въ офиціальной[32] перепискѣ, носятъ названіе *тунгусовъ*, тогда какъ тѣ же люди, перекочевавъ по другую сторону Станового хребта, въ Якутской области называются *ламутами*; тунгусами же тамъ называютъ вымирающее теперь племя оленеводовъ, кочующихъ по крайнему сѣверу Сибири — между Леной и Колымой» [Олсуфьев 1896: 133].

Если бы чёткое этническое разграничение было проведено ранее, следствием чего стало бы прекращение смешения понятий *тунгус* и *ламут*, — последнее могло бы стать национальным идентификатором определённого народа Крайнего Севера. Сего, однако, не произошло. Именно поэтому замена старого — не совсем точного — этнонима новым (произошедшая не стихийно, а сознательно проведённая) прошла в русском языке безболезненно. Словари, выпущенные во второй половине XX века, уже относят слово *ламут* к устаревшим. Так, в шестом томе семнадцатитомного «Словаря современного

[32] Так напечатано.

русского литературного языка», выпущенном в 1957 году, даётся следующее объяснение слова *ламуты*: «Устаревшее наименование эвенов» [БАС-1, 6: 52]. «Словарь русского языка» 1999 года под редакцией А. П. Евгеньевой так же характеризует данный этноним: «Устарелое название эвенов» [МАС-4, 2: 163]. Более развёрнутое объяснение — с точным указанием временно́й границы использования слова — даётся в 9 томе «Большого академического словаря русского языка» 2007 года издания: «Прежнее название эвенов (употреблявшееся до 1930-х годов)» [БАС-3, 9: 49].

В период официального утверждения нового этнонима эвенами называли себя, наряду с иными самоназваниями — зачастую конкурировавшими друг с другом на разных территориях, большинство представителей данного этноса; поэтому в русскую научную и этнографическую литературу, официальную документацию, а вслед за тем и во все остальные сферы жизни вошло именно это слово.

Относительно происхождения этнонима *эвен* существуют различные предположения. В. И. Цинциус связывала самоназвание с глаголом *эвдэй* ‘спускаться с гор’ [Цинциус 1947: 6], однако же более правдоподобной выглядит версия об этимологической связи этнонима с эвенским словом *эвън ~ эвун* ‘местный, здешний’, предложенная К. А. Новиковой [Новикова 1960: 11]. «Эвенско-русский словарь» В. А. Роббека и М. Е. Роббек слово *эвув ~ эвуч* переводит как ‘близкий, ближний’ [В. А. Роббек, М. Е. Роббек 2005: 339], что в определённой степени синонимично прилагательному *местный*.

К. А. Новикова верно отмечает: «Отдельные территориальные группы эвенов имеют различные самоназвания» [Новикова 1960: 9]. Ввиду немногочисленности и, главное, территориальной рассеянности эвенов наблюдается такое явление, как смешение этнонимов: региональные наименования этноса совпадают с названиями иных народов.

Так, существует малочисленный народ орочи, преимущественно проживающий в Хабаровском крае. При этом эвены Быстринского района

Камчатского края также называют себя орочами, поскольку владеют оленьими стадами: по-эвенски *оран* значит ‘олень (домашний)’ [В. А. Роббек, М. Е. Роббек 2005: 224]. В. И. Цинциус отмечает: «Употребляя это название, они, по-видимому, противопоставляют себя „сидячим“ эвенам <…>» [Цинциус 1947: 6]. В настоящее время это региональный этноним, однако в прошлом он широко использовался и даже составлял конкуренцию этнониму *эвен*. По мнению Л. Н. Хаховской, «термин *ороч* охватывал не меньшие группы людей, чем „параллельные“ термины» [Хаховская 2008: 157]. Развивая тему, Л. Н. Хаховская указывает: «В период, когда территория Охотско-Колымского региона входила в зону деятельности Дальстроя, в конкурентных отношениях находились этнонимы *ороч* и *эвен*. Вследствие того, что трест обладал значительной хозяйственной и даже политической самостоятельностью, местные власти в своей практической деятельности могли до известной степени игнорировать предписания о переименовании тунгусов в эвенов и руководствоваться собственными сведениями, собираемыми среди местного населения, которое продолжало именовать себя орочами. Поэтому данный этноним в статистических и иных источниках выдвигается на первый план» [Там же: 158].

Правда, весьма сомнительно, чтобы всё население, учитываемое Дальстроем, именовало себя исключительно орочами и никак иначе. Так, В. И. Цинциус ещё в период существования Дальстроя (в 1947 году) писала: «В Ольском и Быстринском районах эвены называют себя *ороч*. <…> Самоназвание *эвен* (*эwэн* ~ *эӯн*, множественное число *эwэсэл* ~ *эӯшел*) распространено в Охотском, Среднеколымском и других районах» [Цинциус 1947: 8]. У. Г. Попова подтверждает вышецитированные слова, замечая, что самоназвание *эвъ̄н* (мн. ч. *эвъ̄сэл*) на начало 1930-х годов было распространено в Охотском районе Хабаровского края [Попова 1981: 5–6]. В. А. Туголуков на основе собственных полевых материалов 1952 года указывает, что словом *орочелы* (или *огочелы*) обозначалась группа оленных тунгусов северной части Охотского побережья, и замечает: «Этноним *орочелы* здесь употреблялся в

начале 30-х годов текущего [XX] столетия; им обозначались эвены Северо-Эвенского и Ольского районов современной Магаданской области» [Туголуков 1970а: 212–213]. То же подтверждает К. А. Новикова [Новикова 1960: 10], но тут же замечает, что оседлые эвены ряда селений Охотского побережья (Олы, Армани и Тауйска) именуют себя на литературном языке *эвнэ*, такое же самоназвание (с учётом диалектных различий в произношении) зафиксировано у эвенов Ягоднинского, Среднеканского, Сусуманского районов Магаданской области, Чукотки, Пенжинского района Камчатки и Якутии. У. Г. Попова отмечает самоназвание *ōръ̄ч* (мн. ч. *ōръчъ̄л*) у эвенов северо-восточной части Охотского побережья [Попова 1981: 5].

Таким образом, исходя из данных В. А. Туголукова, К. А. Новиковой и У. Г. Поповой, можно сделать вывод, что на значительной территории Охотско-Колымского округа, включавшего Ольский, Северо-Эвенский и Среднеканский районы, население называло себя *ороч* (ед. ч.) и *орочэл* (мн. ч.), чего нельзя сказать обо всей Магаданской области, не говоря о других территориях, где преобладало самоназвание *эвен*.

Первоначальная территория Дальстроя согласно Постановлению Совета труда и обороны от 28.10.1932 № 1358/398с «О Колыме» охватывала побережье Охотского моря с устья реки Тауй до села Гижиги, границы Корякского и Чукотского национальных округов и Якутской АССР, верховьев правых притоков реки Тауй; в данной местности этноним *ороч* действительно имел большее распространение, чем *эвен*. По мере расширения территории треста в его ведение вошли местности, жители которых называли себя эвенами (в частности, Охотск и побережье до Пенжинской губы — в 1941 году).

Вполне возможно, что работники Дальстроя, отвечавшие за учёт туземного населения, посчитали более «удобным» этноним *ороч*, как имевший широкое употребление на первоначальной территории деятельности треста, и записывали всех, кто называл себя орочами или эвенами, под первым именем, не вдаваясь в этнонимические подробности и не разбирая сложные вопросы самоидентификации народа. Отсюда полное отсутствие в статистических

данных эвенов за 1936, 1943 и 1944 годы по всему Ольскому и Северо-Эвенскому районам, приводимых Л. Н. Хаховской [Хаховская 2003: 52, 55–56], хотя, например, К. А. Новикова указывает, что в Ольском районе проживали группы с самоназванием *эвен*.

Дальстрой обладал достаточными хозяйственными и культурными ресурсами, чтобы под его влиянием в качестве общенародного был принят этноним *ороч*, а не *эвен*, если бы первый действительно имел более широкое распространение, нежели второй, или хотя бы равное с ним. Этого, однако, не произошло, и сегодня *ороч* является лишь региональным этнонимом, коим называет себя группа эвенов ограниченной территории. Кроме того, орочами именуется народ, относящийся к южнотунгусской ветви тунгусо-маньчжурской языковой группы. Данное обстоятельство не могло в конечном итоге не повлиять на то, чтобы для именования северотунгусского народа принять в русский язык отличное наименование, тем более что широко распространённое самоназвание *эвен* давало благоприятный повод для этого.

У. Г. Попова считает, что этноним *эвен* стал общеупотребительным ввиду того, что первые мероприятия по советскому национальному строительству среди коренных народностей в конце 1920-х — начале 1930-х годов проводились в Охотском районе, где население называло себя так; именно поэтому «самоназвание „эвены“ с того времени стало общим этническим названием народности — „ламутов“, дореволюционных „восточных тунгусов“ и „орочел“ Охотско-Колымского края» [Попова 1981: 6]. В целом следует согласиться с У. Г. Поповой, имея в виду, однако, что не только перечисленные ею факты сыграли ключевую роль, но также и целенаправленная и последовательная политика государства по внедрению в практику этнонима *эвен*. Если бы его вдруг посчитали ошибочным[33], ничто бы не помешало «переименовать» всех эвенов в орочей, тем более что центр

[33] Типичная ситуация тех времён — в одночасье заменять «ошибочное» и «неправильное» на «правильное», чему огромное количество примеров — хотя бы по смене топонимов не по разу за двадцать лет.

национального строительства достаточно быстро переместился в Магадан, а, согласно данным, приводимым той же Поповой, бóльшая часть жителей Магаданской области называет себя *ōрочел* [Там же].

Интересное замечание делает В. А. Туголуков. По его мнению, этноним *эвен* употребляли «для себя», в качестве самоназвания, а *ороч* и *орочел* — «для других» (т. е. неэвенов), поскольку «другие» знали их как орочей [Туголуков 1970б: 136]. Свои заключения учёный основывает на показаниях анадырского эвена Дмитрия Петровича Берёзкина. Другая опрашиваемая, эвенка Марфа Ивановна Хордани, жительница Северо-Эвенского района, сообщила: «[Р]аньше мы не могли сказать о себе *эвен*: не знали по-русски и говорили — *орочи*» [Там же: 137]. Выходит, что даже там, где распространено имя *орочи*, носители данного этнонима тем не менее отождествляли себя с эвенами. Двуимённое самоназвание (*эвен* и *ороч*) присуще не только эвенам: для малочисленного народа, разбросанного по огромной территории, отличные этнонимы могут использоваться при контактах с разноязычными соседями, а также в зависимости от тех или иных соображений — в первую очередь экономических.

Ниже следует рассмотреть эвенские микроэтнонимы, имеющие хождение, но распространённые и известные значительно меньше, чем самоназвание *ороч*.

М. Ю. Пупынина и Ю. Б. Коряков, основываясь на материале В. Г. Богораза, отмечают существование и использование по настоящее время в чукотском языке единого этнонима для эвенов и юкагиров, связанного с апеллятивом ‘олень’, — *ӷаарáмкын (qaaramkən)* ‘оленный народ’. Имея в виду эвенов (ламутов), употребляли наименование *ӷоремтѐ-ӷаарáмкыт* (ед. ч. *ӷоремтѐ-ӷаарáмкын*, в транскрипции МФА *qoremteqaaramkən*) ‘ездящие верхом люди’, или сокращённо *ӷоремтéлын* (ед. ч. *ӷоремтéлыт*, в транскрипции МФА *qoremtelʾət*) ‘оленный всадник’. Этнонимом *óрӆу-ӷаарáмкыт* (ед. ч. *óрӆу-ӷаарáмкын*, в транскрипции МФА *orwəqaaramkən*) ‘оленные люди на нартах’, или *óрӆулыт (orwəlʾət)*, именуются юкагиры,

перенявшие элементы быта и обычаев эвенов [Пупынина, Коряков 2019: 77; Богораз 1900: 67]. Данные наименования являются аллоэтнонимами.

Безоленные оседлые эвены, живущие у Охотского побережья и занимающиеся охотой, рыболовством, а также разведением собак, именуются *мэнэ* ‘оседлый’ [Новикова 1960; Цинциус 1947] — от слова *мэнэдэк* ‘летняя база’. Данный этноним объясняется тем, что взрослые мужчины летом перекочёвывали с оленями, а женщин, стариков и детей оставляли на одном месте: необходимо было подготовиться к зиме, а женщинам — пошить на всех одежду. Разумеется, находящиеся на летней базе и занимающиеся хозяйством не имели возможности кочевать, поэтому логическая связь существительного *мэнэ* и прилагательного *мэнэдэк* чётко прослеживается.

Эвены побережья именуют живущих в глуби материка *донрэткэнами* [Новикова 1960] (*дөнрэткэн* ‘таёжный, живущий в глуби материка’ — от слова *дөнрэ ~ дөмүэ* ‘суша, материк; тайга, лес; местность, удалённая от моря’ [В. А. Роббек, М. Е. Роббек 2005: 96]). Донрэткэны занимаются оленеводством, а также охотой и рыболовством на озёрах.

В свою очередь, эвены, живущие в отдалённых от моря районах, противопоставляют себя эвенам побережья и называют последних *наматканами* (*наматӄан ~ намутӄан* [34] ‘приморский житель, помор’ [В. А. Роббек, М. Е. Роббек 2005: 187; Новикова 1960: 11] — от слова *нам* ‘море’). У данного этнонима существует вариация, впрочем не влияющая на его значение: иногда он встречается в форме *ламуткан*, о чём есть упоминание у А. А. Сириной [Сирина 2012: 40]; в Оле — традиционном месте проживания эвенов — до 2011 года существовала родовая община коренного малочисленного народа «Ламуткан».

[34] В эвенском алфавите нет буквы для обозначения увулярного [ӄ], несмотря на наличие такого звука в языке. В. А. Роббек и М. Е. Роббек в своём словаре не используют знак *ӄ*. В настоящей работе он ставится при цитировании в случае необходимости, во избежание неверной фонетической трактовки слова — на основании сведений К. А. Новиковой [Новикова 1960] и произношения носителей языка, живущих в Оле.

Эвены, живущие в низовьях Колымы, называют себя *илканами* (*илӈан* ‘настоящий, зрелый, возмужалый’ [В. А. Роббек, М. Е. Роббек 2005: 120]). Данный этноним имеет весьма ограниченное распространение. Прослеживается взаимосвязь регионального эвенского самоназвания с самоназванием родственных эвенам негидальцев — *элькан бэйэнин (elkan böyönin)* ‘настоящие люди’ [Мыльникова, Цинциус 1931: 108–109]. «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» даёт несколько отличную транскрипцию, но со схожим пояснением: **и́лкан бэjэнин** *устар.* негидалец (*самоназвание, досл*. настоящий человек) [ССТМЯ, 1: 308]). Следует обратить внимание, что группы эвенов, называющие себя *илкан*, живут по соседству с чукчами, чьё общее самоназвание также означает ‘настоящий человек’. Такое сходство значений самоназваний, представленных у соседей, является результатом этнокультурного взаимодействия отдельных территориальных групп эвенов с соседним народом. А. А. Бурыкин, исследуя данный этноним, существительное *илкан* этимологически возводит к чукотскому причастию *нъэлыльын* ‘ставший, сделавшийся’ [Бурыкин 2006: 165]. Это весьма правдоподобно: в сознании многих народов настоящим может быть лишь тот человек, кто свершил что-либо неординарное и, как следствие, стал что-то из себя представлять; данный факт придаёт особый колорит этнической идентичности.

Существуют и более древние региональные этнонимы, ныне уже не встречающиеся в устной речи. Так, эвены, проживающие у реки Тауй, протекающей по северной части Хабаровского края и по Магаданской области, в прошлом называли себя *товунканами*, о чём упоминает А. А. Бурыкин [Бурыкин 2001: 251]. Поскольку данное самоназвание-микроэтноним во время контактов с аборигенами в районе Тауя слышали ещё в XVII веке русские первопроходцы, при распределении народа, в те времена именовавшегося ламутами, по родам (в первую очередь в соответствии с тем, как сами эвены себя подразделяли), приречных жителей отнесли к Тоуйскому роду.

Отдельные микроэтнонимы эвенов происходят от наименований местностей проживания [Там же: 253]. Так, самоназвание *уяганкан* восходит к названию реки Уега. Данный микроэтноним является также наименованием современного эвенского рода, распространённого от северо-востока Якутии до севера Камчатского края.

Таким образом, можно констатировать, что в зависимости от места проживания и рода деятельности различных групп эвенов различаются и их названия; в прошлом некоторые из них конкурировали между собою за признание в качестве общего обозначения всех представителей одного этноса. Данный феномен в наши дни не характерен для больших народов. Именно это и составляет уникальность малочисленных этносов.

Сегодня общим этнонимом для именования всей совокупности народа является *эвен*. *Ламут* по праву указывается в словарях в качестве устаревшего слова (т. е. архаизма). *Ороч*, ранее конкурировавший с этнонимом *эвен*, особенно в период деятельности Дальстроя, ныне является всего лишь региональным самоназванием.

Представляет большой интерес факт, что эвены иногда используют одновременно свои старые и новые этнонимы для проведения разграничения. Например, в посёлке Колымское Нижнеколымского улуса Якутии называют *ламутами* местных эвенов, иногда юкагиров, но никогда — приезжих эвенов: они всегда именуются *эвенами* [Вахтин 2001: 153]. Разумеется, такое употребление этнонимов не является последовательным, в чём-то носит ироничную форму. Использование на практике устаревшего наименования объясняется повышением образовательного уровня народа в сравнении с вековой давностью: современные эвены хорошо знают свои экзоэтнонимы, что позволяет при случае вводить их в устную речь для маркировки разных групп собственного народа, хотя исключительно на бытовом уровне. В целом, следует помнить, что язык — подвижная категория: вполне возможно, что слова, сегодня кажущиеся нам устаревшими, в грядущем обретут новую жизнь и возвратятся в активный лексикон. Нельзя сказать, какова будет частота и

степень употребления этнонима *ламут*, скажем, через полвека, но во всяком случае не может не радовать тот факт, что данное слово, несмотря на его выход из широкого употребления и изъятие из практического письменного использования вне фундаментальной науки, не забывается и так или иначе фигурирует в живой речи. Тем не менее, этноним *ламут* в качестве обозначения целого народа ушёл в прошлое: если он и употребляется, то лишь как региональный маркёр.

На основании вышеизложенного можно сделать однозначный вывод: благодаря проведённой этнологами и языковедами работе эвены имеют общий этноним и сегодня чётко разграничиваются от остальных малочисленных народов, населяющих не только Северо-Восток, но и иные регионы России. Это играет положительную роль при изучении языковых и этнических особенностей эвенов и не в последнюю очередь способствует эффективным и плодотворным лингвистическим исследованиям.

3.11. Эскимосы

Этноним: м. р. *эскимóс*, мн. ч. *эскимóсы*; ж. р. *эскимóска*, мн. ч. *эскимóски*; прил. *эскимóсский*.

Эскимосы — группа, представляющая собой малочисленные арктические народы, объединяемые под одним этнонимом по общности языков и происхождения. Живут они в четырёх государствах: в России, Соединённых Штатах Америки, Канаде и Гренландии (Королевство Дания). Бóльшая часть эскимосов обитает в Северной Америке: на Аляске, на северных территориях Канады, а также на острове Гренландии. Значительное количество эскимосов живёт также в собственно Дании (это переселенцы с Гренландии, находящейся во владении королевства). В России число эскимосов невелико, подавляющее большинство их проживает на Чукотке, ничтожная часть — в Магаданской области.

Существует две народности эскимосов, одна из которых имеет внутриэтническое разделение:

1а) *инуиты (инупики)*, англ. ед. *Inuk*, мн. *Inuit*, — проживают в Гренландии и Канаде. Эскимосы — жители Дании представляют именно инуитов. Незначительная часть живёт на острове Ратманова в России;

1б) *инупиаты (инюпиаты)*, англ. ед. *Iñupiaq*, дв. *Iñupiak*, мн. *Iñupiat*, — проживают на Аляске (преимущественно в северной части);

2) *юиты (юпики, юпиты)*, англ. ед. *Yupik/Yup'ik*, мн. *Yupiit*, — проживают в России (на Чукотке) и в южной части Аляски.

Англо-эскимосский и эскимосско-английский словарь Артура Тиберта, составленный на основе языка канадских эскимосов, английскому этнониму *Eskimo* даёт три соответствия в эскимосском: *inuk* (= man 'человек'), *inumarik* (= real man 'настоящий человек'), *inudlarik*. Приводится также собирательный этноним: *Eskimos* (*we, the Eskimos* 'мы, эскимосы') — *inuktigut* [Thibert 1954: 21, 90]. Этноним *Iñupiaq* значит 'настоящий человек': название образуется путём добавления *-piaq* 'настоящий' к существительному *inuk* 'человек' [Kaplan 2001: 250].

Г. А. Меновщиков выделяет две этнолингвистические группы эскимосов — *йупик* [35] и *инупик.* Азиатские диалекты относятся к группе йупик [Меновщиков 1988: 3].

Каждая из народностей эскимосов самобытна. Этнонимы *инуит, инупиат* и *юит* нельзя отнести к микроэтнонимам; слово *эскимос* скорее является не общим названием, а обобщающим наименованием для сильно различающихся друг от друга народностей.

Самоназвание азиатских эскимосов — *югыт, юпигыт*, что значит 'люди, настоящие люди' [Народы Сибири 1956: 934]. Бóльшая часть американских эскимосов называет себя *инуит*, ед. ч. *инук*.

Действующее законодательство Канады и Гренландии не использует этноним *эскимос*, считающийся некоторыми оскорбительным; вместо него употребляется исключительно *инуит* (в Гренландии также *гренландцы*,

[35] В такой записи этноним даётся самим Г. А. Меновщиковым.

самоназвание *калааллит — Kalaallit* [Nuttall 2001: 54]). Это объясняется тем, что в данных странах проживают исключительно инуиты, поэтому использовать обобщающий этноним *эскимос* не требуется. У юитов четыре языка, у инуитов один язык, представляющий собой цепь диалектов, постепенно изменяющийся от запада Аляски через Канаду и до Гренландии [Kaplan 1990: 141]. Это обусловливает большее единство инуитов и, как следствие, отсутствие острой необходимости в общем этнониме с юитами. В недавнем прошлом, однако, этноним *эскимос* использовался официально, что нашло своё отражение в «Энциклопедии Канады» [Encyclopedia of Canada 1935: 298–300].

В США, наоборот, слово *эскимос* до сих пор в ходу, на что указывают американские исследователи [Lanz; Kaplan]. В отличие от Канады, здесь оскорбительным может считаться называть всех эскимосов инуитами, поскольку проживающие здесь юпики и инупиаты — эскимосы, но не инуиты.

В России в качестве официального этнонима до сих пор употребляется исключительно *эскимос*, в силу устоявшейся практики. Хотя в нашей стране подавляющее большинство эскимосов представлены юитами, или юпиками, по инерции продолжает использоваться старое название. Правда, после революции, на волне смены этнонимов многих народов России, была попытка официально ввести в русский язык наименование *юиты*; о ней будет сказано ниже.

Этнонимия эскимосов уникальна для российской науки. Все народы Севера, проживающие ныне в России, получали свои названия в русском языке с момента первых контактов с русскими. Этнонимы могли преобразовываться, а в советское время и вытесняться новыми наименованиями, но в любом случае каждый народ имел своё имя. Несколько обособленно стоят здесь эвены, до революции часто включавшиеся в тунгусов, но и они выделялись в отдельную подгруппу и именовались ламутами, т. е. в той или иной степени были всё же разграничены с эвенками. Для эскимосов же в российской науке XVIII века не было отдельного этнонима, зачастую их

считали чукчами. В параграфе, посвящённом чукчам, приводились вероятные причины смешивания русскими первопроходцами и служилыми людьми эскимосов с чукчами. В добавление к вышесказанному — И. С. Вдовин отметил: «Многие населённые пункты, особенно Тихоокеанского побережья Чукотки, состояли из смешанного чукотско-эскимосского населения. Шёл процесс взаимного сближения» [Вдовин 1965: 54–55]. Действительно, долгое время имело место взаимное влияние двух народов, что нашло отражение в том числе в языковых заимствованиях; при этом численное превосходство было за чукчами [История чукчей 1987: 38–39]. При такой ситуации эскимосы «терялись» для внешнего наблюдателя.

Естественно, что, поскольку русские не видели особого народа и не были знакомы с эскимосским языком, русский язык не обогатился специальным этнонимом для эскимосов-юитов в момент первых контактов с данным этносом. Незначительные этнографические особенности всё же выделяли. Так, С. П. Крашенинников подмечает этнические различия между чукчами и эскимосами. В главе «О Америке» «Описания земли Камчатки» он пишет о проживании на островах около Чукотского носа (полуострова) особого народа, одного рода с американскими жителями (из содержания понятно, что речь идёт об эскимосах), и указывает на родство их с чукчами. Прямо никакой этноним не приводится, но описывается характерная деталь: «Покойной Маэоръ господинъ Павлуцкой по бывшемъ нѣкогда сраженіи съ Чукчами нашелъ между мертвыми Чукоцкими тѣлами двухъ человѣкъ того народа, у которыхъ по два зуба моржовыхъ подъ носомъ были вставлены въ нарочно здѣланныхъ скважинахъ: чего ради тамошніе жители называютъ ихъ зубатыми» [Крашенинников 1755а: 126].

Указание С. П. Крашенинникова на такое название эскимосов зубатыми подтверждается современными учёными. Действительно, русские служилые люди, не отличая по названиям чукчей и эскимосов в качестве разных народов, делали уточнение при обозначении эскимосов и тех из них, что обитали на островах Берингова пролива и на Аляске, часто именовали зубатыми чукчами

— по обычаю носить лабретки в губах [Бурыкин 2009: 231; Нефёдкин 2017: 34–35].

И. С. Вдовин указывает, что, поскольку эскимосы оленями не владели и проживали на побережьи, собственно чукчи в XVIII веке именуются «чукчи оленные», а под «чукчами пешими» подразумевались, по-видимому, сибирские эскимосы; «чукчи сидячие», по мнению учёного, являлись оседлыми чукчами [Вдовин 1965: 11]. С этими данными следует согласиться, сделав одну оговорку: сидячими чукчами могли являться как чукчи, так и эскимосы, — доподлинно установить этническую принадлежность данной группы сегодня затруднительно.

По мнению А. А. Бурыкина, впервые этноним, близкий к современному *эскимосы*, в русском языке встречается в переводном источнике — в «Экстрактѣ Саваріева Лексикона о комерціи», вышедшем в свет в 1747 году. «Моржовыя и другихъ морскихъ звѣрей недѣланыя кожи, посылаютъ Квебекскіе Французы на мѣну къ живущимъ по ту сторону рѣкѝ Сенлорана въ Великой Лабрадорской землѣ, весьма дикимъ и суровымъ народамъ имянуемымъ Эскімонцы[36] <…>» [Экстракт Лексикона 1747: 535]. Французы, владевшие в те времена Канадой, первыми выделили эскимосов как самобытный этнос и дали ему описание. Таким образом, в русский язык этноним *эскимос* вошёл не из письменных отчётов или расспросных речей сборщиков ясака, а вследствие заимствования из научных трудов зарубежных учёных, поскольку эскимосы, хоть и обитали на российских территориях, должного этнографического описания в XVIII и тем более XVII веке не получили.

В «Ответе на вопрос о пользе и вреде болот» Вильгельма Христиана Фрибе, изданном в конце XVIII столетия, среди прочих народностей упоминаются и эскимосы: «Еще никакія Орды Самоѣдовъ, Чукчей, Гренландцовъ и Ескимовъ не обмѣняли своего для насъ суровымъ кажущагося

[36] В книге буква *і* употребляется не только перед гласными и *й*, но почти во всех словах иностранного происхождения. Такая орфография встречалась в первой половине XVIII века.

климата на счастливѣйшую страну» [Фрибе 1795: 251]. Примечательно, что гренландцы и ескимы указываются порознь; автор явно различает эти народы. Можно сделать предположение, что первые — это инуиты, поскольку на острове живут и жили в ту эпоху именно они, а вторые — юиты или инупиаты. Правда, такой вывод вполне может быть и ошибочным: В. Х. Фрибе мог иметь в виду всего лишь жителей острова и материковой части североамериканского континента, а различие между гренландцами и ескимами им проводилось не этнолингвистическое, а географическое.

Встречается этноним и у А. Н. Радищева в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии»: «Сколь нѣкоторые роды людей, напримѣръ Эскимы и другіе, внѣшностію ни уродливы (естьли можно разнообразіе природы почесть уродствомъ), но члены ихъ соразмѣрнѣе обезьяны»; «Что могутъ лучи солнечные или ихъ отсутствіе, тому доказательствомъ служатъ Негры и Ескимы» [Радищев 1909: 17, 36]. Разница в написании этнонима *Эскимы ~ Ескимы* объясняется просто: буква э официально вошла в алфавит только в XVIII веке, многие её не употребляли или же употребляли непоследовательно — отсюда такое внешнее различие в слове на страницах одного произведения.

И. Г. Георги, упоминая эскимосов в главе про чукчей, использует слово, напоминающее искажённую форму современного этнонима, — *Екимокс*: «Байдары ихъ [чукчей], въ коихъ ѣздятъ они по морю и къ островамъ, составлены изъ китовыхъ ребръ и обтянуты тюленьими кожами такъ, что могутъ они въ оныхъ затягиваться по примѣру Гренландцовъ, Екимоксовъ, и нѣкоторыхъ другихъ Американцовъ» [Георги 1799: 75]. Примечательно, что и этот исследователь, как и В. Х. Фрибе, видит некоторые различия между эскимосами и гренландцами, поскольку приводит их раздельно, а не объединяет под одним этнонимом.

Далее, описывая островских восточных жителей, И. Г. Георги отмечает: «Жители острова *Кадьяна* [Кадьяка] называются *Канагистами*; и сіе наименованіе сходствуетъ нѣсколько съ названіемъ Гренландцовъ и

Екимоксовъ въ Лабрадорѣ, кои именуются *Каралитами*» [Там же: 84]. Жителями Кадьяка являются *конягмиуты* [Белоглазова 2002: 34]. В русских источниках XVII–XIX веков они называются *конягами*; вторым названием островитян стало *алеуты* из-за близкого сходства с последними [Там же: 35]. Однако конягмиуты — это западная группа тихоокеанских эскимосов; обитали они на островах Кадьяке, Афогнаке и южной части полуострова Аляски [Русская Америка 1979: 267]. Таким образом, совсем не удивительно, что И. Г. Георги подметил сходство в названиях жителей острова Кадьяка — тихоокеанских эскимосов — с другими группами эскимосов, в частности с гренландскими.

Как утверждают русские учёные, этноним *эскимос* происходит из языка североамериканских индейцев-атапасков: они называли своих соседей словом *эскимо*, что значит ‘сыроед; поедающий сырое мясо, рыбу’ [Агеева 2000: 406–407]. А. А. Бурыкин уточняет и пишет, что атапаски называли эскимосов *эскимантсик* [Бурыкин 2009: 232], В. А. Никонов приводит индейское слово в несколько ином виде, но почти с тем же звучанием — *эскиманцик* [Никонов 1984: 64].

Однако зарубежные исследователи с начала 1980-х считают ошибочной версию о том, что слово *эскимос* означает ‘поедатель сырого мяса’, и предлагают иную версию: ‘плетильщик снегоступов’ (англ. *snowshoe-netter*). В Северной Америке более точной считается версия о происхождении этнонима *Eskimo* из языка инну (монтанье-наскапи). Так, в американском справочнике указывается, что значение ‘поедатель сырого мяса’ подходит для формы языка оджибва (включающей в себя староалгонкинские формы **ašk-* ‘сырой’ и **-po* ‘ѣсть’) и не подходит для объяснения заимствования из языка монтанье-наскапи. Напротив, слово на монтанье-наскапи *ayasimme·w*, *assimme·w* на антикамеке, *aškime* на оджибве означает ‘она плетёт снегоступ’ [Handbook 1984: 6].

Североамериканская версия выглядит правдоподобнее, нежели предложенная отечественными исследователями. Причина этому видится в

большей изученности вопроса и широком освещении письменных источников прошлого. Кроме того, именно американский континент является преимущественным местом обитания эскимосов и индейцев. В Канаде, США и Гренландии проще исследовать на практике этимологию слов из языков эскимосов и особенно индейцев, чем в России, по причине близкого проживания данных этнических групп и возможности непосредственного контакта с носителями. Автор настоящей работы склоняется к большей правдоподобности зарубежной версии происхождения этнонима *эскимос* (англ. *Eskimo*).

Вполне могло случиться, что в русском языке закрепился бы этноним *эским*, а не *эскимос*. А. А. Бурыкин указывает, что французы позаимствовали этноним у индейцев-атапасков и преобразовали его в *Eskimos*. По мнению учёного, именно из данного французского слова «происходит старинное русское *Ескимы* и привычное нам слово *эскимо* как название мороженого»[37] [Бурыкин 2009: 232]. А. А. Бурыкин отмечает, что и в английский язык слово *Eskimo* (мн. ч. *Eskimos*) пришло от тех же индейцев. Именно из английского языка русский позаимствовал этноним *эскимос* [Там же]. Позиция А. А. Бурыкина представляется в целом верной. Зарубежная наука уточняет, что слово *эскимос* в форме *Esqumawes* появляется в 1584 году, более распространённым старым написанием существительного в обоих числах и прилагательного является *Esquimaux* — так же, как французского существительного множественного числа [Handbook 1984: 5]. При этом конкретизируется, что скорее всего французы и англичане позаимствовали слово не напрямую у индейцев монтанье-наскапи, а через баскских китобоев, имевших контакты с вышеупомянутым племенем и воспринявших у них данное слово [Ibid.].

[37] «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой указывает на заимствование названия мороженого из французского — *esquimau* [МАС-4, 4: 767]; лексема имеет и этнонимическое значение ‘эскимос’. Написание этнонима в виде *Eskimos* во французском языке также возможно.

Вариант написания, сходный с французским, сохранялся в английском языке ещё в первой четверти XIX столетия. Так, русский исследователь и мореплаватель Г. И. Лангсдорф в труде, изданном в Великобритании, пишет: «The baidarkas of the Aleutians in their principal characters resemble those of the Greenlanders and Eskimaux [Байдарки алеутов в общих чертах схожи с таковыми у гренландцев и эскимосов]» [Langsdorf 1817: 340]. Поскольку настоящая работа посвящена этнонимам в русском языке, больший интерес представляет не английская орфография, а тот факт, что Г. И. Лангсдорф, как и учёные до него, очевидным образом сравнивает гренландцев и эскимосов, а также замечает определённые сходства последних с алеутами. Данный факт склоняет к тому, что в XVIII и XIX веках исследователи-европейцы замечали как общие черты между жителями Гренландии и эскимосами материка, так и различия. Роль играет не географический фактор проживания, а замеченные этнические различия. Не случайно самым распространённым этнонимом в Гренландии для эскимосов является *гренландцы*.

Необходимо рассмотреть, почему в русский язык прочно вошёл этноним *эскимос*, вытеснив *эским*.

Как представляется автору настоящего исследования, закрепление в качестве официального этнонима слова *эскимос* произошло вследствие того, что в российской науке эскимосов как народы стали изучать сравнительно поздно; на тот момент, когда они именовались эскимами, русские исследователи не подошли вплотную к этнолингвистическому описанию данных этносов, хотя бы только живущих на территории России, включавшей тогда и Аляску. Таким образом, слово *эским*, появившееся в XVIII столетии, было книжным, привнесённым из переводной литературы. Напротив, когда эскимосы стали объектом описания и исследования русских учёных (в конце XIX века), Франция потеряла Канаду и на первый план вышли научные труды по эскимосам на английском языке, на которые опирались отечественные исследователи. Произошло, как точно указывает А. А. Бурыкин, вторичное заимствование этнонима, теперь уже из английского языка. Именно поэтому в

настоящее время в русском языке используется слово *эскимос*, а *эским* является устаревшим.

Для эскимосов, живущих в России, иногда применяется словосочетание *азиатские эскимосы* — по континенту проживания. Впервые его употребил В. Г. Богораз [Богораз 1919; Богораз 1949], затем оно стало использоваться и другими учёными. Такое разграничение эскимосов, проживающих в России, оправданно не только географически, но и этнографически: на Северо-Востоке проживают эскимосы-юиты, встречающиеся также на Аляске, однако же большинство эскимосов Северной Америки являются инуитами и инупиатами, т. е. другим этносом.

Е. П. Орлова отмечает отсутствие общего самоназвания на первую половину XX века [Орлова 1941: 201]. Правда, учёная указывает, что азиатские эскимосы в определении себя как народности употребляют термины *макумит* ‘здешние, местные, аборигены’, *масинкат* ‘состоятельные’, *юпигыт* ‘настоящие (честные) люди’ [Там же: 202]. Таким образом, Е. П. Орлова не рассматривает ни один из вышеуказанных этнонимов в качестве обозначения себя всеми представителями народа, видя в них лишь региональные самоназвания, не давая ни одному из них приоритета быть общим эндоэтнонимом.

Исследователи понимали, что эскимосы не единый монолитный народ, а скорее группа народов, сильно отличающихся по языку и культуре. Для того чтобы лучше различать отдельные ветви, предлагалось сменить наименование *эскимос* на другое, более точное. Так, в Канаде и Гренландии данный этноним уже не употребляется, о чём писалось выше, но имеет хождение в США как обобщающий, наряду с другими — более узкими этнонимами.

Россия не была исключением в стремлении лучше и точнее обозначить этническую группу, условно могущую быть названной азиатскими эскимосами — по месту обитания. В. Г. Богоразом было выдвинуто интересное предложение, подкреплённое научными наблюдениями. В 1919 году он писал об азиатских эскимосах: «Ихъ ближайшіе сосѣди съ запада,

чукчи, такъ и называютъ ихъ — *Aíwanat*, что значитъ Восточные, „живущіе подъ (восточнымъ) вѣтромъ“. Этимъ именемъ Айвановъ я предлагаю обозначить племя азіатскихъ эскимосовъ, тѣмъ болѣе что самое слово *aíwan, aíwak*, „подвѣтренная восточная сторона“, заимствовано чукчами у азіатскихъ эскимосовъ» [Богораз 1919: 489]. На практике, однако, этноним *айван* не прижился и, насколько известно, даже не использовался в широких масштабах. Тем не менее нужно отметить целесообразность введения в русский язык точного этнонима для азиатских эскимосов, на что прямо указал В. Г. Богораз задолго до начавшейся кампании по смене названий народов России. В отличие от большинства случаев, где смену привычного этнонима можно было поставить под сомнение (в случае с чукчами и юкагирами, например), для эскимосов к западу от Берингова пролива такого общего этнонима не было, поскольку слово *эскимос* обозначает не народ, а скорее этнолингвистическую общность и не может отвечать требованиям, предъявляемым к словам, маркирующим этнос. Таким образом, в данном конкретном случае выбор названия для азиатских эскимосов по общему согласованию учёных отвечал бы интересам науки. Здесь следовало бы говорить не о переименовании, а о закреплении в лексиконе и практическом употреблении более точного имени.

Иностранные исследователи иногда называли азиатских эскимосов этнонимами, не даваемыми им отечественными учёными. Например, У. Долл применяет именование *инуиты (Inuit)* и для живущих за пределами американского континента эскимосов, иногда добавляя прилагательное *азиатские (Asiatic)*; однако исследователь использует для них также этнонимы *онкилоны (Onkilon)* и *туски (Tuski)*, ставя между ними знак равенства [Dall 1877: 103]. Конечно, У. Долл допускал неточность, называя азиатских эскимосов инуитами, — они юиты. М. Краусс — исследователь из Аляскинского университета — отмечает, что среди сибирских эскимосов очень мало инуитов, место проживания которых в прошлом только остров Большой Диомид, или остров Ратманова [Krauss 1973: 808–809]. Сибирские инуиты ранее были носители имакликского диалекта.

Используемые У. Доллом обозначения живущих в Евразии эскимосов — этнонимы *онкилоны* и *туски* не нашли себе применения в русском языке.

Онкилон этимологически связано с названием региональной группы приморских чукчей *анкалын*. По не подтверждённым до конца данным, в прошлом существовал народ с таким названием. Ф. П. Врангель упоминает: «На берегахъ Анадырскаго залива обитаетъ народъ, называемый чукчами *Онкилонъ*, т. е. *морскіе*, отъ котораго они совершенно отличаются тѣлосложеніемъ, одеждою и языкомъ. Капитанъ Биллингсъ, въ описаніи своего путешествія по Чукотской землѣ, показываетъ сходство языка сего народа съ языкомъ Кадьякскихъ Алеутовъ, которые одного происхожденія съ Гренландцами» [Врангель 1841, II: 333]. Возможно, это была какая-то группа тех, кто сегодня зовётся азиатскими эскимосами. А. М. Кондратов пересказывает легенду о мирном проживании чукчей с онкилонами и о последующем исходе последних на неизвестную землю. Он же замечает, что в XVII веке землепроходцы, казаки, исследователи Арктического побережья Сибири называли азиатских эскимосов «зубатыми чукчами», «сидячими чукчами», «онкилонами» и «айванами», причём последние два именования — прямые заимствования из чукотского языка [Кондратов 1983: 155, 157]. Но этноним *онкилон* не перенёсся на современных азиатских эскимосов и не был принят на вооружение наукой. Предложение В. Г. Богораза об использовании именования *айван* также не нашло себе применения.

Что же касается используемого У. Доллом в отношении азиатских эскимосов этнонима *туски* (в единственном числе на русском получится *туск*), учёный не разъясняет, откуда взято такое наименование; установить этимологию слова затруднительно.

Подводя итог, следует констатировать, что до революции русская наука не выбрала этнонима для азиатских эскимосов, хотя потребность в этом явно ощущалась: слишком различны американские инуиты с живущими по другую сторону Берингова пролива сородичами.

После революции попытка введения официального этнонима была предпринята. В 1931 году наименование *эскимос* для обозначения азиатской группы этнолингвистической общности было заменено в СССР на *юит*.

Слово *юит* — множественное число от слова *юк*, означающего ‘человек, мужчина’; таким образом, первое имеет значение ‘люди’ [Орлова 1941: 202].

В. Г. Богораз стал придерживаться такого названия, о чём свидетельствует его статья «Юитский (азиатско-эскимосский) язык» [Языки и письменность 1934: 105].

Несмотря на попытку внедрения, название *юит* не привилось, и в 1938 году был возвращён старый этноним — *эскимосы* [Народы Сибири 1956: 934]. Почему насущно необходимое введение в русском литературном языке официального этнонима для азиатских эскимосов не удалось?

По мнению автора настоящего исследования, произошло это ввиду того, что научно целесообразная инициатива не была самостоятельной, а проводилась на волне всеобщего переименования народов, далеко не всегда практически оправданной и теоретически нужной. По существу, глубокой научной дискуссии по этнонимике в отношении азиатских эскимосов проведено не было, им не присвоили имя в русском языке, а как бы «переименовали» вместе с чукчами, юкагирами, коряками и прочими. Когда стремление к смене этнонимов, не всегда настойчивое со стороны властей, сошло на нет, оказалось, что бóльшая часть народов Северо-Востока сохранила свои прежние названия, а новые в русском языке не прижились. Эскимосы, довольно малочисленные и плохо изученные, попали в общую струю. Е. П. Орлова, употребляя в 1941 году старый этноним *эскимос*, ссылается на его общепонятность [Орлова 1941: 202].

Всё это говорит о том, что власть действовала не исходя из научной целесообразности, а следуя конъюнктуре — в русле сиюминутных капризов и радикального поворота на 180° в промежутке меньшем, чем десятилетие[38].

[38] Здесь следует вспомнить внедрение письменности для большинства народов СССР на основе латинского алфавита в 1920-е (началось в 1922 году с азербайджанского языка),

Было бы целесообразно заменить громоздкое словосочетание *азиатские эскимосы* на одно слово, тем более что американские инуиты не составляют сплочённую общность с юитами, а последние живут как в Америке, так и в Азии, т. е. словосочетание затеняет этнолингвистическую семантику и выводит вперёд непервостепенный географический фактор.

В настоящее время часть эскимосов Чукотки называет себя *юпик*; также встречаются автоэтнонимы *сиренигмит, уназигмит, юпагыт, юпит* [Народы Северо-Востока 2010: 584]. Представляется, что для обозначения азиатских эскимосов следует выбрать один из этнонимов: *юпик* или *юит*. И тот и другой являются самоназваниями, но отличаются семантически. *Инупик* и *юпик (югыт)* означают ‘настоящие люди’, *инуит* и *юит* — ‘человек’ или ‘люди’ [Menovshchikov 1990: 69–70].

Представляется, что чашу весов следует склонить к этнониму *юит*, поскольку он схож по значению с этнонимом *инуит*. Правда, в США преимущественно используется наименование *юпик*, и официальное закрепление этнонима *юит* в России могло бы внести определённую путаницу в понятиях. В любом случае, поскольку эскимосы живут в разных государствах, принятие научно обоснованного слова для обозначения тех, кого сегодня называют азиатскими эскимосами, невозможно без консультаций не только с российскими лингвистами и этнографами, но также с их североамериканскими коллегами: нужно выяснить все сходства и различия между американскими и русскими юпиками (или юитами), чтобы выбрать более корректно один этноним из двух: *юпик* или *юит*.

Возможно, следует принять предложение В. Г. Богораза и назвать эскимосов, живущих в России, айванами. В пользу данного этнонима говорит его давность применения среди чукчей, заимствовавших слово у эскимосов. Азиатские эскимосы жили и живут рядом с чукчами, вследствие чего переняли от них ряд культурных черт, отличающих их от американских сородичей.

порою — путём коренной ломки традиционной письменности арабской вязью, а потом — столь же стремительный переход на кириллицу в 1930-е.

Этноним *айван* смог бы чётче различать азиатских юпиков (юитов) от юпиков, живущих в Северной Америке. Но в любом случае решающее слово в выборе этнонима должно быть за эскимологами и этнонимистами, специализирующимися на изучении народов Северной и Северо-Восточной Евразии, а также Северной Америки.

3.12. Юкагиры

Этноним: м. р. *юкаги́р* (неошибочно ударение *юка́гир*), мн. ч. *юкаги́ры*; ж. р. *юкаги́рка*, мн. ч. *юкаги́рки*; прил. *юкаги́рский*.

Юкагиры ныне обитают большею частью в верховьях и низовьях реки Колымы (в основном в Олёринском наслеге Нижнеколымского района (улуса) Якутии), а также на Чукотке и в Магаданской области. Всероссийская перепись населения 2010 года насчитала 1603 юкагира.

По сравнению с прошлыми веками территория проживания данного народа сильно сократилась. В. М. Зензинов в 1914 году писал, что в XVII веке река Индигирка была густо заселена юкагирами, о чём в 1639 году сообщал Иван Посник, называя данный край «индигерская юкагирская землица» с эпитетом «многолюдная» [Зензинов 1914а: 4]. Появление тунгусов, чукчей, коряков, а затем и русских сузило ареал распространения юкагиров. На сокращение численности народа повлияли ассимиляционные процессы, но основной причиной были тяжёлые эпидемии оспы, уносившие значительную часть населения.

В XVII веке юкагиры проживали от низовий Лены до Анадыря и делились на двенадцать племенных групп. Места обитания юкагиров были тесно связаны с речными системами, поэтому названия племенных групп часто давались по гидронимам.

В бассейнах и Яны обитали *яндагирцы, омолоевцы, хромовцы*, в бассейне Индигирки — *олюбенцы, янгинцы (янга), широмбойцы (шоромба)*, в бассейне Алазеи и Колымы — *алайцы (алаи), омокцы, когимцы (когимэ), лавренцы*, в бассейне Анадыря — *чуванцы, анаулы, ходынцы* [Юкагиры 1975: 13; Народы

Северо-Востока 2010: 640]. Какие-либо данные об этнической специфике этих групп в XVII веке отсутствуют [Этническая история 1982: 169]. Одна из племенных групп — чуванцы, — претерпев изменения в этнической основе, ныне образует обособленную народность. Именования *алаи* и *когимэ/кагима* существуют поныне как микроэтнонимы юкагиров: нижнеколымские юкагиры сгруппировались вокруг племени алаи, верхнеколымские — вокруг племени кагима [Проблемы возрождения 1996: 112], образуя две самостоятельные ветви народа. *Омокцы* явно связаны с этнонимом *омоки*. Остальные же наименования групп исчезли вместе с представителями.

Ф. П. Врангель сообщает об одной из групп: «Слѣдующаго лѣта, 1649 года, Дежневъ съ товарищами пошелъ вверхъ рѣкою [Анадыромъ], и былъ такъ счастливъ, что встрѣтился съ малочисленнымъ поколѣніемъ жителей сихъ мѣстъ, называвшимся *Анаулами*, которые заплатили ему первый ясакъ, но въ послѣдствіи, за оказанную ими непокорность, были совершенно истреблены» [Врангель 1838: 13]. На той же странице упоминается ещё одно юкагирское племя — ходынцы, покорённые казаками в 1650 году.

Этноним *юкагир* не является самоназванием. В. И. Иохельсон в монографии указывает, что сами юкагиры не знают, кто их так назвал [Jochelson 1910: 16; Иохельсон 2005: 46]. Учёный пишет, что нельзя на основании созвучности утверждать, что «юка» в слове «юкагир» — это юкагирское «юка», означающее ‘дальний’ [Jochelson 1910: 16], поскольку названия двух тунгусских родов на Амуре также начинаются с «юка» (*юкаминка* и *юкамиси*). Кроме того, концовка слова *-гир* также является тунгусской, поскольку встречается в названиях орочонов. Анализируя составные части слова, В. И. Иохельсон делает предположение о тунгусском происхождении этнонима *юкагир.*

А. Е. Дьячков указывал, что юкагиры по ошибке гижигинских писателей называются неправильно, т. е. считал данный этноним некорректным: «Когда юкагиры находились въ Колымскомъ округѣ, то они въ казенныхъ дѣлахъ именовались *Омоками* <…>. Теперь омоки, по причинѣ свирѣпствовавшей въ

Колымскомъ округѣ оспы, такъ уменьшились въ числѣ, что даже не могутъ составить одного средней величины общества. Омоки, которые раньше болѣзни переѣхали на Анадыръ, теперь и составляютъ здѣсь [въ селѣ Марковѣ] юкагирское общество. Юкагирами, собственно, называлось другое племя, которое раздѣлялось на первый и второй, омолонскій и юкагирскій роды, которые были выходцами съ рѣки Омолона, впадающей въ Колыму съ правой стороны <…>. <…> Омоки жили и кочевали по сѣверо-западной покатости Становаго хребта по двумъ рѣкамъ, впадающимъ въ Колыму съ правой стороны, Большому и Малому Анюямъ» [Дьячков 1893: 64–65].

Таким образом, А. Е. Дьячков считал, что омоки и юкагиры в прошлом были разными племенами, лишь впоследствии первые стали отождествляться со вторыми.

В действительности омоки являлись племенной группой юкагиров; ко времени, когда А. Е. Дьячков писал свой труд, они полностью исчезли.

В. И. Иохельсон указывает, что омоки — предки юкагиров, поскольку *омок* — это именительный падеж от основы *омо*, означающей ‘род, племя’ [Иохельсон 2005: 50].

А. И. Попов пишет, что *омо(к)* является тюрко-монгольским заимствованием, и приводит сравнения: бурят. и монг. *обог, омог* ‘род, племя’, якут. *омук* ‘племя’; эвенки также восприняли *омут* ‘род, племя’ из якутского языка [Попов 1973: 157–158]. Следует уточнить: бурятское *обог* действительно имеет значение ‘племя’, но уже в словаре середины XX столетия такая семантика признаётся устаревшей, а основное значение слова — ‘фамилия’; слово *омог* также может означать ‘фамилия’, в переносном значении — ‘местность’ [Бурят-монгольско-русский словарь 1951: 361, 368].

Омоки были восточными соседями алаев и обитали в среднем и нижнем течении Колымы и нижнем течении Омолона [Народы Северо-Востока 2010: 640]. В. А. Туголуков подчёркивает: «Нижнеколымских юкагиров русские иногда называли *омоками*, а для верхнеколымских не существовало определённого названия» [Туголуков 1979: 17], имея в виду XVII век. Эти

данные подтверждаются А. Е. Дьячковым. Таким образом, во времена, когда северные (тундренные) юкагиры составляли несколько племён, русские использовали обобщающий этноним *омоки*, поскольку данное племя было самым многочисленным. Впоследствии, при снижении численности омоков, о чём прямо указывает А. Е. Дьячков, и объединении северных юкагиров вокруг племени алаи, ситуация коренным образом изменилась. Ныне этноним *омоки* ограниченно употребляется по отношению к тундренным юкагирам, однако субэтнос — первоначальный носитель этнонима исчез.

Б. О. Долгих связывает этноним *алаи* с названием реки Алазеи [Долгих 1960: 422–423]. В качестве весомого аргумента учёный приводит факт: служилые люди в XVII веке называли алазейских юкагиров именно алазеями, а не алаями. Правда, он не приводит обстоятельств, каким образом произошла трансформация *алазеи* > *алаи*, но в целом с его позицией можно согласиться, поскольку иной этимологии слова *алай* (мн. ч. *алаи*) пока что не обнаружено; лексемы отсутствуют в словаре А. Е. Аникина [Аникин 2000].

А. А. Бурыкин, комментируя Ф. П. Врангеля, пишет, что омоки — это название анюйских (т. е. тундровых) юкагиров, и уточняет, что иногда по-якутски так называют всех юкагиров, на что верхнеколымские юкагиры сильно обижаются [Бурыкин 2006: 105]. Б. О. Долгих подтверждает, что нижнеколымские юкагиры были известны под названием омоков и считались частью юкагиров [Долгих 1960: 417].

Современные юкагиры подразделяются на две ветви, имеющие самостоятельные языки, — на северных (тундровых, нижнеколымских) и южных (верхнеколымских или колымских, лесных).

Самоназвание юкагиров — *одул*. Поскольку северные и южные юкагиры имеют разные языки, их самоназвания не совпадают полностью: тундровые (северные, нижнеколымские) юкагиры называют себя *вадул*, а лесные (южные, верхнеколымские) — *одул*. По этим этнонимам северноюкагирский язык называют также вадульским, а южноюкагирский — одульским.

Этнонимы *одул* и *вадул* означают ‘здешний, свой’. Данная этимология косвенно подтверждается однокоренными словами: *ваӈанэ* ‘собственный (о жилье, имуществе), родной’, *ваӈинэ* ‘собственный (об олене, имуществе), родной’, *ваӈариил* ‘название юкагирского рода; исконные, коренные’, *ваӈарииль* ‘предок, родоначальник’, *ваӈирэл* ‘название рода тундренных юкагиров’, *валь* ‘возле; около’ [Курилов 1990: 38, 40]. Придание лексемам *одул* и *вадул* значения ‘сильный’ (см., напр.: [Жукова 2009: 8]) основано на т. н. народной этимологии и не подтверждается фактами.

Этноним *одул* не всегда был самоназванием именно народа. Как указывалось выше, в XVII веке юкагиры делились на двенадцать племён. По замечанию Г. Н. Курилова, все племена имели общий этноним *одул*, отчего составители ясачных книг решили, что это общее название всего народа, состоящего из отдельных родов *алаи, коймэ, анаул* и т. п. Между тем, по мнению учёного, в те далёкие времена *одул* имел то же значение, какое имеет сегодня этноним *славянин* [Проблемы возрождения 1996: 112], т. е. являлось не самоназванием одного народа, а именованием совокупности народов, объединяемых в одну этноязыковую общность. Весьма вероятно, что Г. Н. Курилов прав относительно XVII столетия; сегодня, ввиду малочисленности юкагиров и исчезновения десяти из двенадцати племён, сами юкагиры восприняли *одул* в качестве самоназвания именно народа, а не этноязыковой общности. Сам же учёный верно указывает, что в интересах сохранения общеюкагирской культуры верхнеколымские и нижнеколымские юкагиры выступают как один народ [Там же].

Обе ветви юкагиров сохраняют память о племенной обособленности и до настоящего времени именуют себя и своих сородичей различно. Южные (лесные) юкагиры называют северных (тундровых) — *алаи*, а северные южных — *когимэ* ‘вороньи люди’.

В. И. Иохельсон подтверждает данный факт и указывает: верхнеколымские юкагиры называют тундренных *алáйи*, что по их понятиям означает ‘тунгус’. «Омолонские юкагиры (также относятся к южным. — *М. Т.*)

сохранили предание, что *ала́йи* составляли с ними единый народ, пока не смешались с тунгусами. В тундре не только юкагиры *ала́йи*, но и юкагиризированные тунгусы рода *Хан̃ай* называют себя одулами, а колымских юкагиров *кохи́мэ*» [Иохельсон 2005: 50–51].

Таким образом, названия двух из двенадцати ранее существовавших юкагирских родов сохранились в качестве региональных этнонимов юкагиров, ныне образующих северную и южную (тундровую и лесную) ветви данного народа.

Юкагиры, почти полностью ассимилированные эвенами, живущие по рекам Индигирке и Яне, называют себя эвенскими словами *илконбей* ‘местный человек’, *дюткиль/дуткиль, дуткэ* ‘бесстрашный человек’ либо *бугуч* [Народы Сибири 1956: 886; Туголуков 1979: 36; Никонов 1984: 48, 49]. Однако этнографические единицы с вышеобозначенными самоназваниями нельзя однозначно отнести к юкагирам — они скорее пограничная группа между эвенами и собственно юкагирами, с тяготением к растворению среди эвенского народа. Исследователями отмечена тесная связь между эвенами и юкагирами Индигирки [Юкагиры 1975: 27–28]; «некоторые эвенские роды Большой западной тундры перешли на юкагирский язык, а юкагиры переняли черты материального быта и обычаи эвенов» [Пупынина, Коряков 2019: 77]. Дуткили говорят по-эвенски, в их речи есть лишь несколько заимствований из тундрового юкагирского языка. Юкагирами этнографические единицы *дуткиль* и *илконбей* называются скорее по традиции, поскольку данные группы ведут своё происхождение от юкагирских родов. Так, И. С. Гурвич ещё в 1950-е годы считал целесообразным отнести эвенов и юкагиров Аллаиховского района Якутии к одной этнической группе, отмечая, что «различия между юкагирами и эвенами сводятся к деталям» (цит. по: [Сулейманов 2017: 165]).

Подтверждение сходства между эвенами и юкагирами вышеобозначенной местности обнаруживается в чукотском языке: В. Г. Богоразом, а также современными исследователями М. Ю. Пупыниной и

Ю. Б. Коряковым отмечено, что чукчи обэвененных юкагиров Большой западной тундры называют *óрƕу-ӷаарáмкыт* ‘санные тунгусы’ (‘оленные люди на нартах’), эвенов — *ӷоремтѐ-ӷаарáмкыт* ‘верхооленные тунгусы’ (‘ездящие верхом люди’), общий этноним для обоих этносов — *ӷаарáмкын* ‘оленный народ’ [Богораз 1900: 67; Пупынина, Коряков 2019: 77].

Как и подавляющее большинство народов Севера, юкагиры не избежали попытки переименования, однако она была недостаточно последовательной и успехом не увенчалась.

В 1930 году Н. И. Спиридонов опубликовал в журнале «Советский Север» (№ 9–10, с. 166–214) труд, названный «Юкагиры (одулы) Колымского округа» (переиздан, см.: [Спиридонов 1996]). Сам автор, родившийся в урочище Нелемном (ныне село Верхнеколымского района Якутии), принадлежал к южным юкагирам, отчего и взял себе литературный псевдоним по местному самоназванию — Тэки Одулок (Маленький Одул). В своём научном труде автор последовательно использует этноним *одул*. Однако Н. И. Спиридонов употреблял данный этноним не потому, что ему импонировало использование в русском языке самоназвания своего народа, — это подкреплялось и общей политикой советской власти тех лет — сменять «старые» названия народов на самоназвания. Та же тенденция в использовании этнонимов прослеживается и в других изданиях.

Так, в 1934 году вышла третья часть «Языков и письменности народов Севера», одна из глав которой, написанная В. И. Иохельсоном, посвящена юкагирскому языку. В заголовке и в самом начале главы в скобках поясняется, что одульский язык — это юкагирский, а одулы — юкагиры [Языки и письменность 1934: 149]; далее везде по тексту употребляется этноним *одул*.

Однако эксперимент по введению самоназвания *одул* успехом не увенчался. Как представляется, попытка властей не была настойчивой, этноним *одул* использовался в научных изданиях, но не был закреплён на официальном уровне. Кроме того, юкагиры делятся на две ветви, и одулами называют себя только южные жители, а северные именуются вадулами. При

устоявшихся самоназваниях отдельных юкагирских групп отдача предпочтения этнониму южных юкагиров, без подавляющего численного перевеса их по отношению к северным, не могла встретить понимания у тундренных юкагиров. Соответственно, *одул* как общий этноним в русском языке не прижился, но используется по настоящее время для обозначения южных юкагиров — в противовес северным, вадулам.

Сегодня привычное место ударения в этнониме *юкагир* — на последнем слоге. Однако следует заметить, что так было не всегда. Разумеется, достаточно сложно восстановить, как то или иное редкое слово произносилось и где в нём ставилось ударение во времена, когда не существовало средств записи устной речи. Иногда в этом помогают письменные источники, если автор как-либо разъясняет произносительную норму, приводя малознакомое читателю слово.

И. Д. Черский в материалах, написанных по завершении экспедиции на Колыму, Индигирку и Яну [Черский 1893], аккуратно проставляет ударения в гидронимах (*Колымá, Мóма, Нерá* — с. 2), а также различных регионализмах — названиях блюд (*ю́кола, хахтá* ‘лучшая юкола’ (с. 6); *юря́* ‘«голодовочный» супъ изъ отвара молодого слоя лиственничной древесины съ отваромъ мельчайшихъ, нерѣдко полупротухлыхъ рыбокъ’ — с. 7), рыб (*о́мули, не́льмы* (мн. ч.) — с. 6) и т. п. Тому же принципу следует И. Д. Черский и при передаче этнонимов, кроме общеизвестного в конце XIX века *якут*. Он пишет: «Такъ дѣлается [объякучиваніе] иногда не только съ русскими, процентъ которыхъ самый незначительный, но еще въ большей степени съ юка́гирами и ламута́ми, живущими здѣсь [въ Верхне-Колымскѣ] въ количествѣ всего лишь около 150 душъ (около 80 юка́гировъ и 70 ламуто́въ)» [Там же: 12]. Далее по тексту автор почти везде ставит ударение на этнониме *юка́гир* и производном от него прилагательном *юка́гирский*. Объяснение такого произношения видится в следующем: И. Д. Черский общался с якутами и перенял у них постановку ударения в слове. Ниже по тексту приводятся сведения о том, что якуты «называютъ сѣверное сіяніе юка́гирскимъ огнемъ, говоря: „юка́гыръ уо́та

убайе́ръ“, что означаетъ: у юкагировъ огонь горитъ[39]» [Там же: 26–27]. Поскольку И. Д. Черский даёт фразу по-якутски с простановкой ударения, не приходится сомневаться, что именно так он слышал и воспринял якутскую речь, а затем перенёс произношение этнонима в русский язык.

Следует заметить, что в последнем томе «Словаря современного русского литературного языка», вышедшем в 1965 году, указано два возможных ударения на слове: **юка́гиры** и **юкаги́ры** [БАС-1, 17: 1980]; в других справочных изданиях, даже более ранних (например, в IV томе словаря Д. Н. Ушакова 1940 года), даётся только ударение на *и* [Ушаков, IV: 1445]. Сегодня ударение на предпоследнем слоге практически не встречается, словари, как правило, дают только один вариант — исключительно с ударением на последнем слоге; однако четвёртый том четвёртого издания «Словаря русского языка», вышедший в 1999 году, указывает на возможность двоякого ударения [МАС-4, 4: 773].

Выводы по главе 3

Каждый малочисленный народ Северо-Востока России имеет не один, а несколько этнонимов, среди которых есть один общий и несколько микроэтнонимов. В прошлом отдельные субэтнические группы пользовались своими наименованиями, каждое из которых могло бы стать общенародным.

В период коренизации, начавшейся после Октябрьской революции, власти предприняли меры к закреплению одного имени за каждой этнической общностью; таким образом, у каждого народа в русском языке появился один общий этноним, при этом в ходу оставались также региональные названия, известные русскоязычным жителям.

Кроме этого, проводилась политика замены этнонимов, имевших хождение до революции, этнонимами — самоназваниями народов. Политика не отличалась строго научным подходом и проводилась скопом по отношению

[39] В. И. Иохельсон также отмечает, что якуты северное сияние называют *юкагир отто* ‘юкагирский огонь’ [Jochelson 1910: 16; Иохельсон 2005: 47].

ко всем народам Северо-Востока. Следует отметить, что в отдельных случаях установление нового этнонима было целесообразно и способствовало чёткому этническому разграничению. При этом не во всех случаях, где такое установление в русском языке нового названия для этнической группы было актуально, оно прижилось, — в случае с эскимосами, живущими в России, смены этнонима не произошло. В тех ситуациях, где изменять привычную этнонимию не было научных оснований, новые названия не прошли проверку временем и вскоре исчезли из употребления.

В целом же установление и закрепление одного общего этнонима, явившееся результатом кропотливой работы лингвистов и этнографов, укрепило национальную идентичность народов Северо-Востока и поспособствовало более детальному их описанию в научных монографиях и лексикографических работах.

Заключение

В настоящей диссертации проведено исследование региональной этнонимики Северо-Востока России в части этнонимикона малочисленных народов, проживающих в данном крае, числом двенадцать этнических общностей. С разной степенью подробности описано более ста этнонимов — от официальных наименований прошлого и настоящего до микроэтнонимов.

Предпринятый лингвистический анализ этнонимов показал изменчивость этнического ономастикона в следующих аспектах:

1. Переменялась частота употребления этнонимов: со сменой эпох одни онимы отходили в прошлое, появлялись новые. Например, этноним *эвен* заменил этноним *ламут*, в середине XX века «соперничали» этнонимы *эвен* и *ороч*, затем последний отошёл в разряд микроэтнонимов. Данное обстоятельство подтверждает факт реагирования языка на новые явления в социуме. Во время любых общественных реформ, преобразований или радикальных скачков первым полем перемен в лингвистике является именно лексика и ономастика как неотъемлемая её часть. В отличие от других лингвистических систем (например: грамматики, орфоэпии), ономастика является целенаправленным творением человека и обусловливается только его сознательной волей. Разумеется, в ономастике тоже существует традиция, при несущественных общественных изменениях онимы остаются прежними или заменяется незначительное их число.

2. Революционный перелом в начале XX века перекроил ономастическую карту России, что нашло своё отражение в том числе в этнонимах малочисленных народов Северо-Востока России. Вместе с тем нельзя сказать, что все изменения были негативные: в отношении отдельных народов смена названия давала возможность лучшей ономастической маркировке народа. Так, введение этнонимов *эвенк* и *эвен* способствовало этнической консолидации тунгусских племён в народы, закрепление этнонима *коряк* за

всеми племенными группами дало толчок формированию единой корякской идентичности.

3. Общая система переименований народов после революции носила противоречивый оттенок: бóльшая часть новых этнонимов не прижилась; до конца XX века оставались нерешёнными вопросы относительно именования ительменов и камчадалов, была внесена путаница в разграничение данных народов, в том числе в лексикографических работах; целесообразное предложение В. Г. Богораза о введении имени для азиатских эскимосов не получило развития и до сих пор остаётся невостребованным.

4. На протяжении истории менялось значение отдельных лексем; например, таких как *ительмен* и *камчадал*. Отчасти это было обусловлено этапом становления — вхождения новых слов в лексикон русского языка: такой период может длиться десятилетиями, ибо движение слова от периферии литературного языка ближе к центру (в данном случае обусловленное степенью официальности этнонима) не имеет одинаковых временны́х критериев для всех случаев.

5. Вследствие языковых реалий XX века этноним, перейдя от периферии в ядро литературного языка, может закрепиться там в одной форме — мужского рода, а женский дериват безосновательно остаётся исключительно частью регионального ономастикона. Так, этнонимическое значение лексемы *чукча* стало общеизвестным в XX столетии, однако лексема *чукчанка* до сих пор имеет преимущественное распространение только в местах компактного проживания чукчей и среди образованных людей: вне пределов Северо-Востока слово *чукча* в речи говорящих часто имеет мужской и женский род, обозначая лиц обоего пола. Данное явление следует признать ненормальным. Принадлежность этнонима *чукча* ко второму склонению, куда входят также существительные т. н. общего рода (*плакса, сирота* и т. п.), не может служить причиной отнесения этнонима к общему роду: принципиально важно маркировать половую принадлежность представителя народа посредством существительного. Невхождение этнонима *чукчанка* в ядро литературного

языка объясняется пренебрежением феминитивами после революции, именно когда лексема *чукча* получила широкое употребление.

6. Этнонимы малочисленных народов Северо-Востока представляют собою часть региональной этнонимии, в свою очередь входящей в северо-восточный региолект русского языка, могущий рассматриваться как составная дальневосточного региолекта русского языка.

В целом следует констатировать, что в настоящее время сложился этнонимикон малочисленных народов Северо-Востока, существуют общие названия, являющиеся официальными именованиями этнических общностей, и локальные имена — микроэтнонимы.

Региональная этнонимика расположена на границе региональной лингвистики и ономастики: являясь частью региолекта, она в то же время неотъемлемая составляющая именной (проприальной) карты местности и — на следующем уровне — всей ономастической системы языка.

Русский официальный этнонимикон малочисленных народов Северо-Востока на сегодня представляет собой полностью заимствованную лексику: к настоящему времени не образовалось ни одного этнонима для малочисленного народа на русской этимологической основе, если не брать в расчёт этнофолизмы, применяемые для обозначения не только народов Северо-Востока, но и иных этнических групп, проживающих в других регионах.

Некоторые лексемы, являвшиеся в прошлом исключительно этнонимами северо-восточных народов в русском языке, приобрели дополнительные значения. Как правило, при образовании отэтнонимических слов с новыми значениями последние чаще всего получают экспрессивный оттенок; данный факт нашёл своё подтверждение в таких словах, как *чукча* и *камчадал* — наиболее известных из всех этнонимов Северо-Востока: вне этнонимии первое значит ‘наивный (иногда — глупый) человек, простак’, второе — ‘сидящий на задней парте ученик’ (школьный жаргон).

Официальные названия народов, невзирая на малочисленность таковых, следует безоговорочно относить к литературному языку. Поскольку это ономастические регионализмы, данные этнонимы находятся вне литературно-языкового ядра, на периферии. Микроэтнонимы также следует включать в литературный язык. Однозначно вне пределов нормы и, соответственно, литературного языка необходимо ставить этнофолизмы (этнонимы пейоративного значения) и экспрессивные именования. Таким образом, в отличие от регионализмов — нарицательных терминов, относимых к литературному языку по множеству критериев, ключевым из которых является безэквивалентность наименования местного предмета или явления, этнонимы (как и онимы в целом) составляют часть литературного языка постольку, поскольку они официальны, и стоят вне литературной нормы и даже правил приличия в прямой пропорции со своей экспрессивностью и оскорбительностью. Основное отличие региональной ономастики от нерегиональной в большей стилистической дифференцированности первой: она включает в себя множество онимов от литературных до обсценных.

В силу ограниченного объёма в настоящем диссертационном исследовании не описаны этнонимы русского старожильческого населения, представляющие большой научный интерес как для изучения этнонимикона русского народа, так и региональной этнонимии Северо-Востока. Данная работа ждёт своего исследователя.

Настоящая диссертация не исчерпывает ономастических изысканий малочисленных народов Северо-Востока России. Представляется необходимым полное лексикографическое описание этнонимов, включая примеры производных слов — как общераспространённых и оттого не вызывающих затруднений в употреблении, так и сложных, с детальным описанием всех возможных вариаций. Такой труд может послужить составной частью для полномасштабной лексикографической работы по всем этнонимам России.

Список сокращений

1. БАС-1: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
2. БАС-3: Большой академический словарь русского языка: В 30 т. СПб., 2004–2019–.
3. БТС: Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2003.
4. ВТС: Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.). К.; Ірпінь, 2005.
5. МАС-1: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1961.
6. МАС-2: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1983.
7. МАС-4: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999.
8. НБТС: Новейший большой толковый словарь русского языка. СПб.; М., 2008.
9. ООВС-1: Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
10. ООВС-2: Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.
11. САР-1: Словарь Академии Российской: В VI т. СПб., 1789–1794.
12. САР-2: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: В VI т. СПб., 1806–1822.
13. СОАН: Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
14. СОВН: Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилаторского 1902 г. СПб., 2006.
15. СООН: Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

16. СРГП 2007: Словарь русских говоров Приамурья. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск, 2007.

17. СРКН: Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск, 1977.

18. СРНГ: Словарь русских народных говоров. М.; (Л.) СПб., 1965–2019–.

19. ССТМЯ: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: В 2 т. Л., 1975–1977.

20. СУМ-11: Словник української мови: В 11 т. К., 1970–1980.

21. СЦСиРЯ: Словарь церковно-славянского и русского языка: В IV т. СПб., 1847.

Список литературы

Монографии, статьи, диссертации и прочее

1. Абаев В. И. Этнические названия на *-ец* в русском языке // Вопросы культуры речи. М., 1959. Вып. 2. С. 83–90.

2. Акты, относящіеся до возмущенія Тунгусовъ и злоупотребленій начальныхъ людей въ Охотскѣ // Дополненія къ Актамъ Историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою Коммиссіею. Т. 7. СПб.: Въ типографіи Эдуарда Праца, 1859. С. 277–304.

3. Акулов А. Ю. История языка айну: первое приближение // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. 2007. Вып. 2. С. 117–122.

4. Анучин Д. Н. Племя айнов // Труды Антропологического отдела. Кн. 2, вып. 1. Протоколы заседания отдела (с 3 ноября 1865 года по 13 мая 1875 года) // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XX. М.: Типо-литография С. П. Архипова, 1876. С. 79–203.

5. Аргентов А. И. Описание Николаевского Чаунского прихода // Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Кн. 3. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1857. С. 79–106.

6. Аргентов А. И. Северная земля // Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. 2. СПб.: В типографии В. Безобразова и Комп., 1861. С. 1–34.

7. Аргентов А. И. Путевые записки. 2-е изд. Н. Новгород: Типография Ройского и Душина, 1886. 48 с.

8. Арутюнов С. А., Щебеньков В. Г. Древнейший народ Японии: Судьбы племени айнов. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1992. 208 с.

9. Арутюнян Г. Образ азербайджанцев в армянских интернет-форумах // 21-й век. № 1 (38). 2016. С. 84–103.

10. Бацевич С. Л. Два года в местечке Гижига Камчатской области // Известия Общества Горных Инженеров. 1913. № 3. С. 1–32.

11. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Под ред. А. К. Матвеева. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Либроком, 2009. 328 с.

12. Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2018. № 11 (43). С. 6–22.

13. Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1. Образцы народной словесности чукоч. СПб.: 1900. XXXVI, 417 с.

14. Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекции Н. Л. Гондатти, находящейся в Этнографическом музее Императорской Академии Наук. СПб.: 1901а. 67 с.

15. Богораз В. Г. О так называемом языке духов (шаманском) у различных ветвей эскимосского племени // Известия Российской Академии Наук. VI сер. Т. 13. Вып. 8–11. Пг., 1919. С. 489–495.

16. Богораз В. Г. Чукчи: в 2 ч. Ч. 1. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК, 1934. XXX, 192 с.

17. Богораз В. Г. Материалы по языку азиатских эскимосов / Под ред. И. С. Вдовина. Л.: Учпедгиз, 1949. 256 с.

18. Болмат С. Л. Сами по себе. 2-е изд. М.: Ad Marginem, 2000. 254 с.

19. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

20. Боякова С. И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. — 1917 г.). Новосибирск: Наука, 2001. 160 с.

21. Бурыкин А. А. Следы культуры эскимосов на Охотском побережье // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки: духовная культура. Вып. 4. СПб., 1996. С. 48–50.

22. Бурыкин А. А. Эвенкийские и эвенские этнонимы Охотского побережья // Традиционная культура народов Восточной Азии. Вып. 3. Благовещенск, 2001. С. 246–253.

23. Бурыкин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 224 с.

24. Бурыкин А. А. Из истории этнонима *эскимосы* в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. V, ч. 3. СПб.: Наука, 2009. С. 230–233.

25. Бурыкин А. А. Иноязычная ономастика русских документов XVII–XIX вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник: дис. … докт. ист. наук: 07.00.09, 07.00.07. СПб., 2011. 476 с.

26. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). К.: Изд-во Киевского университета, 1972. 210 с.

27. Белоглазова С. Б. Коренные жители острова Кадьяка периода Русской Америки в записках русских миссионеров и мореплавателей // Вестник ДВО РАН. 2002. № 1. С. 34–44.

28. Белянская М. Х. Традиция и современность: культура выживания северных тунгусов в Северо-Восточной Азии (историко-этнографический очерк). СПб.: Бельведер, 2004. 124 с.

29. Варламов А. Н. К вопросу о происхождении этнонима «тунгус» // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 1 (30). С. 71–76.

30. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.

31. Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.

32. Вахтин Н. Б. Языковые контакты и русско-эскимосская грамматическая интерференция (предисловие к теме) // Acta Linguistica

Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. IX, ч. 3. СПб.: Наука, 2013. С. 346–361.

33. Вахтин Н. Б., Головко Е. В., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004. 292 с.

34. Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей / Отв. ред. проф. Л. П. Потапов. М.; Л.: Наука, 1965. 404 с.

35. Вдовин И. С. К вопросу происхождения названия «алеут» // Страны и народы Востока. Вып. 6. Страны и народы бассейна Тихого океана. М., 1968. С. 101–105.

36. Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973. 304 с.

37. Вдовин И. С. Айнско-ительменские связи и отношения // Айнская проблема. (Вопросы этногенеза и этнической истории айнов) / Отв. ред. А. Б. Спеваковский. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), РАН; Владивосток: Рубеж, 2017. С. 156–170.

38. [Войт В. К.] Камчатка и ея обитатели. СПб.: В типографии С.-П.-Б. городской полиции, 1855. [2], 35 с.

39. Володин А. П. Ительменский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1996. С. 60–71.

40. Врангель Ф. фон [Врангель Ф. П.]. Историческое обозрение путешествий по Ледовитому океану, между Карским морем и Беринговым проливом, до 1820 года // Сын Отечества. Второе двадцатипятилетие. Т. 4. № 7–8 / Ред. Н. Греч. СПб.: В типографии Александра Смирдина, 1838. 120 с.

41. Врангель Ф. фон [Врангель Ф. П.]. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедициею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля. Ч. I–II. СПб.: В типографии А. Бородина и Кº, 1841.

42. Гельгардт Р. Р. О литературном языке в географической проекции // Вопросы языкознания. 1959. № 3. С. 95–101.

43. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 ч. Ч. 3. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1799. [VI], 116 с.

44. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. 457 с.

45. Глущенко О. А. К проблеме этничности камчадалов-ительменов // Русское слово: литературный язык и народные говоры. Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Г. Г. Мельниченко / Отв. ред. Т. К. Ховрина. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2008. С. 107–113.

46. Гоголева Е. М. Освоение заимствований из языков коренных народов Северо-Востока (произносительный и словообразовательный аспект) // Сохранение национальных культур в условиях диалога: Материалы научно-практической конференции учителей русского языка и литературы / Отв. ред. Э. Д. Шантина. Магадан: Кордис, 1999. С. 13–16.

47. Гоголева Е. М. Лексемы «материк» и «Колыма» в общенациональном словаре и в региональной традиции // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 2. Магадан: Кордис, 2007. С. 199–208.

48. Гоголев А. И. Этническая история народов Якутии (до начала XX в.): Монография. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. 104 с.

49. Головин [В. М.] Обзор русских колоний в Северной Америке. СПб.: В типографии Морскаго министерства, 1862. 176, 2 с.

50. Головко Е. В., Вахтин Н. Б., Асиновский А. С. Язык командорских алеутов: диалект острова Беринга. СПб.: Наука, 2009. 355 с.

51. Головко Е. В., Диркс М. Л. Алеуты и алеутский язык // Алеуты: Каталог коллекций Кунсткамеры / Автор-сост. С. А. Корсун, отв. ред. Ю. Е. Берёзкин. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 384 с.

52. Гондатти Н. Л. Сведения о поселениях по Анадыру // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества.

Т. III. Вып. I. Хабаровск: Типография при канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1897а. С. 71–110.

53. Гондатти Н. Л. Оседлое население реки Анадыра // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. III. Вып. I. Хабаровск: Типография при канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1897б. С. 111–165.

54. Гондатти Н. Л. Состав населения Анадырской округи // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. III. Вып. I. Хабаровск: Типография при канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1897в. С. 166–178.

55. Гордова Ю. Ю. Лингвистические проблемы региональной ономастики (на материале рязанской топонимии и антропонимии): дис. … докт. филол. наук: 10.02.21. М., 2018. 573 с.

56. Грищенко А. И. Лексическое значение этнонима — семантическое уравнение с двумя неизвестными // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I: Сб. научных статей / Сост. В. Н. Денисенко, О. И. Валентинова и др. М.: РУДН, 2011. С. 437–443.

57. Грищенко А. И. Ономастический статус этнонимов в свете антропологической концепции имени собственного // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.: в 2 ч. Ч. 1 / [ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 89–91.

58. Грищенко А. И. Русские этнонимы и смежные с ними лексические категории в толковых словарях // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15). С. 147–163.

59. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1873. 162 с.

60. Грот Я. К. Областные словари // Труды Я. К. Грота. II. Филологические разыскания (1852–1892) / Изд. под ред. проф. К. Я. Грота. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1899. С. 99–112.

61. Гурвич И. С. Юкагиры чуванского рода в середине XVIII в. // Сибирский этнографический сборник. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 246–262. (Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXV).

62. Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири / Отв. ред. Б. О. Долгих. М.: Наука, 1966. 269 с.

63. Дитмар [К. В.] О Коряках и весьма близких к ним по происхождению Чукчах // Вестник Императорского Русского Географического Общества. Ч. 15. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1855. Отд. V. С. 51–63.

64. Дитмар [К. В.] О Коряках и весьма близких к ним по происхождению Чукчах. (Окончание) // Вестник Императорского Русского Географического Общества. Ч. 16 / Под ред. Е. И. Ламанского. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1856. Отд. V. С. 19–39.

65. Дитмар К. фон [Дитмар К. В.]. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Ч. 1. Исторический отчет по путевым дневникам. СПб., 1901. X, 756 с.

66. Добромыслов Н. М. Заметки по этнографии бангузинских орочен // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. V. Вып. I. М.: Типолитография А. В. Васильева и Кº, 1902. С. 78–87.

67. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Отв. ред. Г. Ф. Дебец. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 624 с.

68. Донецкий регионолект: монография / В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой, К. В. Паршина, И. А. Кудрейко и др.; под ред. В. И. Теркулова. Донецк: ООО «НПП „Фолиант“», 2018. 265 с.

69. [Дьячков А. Е.] Анадырский край: Рукопись жителя села Маркова г. Дьячкова / С предисл. г. Ф. Ф. Буссе. Владивосток: Типография Сибирского Флотского Экипажа, 1893. [2], XXVIII, 158 с.

70. Евсюкова О. Н. Топонимия города Магадана: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Магадан, 2008. 231 с.

71. Ерофеева Т. И., Грузберг Л. А. Ещё раз о просторечии // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1989. С. 3–11.

72. Желиховская В. [П.] Кавказ и Закавказье. СПб., 1885. 114 с.

73. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л.: ГИХЛ, 1936. 300 с.

74. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 636 с.

75. Жукова Л. Н. Очерки по юкагирской культуре. Ч. 1. Одежда юкагиров: генезис и семантика / Отв. ред. д-р ист. наук М. А. Кирьяк. Новосибирск: Наука, 2009. 152 с.

76. Загрязкина Т. Ю. Французская диалектология. М.: МГУ, МАЛП, 1995. 192 с.

77. Заринов И. Ю. Социум — этнос — этничность — нация — национализм // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 3–30.

78. Зварыкина И. С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) // Гуманитарные исследования: Язык. Коммуникация. 2013. № 2 (46). С. 30–36.

79. Зварыкина И. С. Способы номинации регионализмов Астраханского края // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2 (27). С. 213–219.

80. Зензинов В. М. В гостях у юкагиров / Оттиск из «Этнографического обозрения». М., 1914а. 22 с.

81. Зензинов В. М. Старинные люди у Холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа / С предисл. В. В. Богданова. Изд. второе, испр. и доп. М.: Типография П. П. Рябушинского, 1914б. 134 с.

82. История и культура ительменов: Историко-этнографические очерки / Под общ. ред. акад. А. И. Крушанова. Л.: Наука, 1990. 208 с.

83. История и культура коряков: Историко-этнографические очерки / Под общ. ред. акад. А. И. Крушанова. СПб.: Наука, 1993. 237 с.

84. История и культура чукчей: Историко-этнографические очерки / Под общ. ред. чл.-корр. АН СССР А. И. Крушанова. Л.: Наука, 1987. 288 с.

85. Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. Образцы народной словесности юкагиров (тексты с переводом) // Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отд. III. Т. IX. Ч. III. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1900. XVI, 206 с.

86. Иохельсон В. И. Юкагиры и чуванцы // Язык — миф — культура народов Сибири. Вып. 3. Якутск, 1994. С. 227–230.

87. Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация / Пер. с англ.; отв. ред. Ч. М. Таксами. СПб.: Наука, 1997. 288 с.

88. Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; т. 5).

89. Кавказский календарь на 1908 год / Под ред. Д. Д. Пагирева. LXIII год. Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1907. [5], XXIV, 226, 148, X с., 587 стб., 93 с.

90. Ковалёв Г. Ф. Этнос и имя. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. 236 с.

91. Ковалёв Г. Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Научная книга, 2014. 440 с.

92. Коготкова Т. С. Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М.: Наука, 1970. С. 104–152.

93. Кондратов А. М. Была земля Арктида. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1983. 200 с.

94. Коновалов В. Чукотка. В поисках смысла // Известия. 10.10.2002а.

95. Коновалов В. Чукотка. В поисках смысла // Известия. 15.10.2002б.

96. Краткий путеводитель по выставке «Чукотское общество» / Сост. В. Г. Богораз-Тан. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 24 с.

97. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1755а. 438 с.

98. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 2. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1755б. 319 с.

99. Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5, и 1806 годах. Ч. 2. СПб.: В морской типографии, 1810. [5], 475 с.

100. Крюков В. М. «Люди», «настоящие люди» (к проблеме этнической типологии этнических самоназваний) // Этническая ономастика / Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов. М.: Наука, 1984. С. 6–12.

101. Куликова И. В. Олень — в языке, жизни и душе чукчей. СПб.: Лема, 2016. 214 с.

102. Леонтьев В. В. По земле древних кереков. Записки этнографа. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1976. 232 с.

103. Леонтьев В. В. Этнография и фольклор кереков. М.: Наука, 1983. 131 с.

104. Леонтьев В. В. Из истории происхождения названия «Камчатка» // Краеведческие записки. Вып. XIV. Магадан, 1986. С. 192–199.

105. Ливинская И. В. К вопросу о региональном варьировании русского языка // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2015. № 6. С. 37–42.

106. Ливинская И. В., Мандрикова Г. М. Диалектизмы в региональной лексике (на примере регионолекта города Новосибирска) // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: контаминация и конвергенция гуманитарной мысли. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Абакан: ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2016. С. 135–138.

107. Линденау Я. И. Описание народов Сибири. (Первая половина XVIII века). Магадан: Магаданское книжное издательство, 1983. 176 с.

108. Лукьянова Н. А. Введение в русистику: Учебное пособие для студентов отделений филологии и журналистики НГУ. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2000. 171 с.

109. Ляпунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов (конец XVIII — первая половина XIX в.) / Отв. ред. И. С. Вдовин. Л.: Наука, 1975. 200 с.

110. Ляпунова Р. Г. Алеуты. Очерки этнической истории / Отв. ред. Р. В. Кинжалов. Л.: Наука, 1987. 229 с.

111. Майоров А. П. Регионолект и регионализмы в современной языковой ситуации России // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 1. С. 51–55.

112. Маслова В. А. Региональная лингвистика: проблемы и перспективы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 6. С. 3–6.

113. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 346 с.

114. Миронов Г. Ю. Исторический аспект проблемы идентификации русинского этнокультурного сообщества: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. Ростов н/Д, 2013. 207 с.

115. Муравьёва И. А. Алюторский язык как представитель чукотско-камчатской семьи языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. IX, ч. 3. СПб.: Наука, 2013. С. 218–244.

116. Мыльникова К. М., Цинциус В. И. Материалы по исследованию негидальского языка // Тунгусский сборник. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. С. 107–218.

117. Меновщиков Г. А. О происхождении этнонима ‘алеут’ // Советская этнография. 1980. № 3. С. 109–116.

118. Меновщиков Г. А. Материалы и исследования по языку и фольклору чаплинских эскимосов / Отв. ред. А. Н. Жукова. Л.: Наука, 1988. 237 с.

119. Народы Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1084 с.

120. Народы Северо-Востока Сибири / Отв. ред. Е. П. Батьянова, В. А. Тураев; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН. М.: Наука, 2010. 773 с. (Народы и культуры).

121. Неопубликованные материалы по истории Чукотки XVIII века / Издание подгот. А. К. Нефёдкин. СПб.: Лема, 2016. 396 с.

122. Нетёсова Э. А. Колымский призрак. Роман. М.: Прометей, 1990. 224 с.

123. Нефёдкин А. К. Очерки военно-политической истории Чукотки (начало I тыс. н. э. — XIX в.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. 368 с.

124. Нефёдкин А. К. Военная культура чукчей (середина XVII — середина XX в.). СПб.: Лема, 2017. 456 с.

125. Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 5–33.

126. Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика / Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов. М.: Наука, 1984. С. 44–69.

127. Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. 1. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1960. 264 с.

128. Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 264 с.

129. Оглезнева Е. А. Дальневосточный регионолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. № 2 (16). 2008. С. 119–136.

130. Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 352 с.

131. Оглезнева Е. А. Дальневосточный регионолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // Слово: Фольклорно-

диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 10 / Под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: Изд-во Амурского государственного университета, 2013. С. 27–37.

132. Оглезнева Е. А. К вопросу о границах дальневосточного регионолекта // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2014. № 10. С. 65–68.

133. Оглоблин Н. Н. Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1891 г. Кн. 3 (158). М.: Университетская типография, 1891. С. 1–18.

134. Оглоблин Н. [Н.] Восточно-Сибирские полярные мореходы XVII века // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. CCCXXXXVII. 1903. Май. СПб.: Сенатская типография, 1903. С. 38–62.

135. Огрызко И. И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII — начало XX века). Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. 192 с.

136. Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, ея экономического состояния и быта населения. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1896. VIII, 223 с.

137. Опарин Д. А. Вариативность современного ритуального пространства Нового Чаплино[40] и Сиреников, Чукотка: дис. … канд. ист. наук: 07.00.07. М., 2015. 117 с.

138. Орлова Е. П. Азиатские эскимосы // Известия Всесоюзного Географического общества. 1941. Т. LXXIII. Вып. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 201–222.

139. Орлова Е. П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. СПб.: Наука, 1999. 168 с.

[40] Так у автора. Правильнее — *Нового Чаплина*.

140. Орлов, поручик. Амурские орончены // Вестник Императорского Русского Географического Общества / Под ред. В. П. Безобразова. Ч. 21. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1858. С. 193–199 (2 паг.).

141. Отписка казачьяго десятника Михаила Стадухина, о пребываніи его на рѣкахъ Анадырѣ, Акляѣ, Изигѣ и Тавуѣ // Дополненія къ Актамъ Историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою Коммиссіею. Т. 4. СПб.: Въ типографіи Эдуарда Праца, 1851. С. 120–122.

142. Отписка Ленскихъ воеводъ Петра Головина и Матвея Глѣбова, съ распросными рѣчами Енисейскихъ служивыхъ людей Постника Иванова и Прокопья Лазарева, бывшихъ на рѣкахъ Индигиркѣ и Янгѣ для ясачнаго сбора и открытія новыхъ земель // Дополненія къ Актамъ Историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою Коммиссіею. Т. 2. СПб.: Въ типографіи Эдуарда Праца, 1846. С. 241–243.

143. Отписка Якутскаго воеводы Ивана Акинфова, о Тунгузахъ, живущихъ близъ Охоты рѣки, и о моржевомъ промыслѣ по островамъ и заливамъ Охотскаго моря // Дополненія къ Актамъ Историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою Коммиссіею. Т. 3. СПб.: Въ типографіи Эдуарда Праца, 1848. С. 348–349.

144. Отписки Якутскому воеводѣ Ивану Акинѳову служивыхъ людей Семена Дежнева и Никиты Семенова, о походѣ ихъ на рѣку Анадыръ, о военныхъ дѣйствіяхъ противъ инородцевъ и проч. // Дополненія къ Актамъ Историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою Коммиссіею. Т. 4. СПб.: Въ типографіи Эдуарда Праца, 1851. С. 16–27.

145. Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 438 с.

146. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. Изд. 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2002. 456 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

147. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 1. Вып. 1: Тунгусы собственно. СПб., 1906. [2], XII, 026, 175, [4] с.

148. Пекарский Э. К. К вопросу о происхождении слова «тунгус» // Этнографическое Обозрение / Под ред. В. Ф. Миллера и Н. А. Янчука. Кн. LXX–LXXI. 1906, № 3 и 4. М., 1907. С. 206–217.

149. Подгурский Б. К. (Б. Горовский). Забытые русские земли. Чукотский полуостров и Камчатка: Путевые очерки. СПб.: Издание Б. А. Суворина, 1914. VIII, 122 с.

150. Показаніе якутскаго служилаго человѣка Петра Попова, посыланнаго въ Чукоцкую землю для собранія свѣдѣній о тамошнихъ жителяхъ и призыванія ихъ въ ясачный платежъ // Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типографія М. В. Д., 1882. 552 с., XXIV стб.

151. Полонский А. С. Курилы // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии. Т. 4 / Под ред. действ. члена А. И. Савельева. СПб.: Типография Майкова в д. Министер. Фин., 1871. С. 367–576.

152. Попова У. Г. Материалы по хозяйству и быту камчадалов в дореволюционное время: Отчёт / ГУ СВКНИИ ДВО РАН; инв. № 391. Магадан, 1964. 146 с.

153. Попова У. Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917–1977 гг. М.: Наука, 1981. 304 с.

154. Попов А. И. Названия народов СССР. Л.: Наука, 1973. 172 с.

155. Проблемы возрождения исчезающих юкагиров. Якутск: Северовед, 1996. 140 с.

156. Пупынина М. Ю. Чукотский язык: география, говоры и представления носителей о членении своей языковой общности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. IX, ч. 3. СПб.: Наука, 2013. С. 245–260.

157. Пупынина М. Ю. Чукотско-камчатская языковая общность: проспект комплексного описания // Лингвистика и другие важные вещи:

памяти Александра Павловича Володина (1935–2017). Сборник статей / Редакторы Е. В. Головко, А. М. Певнов, М. Ю. Пупынина, А. А. Сюрюн, А. Ю. Урманчиева. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 352–372.

158. Пупынина М. Ю., Коряков Ю. Б. География многоязычия народов Колымско-Алазейской тундры в конце XIX — начале XX века // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Вып. 1 (23). 2019. С. 69–82.

159. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: В 2 т. / Под ред. проф. А. К. Бороздина, проф. И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева. Т. 2. СПб.: Изд-е М. И. Акинфиева, 1909. [2], XXXII, 396 с.

160. Распросныя рѣчи служилаго человѣка Михаила Стадухина, о рѣкахъ Колымѣ и Чюхчѣ, о живущихъ по нимъ инородцахъ и о неизвѣстномъ островѣ на Ледовитомъ океанѣ, близъ устья рѣки Колымы // Дополненія къ Актамъ Историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою Коммиссіею. Т. 3. СПб.: Въ типографіи Эдуарда Праца, 1848. С. 99–100.

161. Ресин А. А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1888. 78 с.

162. Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

163. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / Составление, введение и комментарий Р. Г. Ляпуновой и С. Г. Фёдоровой; [худож. Л. А. Яценко]. Л.: Наука, 1979. 280 с.

164. Русская диалектология / В. В. Колесов, Л. А. Ивашко, Л. В. Капорулина и др.; под ред. В. В. Колесова. М.: Высшая школа, 1990. 207 с.

165. Русская тихоокеанская эпопея: [Сборник / Составление и введ. В. А. Дивина; Ист. очерки, коммент. и примеч. В. А. Дивина и др.]. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1979. 608 с.

166. Резвухина Ю. А. Колымская региональная лексика 20-х — начала 30-х годов XX века: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Магадан, 2014а. 288 с.

167. Резвухина Ю. А. Регионализм: к определению понятия // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. Т. 6. № 2. С. 84–90.

168. Сирина А. А. К вопросу об этнической идентификации эвенов и эвенков // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: Материалы международной научно-практической конференции. В 2 ч. (общ. паг.) / Отв. ред. Н. П. Макаров. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2004. С. 250–252.

169. Сирина А. А. Кто такие камчадалы и почему ты — один из них? Государственная политика и проблемы формирования этнической идентичности камчадалов Магаданской области // В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях / Отв. ред. Е. А. Пивнева, Д. А. Функ. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2005. С. 85–107.

170. Сирина А. А. Эвены и эвенки в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012. 604 с.

171. Сироткина Т. А. Этнонимы как предмет региональной лингвистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2005. № 3 (12). С. 82–84.

172. Сироткина Т. А. Категория этничности в русском языке (на материале этнонимии Пермского края): Монография. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008а. 216 с.

173. Сироткина Т. А. Этнонимы как речевые маркеры категории этничности (на материале этнонимии Пермского края) // Вопросы ономастики. 2008б. № 6. С. 37–46.

174. Сироткина Т. А. Актуальные проблемы современной этнонимики // Вестник Пермского университета. 2011а. Вып. 4 (16). С. 53–59.

175. Сироткина Т. А. Человек этнический в зеркале языка (на материале этнонимии Пермского края): монография. Пермь, 2011б. 246 с.

176. Скворцов Л. И. Норма. Литературный язык. Культура речи // Актуальные проблемы культуры речи. М.: Наука, 1970. С. 40–103.

177. Скорик П. Я. Керекский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1968. С. 310–333.

178. Соболевский А. И. Опыт русской диалектологии. Вып. 1: Наречия великорусское и белорусское. СПб.: Типография М. Меркушева, 1897. [2], 111 с.

179. Соколов А. М. Айны: от истоков до современности. (Материалы к истории становления айнского этноса). СПб.: МАЭ РАН, 2014. 766 с.

180. Соколянская Н. Н. Региональная лексика в литературе о Крайнем Северо-Востоке Сибири XVIII — начала XX веков: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Магадан, 1998. 231 с.

181. Соколянская Н. Н. Проблемы региональной лингвистики (лексикографический аспект). Магадан: Изд-во Северного международного университета, 2006. 85 с.

182. Соколянская Н. Н. Теоретические и практические занятия по региональной лексике Крайнего Северо-Востока // Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России) / Под ред. А. А. Соколянского. Магадан: СВГУ, 2016. С. 57–84.

183. Спиридонов Н. И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996. 80 с.

184. Старцев А. Ф. Ороки — орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток: Дальнаука, 2015. 163 с.

185. Стебницкий С. Н. Основные фонетические различия нымыланского (корякского) языка // Памяти В. Г. Богораза (1865–1936): Сборник статей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 285–309.

186. Стебницкий С. Н. К вопросу о семантическом использовании соответствия согласных к/ӄ в нымыланском (корякском) языке // Советский Север: Сборник статей по вопросам экономики, истории, этнографии, языка и культуры народов Советского Севера. № 4. Л.: Издательство Главсевморпути, 1939. С. 79–83.

187. Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. 288 с.

188. Сулейманов А. А. Этнические процессы и этническая идентичность аборигенного населения Российской Арктики в 50–80-е годы XX века (по материалам полевых исследований в Якутии) // Научный диалог. 2017. № 7. С. 162–174.

189. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / Отв. ред. А. А. Реформатский. М.: Наука, 1973. 366 с.

190. Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984 [указ. 1985]. 182 с.

191. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А. П. Непокупный. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.

192. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

193. Супрун В. И. Ономастика в диалектном тексте: проблемы лингвогеографии, лингвокультурологии, этнолингвистики // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 2 (38). С. 100–105.

194. Типы наддиалектных форм языка / Отв. ред. М. М. Гухман. М.: Наука, 1981. 310 с.

195. Ткалич А. И. Загадочные чуванцы: историко-культурные особенности формирования феномена «чуванцы-марковцы» на Чукотке с XIX по начало XX в. // Россия и АТР. 2017. № 3. С. 159–171.

196. Трубинский В. И. Современные русские регионолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение: Межвуз. сб. науч. тр. Псков, 1991. С. 156–162.

197. Туголуков В. А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) // Этнонимы. М.: Наука, 1970а. С. 204–217.

198. Туголуков В. А. Народ один — названий много // Советская этнография. 1970б. № 5. Сентябрь–Октябрь. С. 132–137.

199. Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.

200. Туголуков В. А. Проблема этнонима *орочёны* в тунгусоведении // Имя и этнос. Общие вопросы ономастики: этнонимия, антропонимия, теонимия, топонимия. М., 1996. С. 43–50.

201. Тураев В. А. Этническая история айнов Сахалина и Курильских островов в контексте российско-японских территориальных размежеваний // Россия и АТР. 2018. № 2 (100). С. 213–230.

202. Туров В. Г. Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск: Амтера, 2008. 228 с.

203. Уставъ объ управленіи инородцевъ // Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, съ 1649 года. Собраніе первое. Т. XXXVIII. 1822–1823. [СПб.:] Печатано въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1830. С. 394–417.

204. Фишер И. Е. [И. Э.] Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: При Императорской Академии наук, 1774. [2], 631 с.

205. Фрибе В. [Х.] Ответ на вопрос о пользе и вреде болот // Труды Вольного Экономического Общества. Ч. L. СПб.: Иждивением типографии содержателя И. К. Шнора, 1795. С. 250–305.

206. Хабек Й. О. Сибиреведческие исследования в Институте социальной антропологии им. Макса Планка в Галле (1999–2008 гг.) // Новый исторический вестник. № 4 (26). 2010. С. 83–93.

207. Хайт А. Тётя Мина — всемирная сваха // Мигдаль Times. № 108. 2010/5771.

208. Харанутова Д. Ш. Регионализмы забайкальского регионолекта как результат языковых контактов // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 4 (40). С. 113–118.

209. Хаховская Л. Н. Камчадалы Магаданской области (история, культура, идентификация). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 325 с.

210. Хаховская Л. Н. Социальная организация и этническая идентичность камчадалов Охотского побережья // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: Материалы международной научно-практической конференции. В 2 ч. (общ. паг.) / Отв. ред. Н. П. Макаров. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2004. С. 277–283.

211. Хаховская Л. Н. Коренные народы Магаданской области в XX — начале XXI в. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. 229 с.

212. Хаховская Л. Н. Эвены Магаданской области: к проблеме этнонимии // Этнографическое обозрение. 2009, № 2. С. 68–75.

213. Хаховская Л. Н. Этнонимические процессы у аборигенов Северо-Востока России (на примере эвенов и камчадалов) // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 25–36.

214. Хорошева Н. В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // Вестник Пермского университета. Русская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 32–36.

215. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. 1. Л.: Учпедгиз, 1947. 272 с.

216. Черский И. Д. Сведения об экспедиции Императорской Академии Наук для исследования рр. Колымы, Индигирки и Яны: Пребывание в Верхне-Колымске зимою 1891–1892 года. СПб.: 1893. 32 с.

217. Шавров К. Б. Этнический состав и естественное движение населения северных окраин Дальневосточного края // Итоги переписи северных окраин Дальне-Восточного края (1926–1927 г.). Благовещенск, 1929. С. XLI–LVIII.

218. Шепилева О. Е. Заимствованная лексика в речи русского населения Крайнего Северо-Востока России // Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России) / Под ред. А. А. Соколянского. Магадан: СВГУ, 2016. С. 85–105.

219. Шиманьский А. И. Происхождение и действительное значение слова «тунгус» // Этнографическое Обозрение / Под ред. В. Ф. Миллера и Н. А. Янчука. Кн. XLVII. 1905, № 4. М., 1906. С. 106–117.

220. Шнакенбург Н. Б. Нымыланы-кэрэки // Советский Север: Сборник статей по вопросам экономики, истории, этнографии, языка и культуры народов Советского Севера. № 3. Л.: Издательство Главсевморпути, 1939. С. 85–104.

221. Шпет Г. Г. Психология социального бытия / Под ред. Т. Д. Марцинковской; вступ. статья Т. Д. Марцинковской. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 492 с.

222. Шренк Л. [И.] Об инородцах Амурского края. Т. 1. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб., 1883. XII, 323 с.

223. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин. просвещения РСФСР, 1957. 188 с.

224. Щербак А. С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина; ООО «Центр-пресс», 2008. 197 с.

225. Экстрактъ Саваріева Лексикона о комерціи, по требованію Государственной Комерцъ-Коллегіи съ Французскаго на Россійской языкъ переведенъ. СПб.: При Императорской Академіи Наукъ, 1747. 58, 938, 52 с.

226. Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1982. 270 с.

227. Юкагиры (историко-этнографический очерк) / Отв. ред. акад. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1975. 242 с.

228. Языки и письменность народов Севера / Под общ. ред. Я. П. Алькора. Ч. III. Языки и письменность палеоазиатских народов / Под ред. Е. А. Крейновича. М.; Л.: Учпедгиз, 1934. 238, VI с.

229. Ястребов В. Н. Малорусские прозвища Херсонской губернии: Этнографический очерк. Одесса: Типография В. В. Кирхнера, 1893. [2], 17 с.

230. About Onomastics // American Name Society. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.americannamesociety.org/names/ (дата обращения: 16.10.2020).

231. Bogoras W. The Chukchee. Pt. 1. Material Culture // Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. VII. Leiden: E. J. Brill Ltd; N. Y.: G. E. Stechert & Cº, 1904. XVIII, 277 p.

232. Bergsland K. Aleut Dialects of Atka and Attu // Transactions of the American Philosophical Society. 1959. New Series. Vol. 49. Pt. 3. P. 3–128.

233. Dall W. H. Remarks on the Origin of the Innuit // Contribution to North American Ethnology. Vol. I. Washington: Government Printing Office, 1877. P. 93–106.

234. Gardiner A. The Theory of Proper Names. A Controversial Essay. 2nd ed., 2nd impression. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1957. viii, 78 p.

235. Habeck J. O. Dimensions of Identity // Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia / Ed. Erich Kasten. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2005. P. 9–26.

236. Handbook of North American Indians / Gen. Editor W. C. Sturtevant. Vol. 5. Arctic / Vol. Editor D. Damas. Washington: Smithsonial Institutions, 1984. XVI, 830 p.

237. Jochelson W. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus // Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. IX. Pt. I. Leiden: E. J. Brill Ltd; N. Y.: G. E. Stechert & Cº, 1910. XVI, 134 p.

238. Kaplan L. The Language of the Alaskan Inuit // Arctic Languages: An Awakening / Ed. by Dirmid R. F. Collis. Paris: Unesco, 1990. P. 131–158.

239. Kaplan L. Inupiaq identity and Inupiaq language: Does one entail another? // Études. Inuit. Studies. Vol. 25 (No. 1–2): Inuit identities, 2001. P. 249–257.

240. Kaplan L. Inuit or Eskimo: Which name to use? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.uaf.edu/anlc/resources/inuit_or_eskimo.php (дата обращения: 14.12.2019).

241. Michael M. Krauss. Eskimo-Aleut // Current Trends in Linguistics / Ed. by Thomas A. Sebeok; Research Center for the Language Sciences, Indiana University. Vol. 10. Linguistics in North America. The Hague; Paris: Mouton, 1973. P. 796–902.

242. Langsdorf G. H. von. Voyages and Travels in Various Parts of the World, during the Years 1803, 1804, 1805, 1806, and 1807. Carlisle: Printed by George Philips, 1817. 636 p.

243. Lanz L. Inuit vs. Eskimo. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tulugaq.wordpress.com/inuit-vs-eskimo/ (дата обращения: 14.12.2019).

244. Menovshchikov G. Contemporary Studies of the Eskimo-Aleut Languages and Dialects: A Progress Report // Arctic Languages: An Awakening / Ed. by Dirmid R. F. Collis. Paris: Unesco, 1990. P. 69–76.

245. Nuttall M. Locality, identity and memory in south Greenland // Études. Inuit. Studies. Vol. 25 (No. 1–2): Inuit identities, 2001. P. 53–72.

Лексикографические работы

246. Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 424 с.

247. Айнско-русский словарь по Бронславу Пилсудскому. Сахалинский диалект / Авт.-сост. канд. ист. наук В. Д. Косарев // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 7. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2004. С. 208–436.

248. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

249. Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1901б. [2], 346 с.

250. Богораз В. Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь / Под ред. С. Н. Стебницкого. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. XLVIII, 166 с.

251. Большой академический словарь русского языка: В 30 т. СПб.: Наука, 2004–2019–.

252. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. 1536 с.

253. Бурят-монгольско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. 854 с.

254. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М.: Госуд. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 804 с.

255. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. 1728 с.

256. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1858. [2], 328 с.

257. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1997–.

258. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

259. Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / Под ред. А. А. Соколянского. Магадан: СВГУ, 2010. 540 с.

260. Инэнликэй П. И. Словарь чукотско-русский и русско-чукотский. 3-е изд., перераб. СПб.: Дрофа, 2006. 255 с.

261. Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Якутск: Якутское книжное издательство, 1990. 356 с.

262. Леонтьев В. В., Новикова К. А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР // Науч. ред. Г. А. Меновщиков. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1989. 456 с.

263. Мудрак О. А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.

264. Нерознак В. П. Этнонимика // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е (репр.) изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 598–599.

265. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. 1536 с.

266. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 26-е изд., перераб. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс», ООО «Издательство „Мир и Образование“», 2008. 736 с.

267. Опыт областного великорусского словаря / [Под ред. А. Х. Востокова]. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1852. XII, 275 с.

268. Пискунова С. В., Махрачева Т. В., Губарева В. В. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. 282 с.

269. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1978. 199 с.

270. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 192 с.

271. Роббек В. А., Дуткин Х. И., Бурыкин А. А. Словарь эвенско-русский и русско-эвенский. Л.: Просвещение, 1988. 264 с.

272. Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 356 с.

273. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О. Н. Трубачёва. М.: Школа-Пресс, 1994. 288 с.

274. Резвухина Ю. А. Колымские регионализмы переходной эпохи. (Краткий словарь колымской региональной лексики 20-х годов XX века): Словарь. Магадан: СВГУ, 2014б. 40 с.

275. Словарь Академии Российской: В VI т. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1789–1794.

276. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: В VI т. СПб.: При Императорской Российской Академии, 1806–1822.

277. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. А. [И.] Подвысоцкий. СПб.: Издание Второго отделения Императорской Академии Наук, 1885. [4], 198 с.

278. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилаторского 1902 г. / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006. XV, [3], 678 с.

279. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. Г. [И.] Куликовский. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, 1898. [4], VI, [2], 150, [1] с.

280. Словарь русского камчатского наречия / [Сост. К. М. Браславец, Л. В. Шатунова]. Хабаровск: Изд-во Хабаровского ГПИ, 1977. 194 с.

281. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т языкознания; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957–1961.

282. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983.

283. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.

284. Словарь русских говоров Приамурья / Авт.-сост. О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.

285. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51–. М.; (Л.) СПб.: Наука, 1965–2019–.

286. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР [т. 16–17: Наука], 1948–1965.

287. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.

288. Словарь церковно-славянского и русского языка: В IV т. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1847.

289. Словник української мови: В 11 т. К.: Наукова думка, 1970–1980.

290. Сравнительные словари всех языков и наречий. Ч. 1 / С. П. Паллас и др. СПб.: В типографии у Шнора, 1787. 240 с.

291. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: В 2 т. Л.: Наука, 1975–1977.

292. Толковый словарь русского языка: В IV т. / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

293. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Прогресс, 1986–1987.

294. Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: В 2 т. СПб.: Златоуст, 2017.

295. Чикачёв А. Г. Диалектный словарь Русского Устья / Отв. ред. А. Е. Аникин. Новосибирск: Наука, 2005. 73, [1] с.

296. Чукотско-русский словарь / Сост. Т. А. Молл, П. И. Инэнликэй; под ред. П. Я. Скорика. Л.: Учпедгиз, 1957. 196 с.

297. Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 568 с.

298. Bergsland K. Aleut Dictionary / Unangam Tunudgusii. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1994. xlvi, 739 p.

299. The Encyclopædia Britannica. A Dictionary of Arts, Literature and General Information. 11th ed.: In XXIX vol. Vol. XV. Cambridge: At the University Press, 1911. xiv, 960 p.

300. The Encyclopedia of Canada. Vol II. Toronto: University Associates of Canada Ltd., 1935. [8], 411 p.

301. Karttunen F. An Analytical Dictionary of Nahuatl. Norman; L.: University of Oklahoma, 1992. XXXIV, 350 p.

302. The New Encyclopædia Britannica: In 32 vol. 15th ed. Micropædia: Ready Reference: In 12 vol. Vol. 7. 1994. [4], 1046 p.

303. Schultz-Lorentzen C. W. Dictionary of the West Greenland Eskimo Language. Kjøbenhavn: Reitzel, 1927. XI, 303 p.

304. Arthur Thibert, o.m.i. English-Eskimo, Eskimo-English Dictionary. Ottawa, Ont.: Research Center of Amerindian Anthropology; University of Ottawa, 1954. 174 p.

Приложение

Стандартизация этнических названий. Проблема лексикографического описания этнонимов

Любое обозначение объекта ономастики требует недвусмысленного наименования во избежание терминологической путаницы. Не случайно в науке приняты латинские обозначения представителей флоры и фауны. Это, однако, не исключает двоякого и даже троякого наименования растения или животного в одном языке (например, в украинском языке *аист* именуется: *лелека, бусел, чорногуз, боцюн, жабоїд, гайстер*, всё это род Ciconia; преобладающими являются первые два названия).

Этнонимические единицы точно так же могут иметь несколько названий, при этом одно или несколько из них, как правило, официальные, а остальные делятся на три части: 1) употреблявшиеся в прошлые эпохи и в настоящее время считающиеся устаревшими; 2) полуофициальные, просторечные; 3) ругательные, бранные названия. При этом чёткой границы, разделяющей этнонимы по степени употребимости, не имеется — она прозрачна: устаревшие этнонимы широко представлены в исторической литературе, проникают в современные труды, закрепляются в топонимии, просторечные наименования могут служить в качестве микроэтнонимов.

Г. Ф. Ковалёв отмечает важность проблемы выбора этнонима, поскольку, в отличие от апеллятива, где различные варианты номинантов обозначают практически один и тот же денотат, в этнонимии случается так, что очевидные варианты обозначают разные денотаты; например, *македоняне* могут соотноситься с греческим миром, а *македонцы* — со славянским, *авары* — с тюркским народом, а *аварцы* — с современным населением Дагестана [Ковалёв 2003: 104].

Этноним может отличаться от катойконима аффиксальным оформлением, например: *казах* и *казахстанец*, *узбек* и *узбекистанец*, *латыш* и *латвиец*, *якут* и *якутянин*, *ко́ми* и *комя́к*. Количество таких этнонимо-катойконимических

пар невелико. Как замечает А. И. Грищенко, бóльшая часть этнонимов и катойконимов образуются из хоронимов на *-стан* [Грищенко 2013: 156]. Исследователь отмечает наличие слова *афганцы* при почти полном отсутствии слова *афганистанцы*. Это объясняется тем, что *афганец* не этноним, а политоним, обозначающий жителя Афганистана, — нет афганского народа как этнической общности, нет афганского языка, но есть афганская нация как политическая субъектность. В связи с таким обстоятельством оним *афганистанец* на сегодня практически излишен, хотя и он имеет право на существование.

Кроме историческо-стилистической классификации этнонимов, они делятся морфологически по следующим группам: 1) этнонимы с различающимися корневыми основами (*венгры* и *мадьяры*, *камбоджийцы* и *кампучийцы*); 2) этнонимы, оформленные разными суффиксами-формантами (*гаитийцы–гаитяне–гаитянцы,* *лаосцы–лаотяне–лаотянцы*); 3) бессуффиксные и суффиксальные варианты этнонимов (*абхазы* и *абхазцы*, *чечены* и *чеченцы*); 4) неизменяемые и изменяемые варианты этнонимов (*оромо* и *оромы*, *хауса* и *хаусанцы*, *сомали* и *сомалийцы*) [Ковалёв 2003: 104].

Этноним *хауса* указан Г. Ф. Ковалёвым в качестве несклоняемого. Между тем в единственном числе существительное должно изменяться по падежам, принадлежа ко второму склонению: И. п. *хауса*, Р. п. *хаусы*, Д. п. *хаусе*, В. п. *хаусу*, Т. п. *хаусою/хаусой*, П. п. *хаусе*. Теоретически возможно и практически целесообразно склонять этноним и во множественном числе: И. п. *хауса* (*хаусы* — для группы лиц, но не всего народа: в несобирательном значении), Р. п. *хаус,* Д. п. *хаусам*, В. п. *хаус* (возможно, в некоторых случаях следует употреблять этноним условно без категории одушевлённости — *хауса*), Т. п. *хаусами*, П. п. *хаусах*.

С другой стороны, существительное (этноним) *саха (якут/якуты)* в настоящее время не изменяется по числам и падежам, образуемое от него прилагательное тоже неизменяемое (напр., Саха академический театр = Якутский академический театр). Это связано с тем, что данная лексема стала

использоваться в русском языке сравнительно недавно — с 1990-х годов. Представляется, что в будущем слово полностью адаптируется в языке и войдёт во второе склонение. В целом заимствованные недавно этнонимы, имеющие финаль *-а/-я* и в настоящее время несклоняемые, представляют особый интерес для изучения, в том числе в связи с необходимостью их адаптации: существительные, заканчивающиеся звуком [а] после согласного и относящиеся к нулевому склонению, выглядят в русском языке искусственно, смотрятся чужеродными. Так, в прошлом не склонялись (безосновательно) некоторые существительные — названия языков, заканчивающиеся на согласный: *говорить на идиш* (ср.: *говорить на иврите*), нормативно — *говорить на идише*. При этом, например, существительные *латынь* и *санскрит* склонялись всегда: *пользоваться латынью, знания в латыни, говорить на санскрите*. Возможно, это связано с более «высоким» статусом данных языков, в отличие от идиша, в прошлом имевшего в том числе несколько сниженное наименование *еврейский жаргон*. Названия народов должны пройти ту же адаптацию, что и названия языков.

Этнонимы с различающимися корневыми основами могут сосуществовать в языке. Например, *венгры* и *мадьяры* в равной степени обозначают один и тот же народ, первый употребляется шире. Что касается пары *камбоджийцы* и *кампучийцы* (это скорее политонимы, этноним — *кхмер*), корректнее употреблять первый оним: государство называется Камбоджа, название Кампучия существовало непродолжительное время после революции 1975 года, приведшей к власти красных кхмеров.

Этнонимы, оформленные различными суффиксами-формантами, могут употребляться в равной степени. Г. Ф. Ковалёв предлагает из двух и более суффиксальных вариантов выбирать наиболее краткий [Там же: 105]. С этим совершенно нельзя согласиться: во-первых, разнообразие только обогащает язык и закладывает возможность онимической дифференциации в будущем; во-вторых, существующую вариативность можно использовать в различных художественных целях. Между прочим, этноним *перс*, ныне почти

безраздельно господствующий, женского деривата в литературном языке не имеет: *персиянка* образуется от *персиянин*.

Бессуффиксные и суффиксальные этнонимы сосуществуют. В. И. Абаев отмечает явление языковой экономии, избавляющей этноним от лишённых смыслоразличительных функций формантов [Абаев 1959: 83–90]. Нельзя полностью согласиться с исследователем: в настоящее время этноним *чеченец* употребляется значительно чаще, чем *чечен*, *абхазец* чаще, чем *абхаз*; до сих пор употребительны *лезгинец*, *осетинец* при большей частоте этнонимов *лезгин, осетин*; устаревшими являются ныне такие этнонимы, как *грузинец*, *белорусец*. В одних случаях явление языковой экономии влияет на словоизменение, в других — нет; Г. Ф. Ковалёв отмечает появление таких этнонимов, как *венгерец* и *башкирец*.

Что касается выбора между изменяемыми и неизменяемыми этнонимами, предпочтение следует отдавать изменяемым: в языке, имеющем склонение существительных, желательно использовать склоняемые слова, поскольку так легче понять смысл написанного: флексии указывают на падеж, согласовывают слово в предложении, ускоряют чтение. В языках, не имеющих склонений, их функцию отчасти восполняют предлоги и иные служебные части речи.

Этнонимика не обходится без терминологического аппарата, как и любая иная наука. Т. А. Сироткина замечает: «[У]чёные используют разные термины для обозначения одних и тех же понятий. Так, синонимичными являются лексема „аллоэтноним“ и словосочетание „внешний этноним“, лексема „автоэтноним“ и словосочетание „внутренний этноним“» [Сироткина 2011б: 28]. Она же приводит словарик наиболее употребительных и общепринятых терминов этнонимики. В целом номенклатура названий этнонимики на сегодняшний день удовлетворительна. Множественность терминологии не затрудняет исследовательскую работу, различие терминов может обусловливаться принадлежностью учёных к разным научным школам, цитированием с одновременным переводом с иностранного языка, где

преобладающей является отличная от русской терминология, и прочими внешними факторами. Главное требование к терминологическому аппарату — недвусмысленность основных понятий.

А. И. Грищенком отмечен важный факт: в русских лексикографических работах объяснительного характера долгое время отсутствовали этнонимы, они появились только в толковых словарях конца XIX века. Исследователь находит причину сего в том, что этнонимы переставали восприниматься как имена собственные. С этим следует согласиться: со второй половины XIX века начинает преобладать написание этнонимов со строчной буквы, свидетельствующее о новом восприятии данных слов. Вместе с тем традиция невключения этнонимов в академические словари, возможно, связана с тем, что в первом толковом словаре современного русского языка — «Словаре Академии Российской» 1789–1794 — не были включены имена собственные, поскольку «собрано было толикое обилiе словъ, каковаго доселѣ въ одномъ составѣ не бывало», и Академия решила: «Исключить всѣ тѣ слова, кои къ составленiю языка не способствуютъ, куда относятся собственныя имена людей, земель, городовъ, морей, рѣкъ, озеръ и проч.» [САР-1, I: IX]. Последующие академические толковые словари [САР-2; СЦСиРЯ и др.] собственные имена, в частности этнонимы, в словниках не содержали.

А. И. Грищенко приводит многочисленные примеры неточного, а порой и вовсе неверного трактования лексем в современных лексикографических работах. Наиболее показательно ошибочное объяснение словарями лексемы *негр* через архисему ‘народ’ [Грищенко 2013: 148–149 слл.]. К этому следует добавить: в последнее время — не без влияния английского — слово *негр* начало приобретать в русском языке негативную окраску, вследствие чего люди начинают заменять его в устной речи на совершенно неточное *афроамериканец* (далеко не каждый негр обитает в Америке). Между тем представляется неправильным слепое стилистическое копирование из другого языка. — Во-первых, в русском *негр* не имеет никакого экспрессивного оттенка, связанного с политикой прошлого: ареал распространения русского

языка не совпадал и не совпадает с местами проживания людей негроидной расы, это явилось причиной отсутствия дискриминации и русскоязычных негров в сколько-нибудь значительном количестве. Во-вторых, этимология слова *негр* лишена экспрессивности: русское слово заимствовано из испанского языка, где *negro* означает ‘чёрный’. Авторитетное научное издание может прояснить ситуацию с использованием этнонимов и иных лексем, относящихся к людям и носящих этнонимический оттенок, установит точную сферу употребления онимов и их стилистическую окраску.

В настоящей работе на этнонимах народов Северо-Востока показаны неточные толкования, приводимые в словарях. Встречаются неточные или вовсе неверные объяснения в отношении и других этнонимических и отэтнонимических лексем. В обычных толковых словарях (напр.: [Ушаков; БАС-1; МАС-1; МАС-2]) этноним, как правило, приводится в одном из двух вариантов: или только во множественном числе, без указания единственного числа, или только в единственном числе; в подавляющем большинстве случаев женский дериват отсутствует. Всё это говорит о необходимости глубокой работы в области этнонимики, конечной целью которой будет являться подготовка словаря этнонимов; для осуществления такой задачи должны быть задействованы учёные-ономатологи.

Одним из первых о необходимости создания этнонимического словаря сказал Г. Ф. Ковалёв. По мнению исследователя, «[с]ловарь этнонимов должен удовлетворять прежде всего двум главным требованиям: 1) зафиксировать всё богатство и разнообразие этнических наименований, накопленных русским языком за весь период его существования; 2) определить норму употребления этнонима, по крайней мере, для современного состояния языка» [Ковалёв 2014: 134]. Учёный видит необходимость указывать этнонимы в трёх формах (за исключением неизменяемых): 1) множественного числа мужского рода — распространённейший вариант употребления; 2) дериват мужского рода; 3) дериват женского рода [Там же]. По мнению автора настоящего

исследования, необходимо также указывать дериват женского рода во множественном числе и отэтнонимические прилагательные.

К сказанному Г. Ф. Ковалёвым следует добавить и необходимость указания собирательной формы, которая для отдельных этнонимов может отличаться от множественного числа мужского рода, а также проследить «развитие» этнонимов в исторической ретроспективе. Так, одним из значений лексемы *русь* (ж. р.) является собирательное обозначение русских (форма собирательного этнонима), о чём в настоящее время известно немногим. Слово *россиянин*, в XVIII столетии употреблявшееся в качестве этнонима, ныне стараются использовать как политоним — в значении ‘гражданин России’, что вызывает путаницу и со строго научной точки зрения не может быть признано удовлетворительным. Есть необходимость указания всех древних этнонимов, имевших в прошлом иное значение, а также устаревших и полуофициальных.

В качестве примера изменения значения этнонима следует привести слово *русин*. Ныне данным этнонимом именуются восточнославянские жители Карпат и Воеводины, в прошлом этноним употреблялся в остальной России и имел несколько иное значение: он обозначал не только карпатский субэтнос восточных славян. Ныне этноним имеет ограниченное распространение, статус самой русинской общности спорен: русины считаются или отдельным восточнославянским народом, или субэтносом украинцев, или субэтносом единого русского народа. В любом случае, широта употребления данного этнонима сильно сузилась за последние три столетия. Исследователь русинской идентичности Г. Ю. Миронов указывает, что слово *русин* как этноним (наименование людей, относящихся к Руси) в письменных источниках впервые встречается в «Повести временных лет», в которой оно употребляется наряду с прилагательным *руський*. Русином называет себя тверской купец Афанасий Никитин в «Хождении за три моря» (1475). Одно из последних употреблений этнонима *русин* в источниках Восточной Украины встречается в 1728 году в драме «Милость Божия», поставленной в Киеве к 80-

летию начала Хмельничины и в честь вступления в гетманскую должность Данила Апостола [Миронов 2013: 44].

Большое количество чисто русских этнонимов и семантические изменения в исторической ретроспективе говорят о необходимости создания подробной лексикографической работы, посвящённой данному народу, с тщательным описанием всех имён в синхроническом и диахроническом аспектах. Неменьшая необходимость стоит перед наукой в описании этнонимов всех населяющих Россию народов.